

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР
АКАДЕМИЯ
НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ССР

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

БАКУ-1970

№1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Выходит 6 раз в год

I

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

БАКУ – 1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
М. А. ДАДАШЗАДЕ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Н. И. КОНРАД,
Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН, И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора),
Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор),

Б. М. ЮНУСАЛИЕВ, ЯШЕН КАМИЛЬ

Ответственный секретарь С. Г. АСАДУЛЛАЕВ

Адрес редакции: Баку-1, ул. Коммунистическая, 10. Тел. 92-66-51, 92-66-22.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

Итоги Всесоюзной переписи населения, проведенной в 1959 году, показали, что в нашем великом многонациональном государстве живут 23 тюркоязычных народа, насчитывающих 25 миллионов человек: казахи, узбеки, азербайджанцы, туркмены, киргизы, татары, башкиры, чувашаи, тувинцы, якуты, алтайцы, хакасы, кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, каракалпаки, гагаузы и др.

С того времени прошло десять лет, и родственное по языку коренное население пяти союзных и автономных тюркоязычных республик и областей значительно увеличилось. На территории Советского Союза представлены все тюркские языки, кроме турецкого. По численности людей, говорящих на них, тюркским языкам принадлежит в СССР второе место после восточнославянских языков.

Ленинская национальная политика Коммунистической партии, свыше полувека оказывающая исключительно благотворное влияние на культуру всех народов нашей страны, постоянно способствует также развитию их языкознания и литературоведения. В республиках и областях выросли высококвалифицированные кадры тюркологов. Они накопили огромный материал, выявили внутренние закономерности специфики своих родных языков и литератур, о которых и не догадывалась дореволюционная тюркология. По-новому были поставлены и решены многие сложные вопросы теории и практики тюркской филологической науки. Вместе с тем проделанная в советское время большая работа в данной области, теоретическое осмысление целого ряда узловых проблем тюркской филологии из-за отсутствия централизованного тюркологического органа печати не выходили на всесоюзную арену, оставаясь в рамках республик и областей, на страницах местных журналов и сборников.

В целях дальнейшего развития советской тюркологии Президиум АН СССР вынес Постановление об издании всесоюзного журнала «Советская тюркология», который призван объединить силы ученых, обеспечить широкий обмен идеями, опытом, результатами исследований и таким образом содействовать еще более успешному развитию тюркской филологии.

Тюркское языкознание стало теперь многогранной и дифференцированной наукой. В связи с накоплением огромного фактического материала и многочисленных исследований по отдельным тюркским языкам выделились самостоятельные отрасли тюркского языкознания: описательная грамматика, лексикография и лексикология, фонетика, культура речи, диалектология, история языка, изучение и издание памятников тюркской письменности и т. д.

В области описания современного состояния тюркских языков проделана большая работа. Созданы коллективные труды, посвященные описательной грамматике, фонетике и лексике современных тюркских языков.

В них на богатом фактическом материале как в синхроническом плане, так и на базе диахронического подхода к языковым явлениям по-новому поставлены и решены вопросы синтаксиса простого и сложного предложения, лингво-географии, алфавита и орфографии, терминологии, лексикографии и др.

Проведен также ряд исследовательских работ по проблеме слова в современных тюркских языках: разграничения сложного слова и словосочетания, лексико-семантической, грамматической и фономорфологической структуры тюркского слова; выявлены отличительные черты сложных глаголов по сравнению со сложными временными формами, устойчивыми глагольными сочетаниями; на основании морфологического развития слов выяснены различия между категорией падежа и послелогами.

Благодаря правильной научной оценке всех трех критериев (семантического, морфологического и синтаксического) при классификации частей речи последние определены с равным учетом этих критериев (без переоценки значения какого-либо из них), в результате чего уточнены существенные различия между именем существительным, прилагательным и наречием.

Категория глагола в тюркских языках—самая обширная и самобытная лексико-морфологическая категория, ярко отражающая в себе специфические особенности языка. И не случайно в тюркском языкознании эта категория освещена с разных сторон в большом количестве работ. Глагольные категории времени и наклонения, залога, вида и др. исследованы в различных аспектах. В результате исследований в области тюркского глагола был выдвинут ряд новых теоретических положений, важных для тюркологии. Так, например, были установлены различия между категорией времени и категорией модальности в глаголе.

Одним из спорных вопросов тюркского языкознания является вопрос о категории вида в тюркских языках. Исходя из теоретических основ языкознания, доказано существование в тюркских языках особой категории глагольного вида. Те из ученых, которые отрицали это, исходили из основ индоевропейского языкознания, а между тем вид как грамматическая категория, показывающая характеристику протекания действия, существует во всех языках и в том числе тюркских. В тюркских языках глагольный вид выражает, во-первых, качественную и количественную характеристику действия, а во-вторых, длительность и направленность действия в пространстве и времени. Кроме того, если до недавнего времени о категории вида говорилось порой в разделе сложных или вспомогательных глаголов, а порой в разделе деепричастий, то теперь уже данная категория рассматривается как самостоятельный раздел глагола, причем выявляются ее лексико-семантические и морфологические особенности, устанавливаются различия между синтаксическими и лексическими сочетаниями, с одной стороны, и видовыми конструкциями — с другой.

Синтаксис тюркских языков, до 50-х годов не выходящий за пределы школьной грамматики, за последние 15 лет стал объектом пристального и всестороннего изучения. Располагая узловыми научно-теоретическими положениями в учении о предложении и словосочетании, советские тюркологи создали фундаментальные работы по словосочетанию, по синтаксису простого и сложного предложения и т. д. В этих исследованиях советскими тюркологами на местах был разработан ряд теоретических вопросов, которые дореволюционными учеными либо не ставились, либо вообще отрицались.

К таким вопросам относится вопрос о безличных предложениях и критериях определения придаточных предложений на материале тюркских языков.

На обширном богатом материале доказано существование в тюркских языках различных видов безличных предложений, но в ином плане оформления, чем в индоевропейских языках. Наконец, на местах тюркологами, в первую очередь азербайджанскими лингвистами, было доказано коренное различие между оборотом как сложным членом предложения, лишенным предикативности, и придаточным предложением, обладающим предикацией.

Вклад советских тюркологов в теорию придаточных предложений в свое время был высоко оценен крупными лингвистами СССР и зарубежных стран.

Но все же, несмотря на большую работу, проделанную в области составления описательных грамматик тюркских языков, в них все еще имеются недостатки.

Теоретическая сторона этих исследований все еще не находится на должном уровне, много в них схематизма, при синхронном описании грамматических явлений историческим предпосылкам уделяется мало места. Отсюда становится ясным, что на страницах журнала «Советская тюркология» следует больше места уделять теоретическим вопросам, а также спорным дискуссионным вопросам в области описательных грамматик тюркских языков.

В области фонетики тюркских языков также проделана определенная работа. Опубликованы очерки и учебные пособия по фонетике тюркских языков. В последние годы на основе экспериментально-фонетических исследований установлена фонематическая система тюркских языков (вокализм и консонантизм), акцентуация и интонация слова и др., выяснены состав гласных и согласных фонем, принципы их классификации, артикуляционно-акустические характеристики отдельных звуков речи. Особое внимание было уделено фонологической интерпретации долгот, дифтонгизации, чередований звуков и других фонетических явлений. Вместе с тем следует признать, что многие вопросы синтаксической фонетики, фонетической структуры слова в потоке речи остаются пока неизученными. Отставание это объясняется недостатком высококвалифицированных специалистов и научно-технической базы, электроакустической аппаратуры на местах.

Задача журнала «Советская тюркология» в области фонетики тюркских языков состоит в том, чтобы систематически освещать на своих страницах, во-первых, слабо разработанные вопросы фонетики тюркских языков, во-вторых, структурно-математические методы в применении к изучению звукового состава тюркских языков.

Особенно большие успехи в тюркском языкознании достигнуты в области лексикографии. Советские тюркологи занимались не только составлением словарей, но и разработкой теоретических вопросов лексикографии, лексикологии, терминологии и фразеологии. Так, в русско-национальных словарях решались теоретические вопросы, как-то: отражение лексико-грамматических особенностей русского языка средствами тюркских языков, подача русских относительных прилагательных, переводы переносных значений, эквиваленты русских приставочных слов в тюркских языках, способы передачи их смысловых оттенков, проблема непереводаемых слов, отражение в тюркских языках грамматической категории рода и русского глагольного вида, переводы фразеологизмов и принципы их размещения в словаре и др.

Наряду с расширением объема (в связи с пополнением новыми словами) и переизданием русско-национальных словарей в последнее время в тюркоязычных республиках ведется большая работа над составлением

национально-русских словарей. Одним из замечательных достижений советских тюркологов на местах является то, что они впервые в тюркской лексикографии в конце 40-х годов приступили к составлению толковых словарей родных языков. Среди этих словарей особенно выделяется толковый словарь азербайджанского языка в четырех томах (уже вышел в свет первый том). По признанию советских тюркологов, теоретические основы азербайджанского толкового словаря послужили образцом для составления толковых словарей других тюркских языков. И это вовсе не случайно, ибо теоретические основы толкового словаря азербайджанского языка явились плодом многолетних разысканий в практической лексикографии, обобщения огромного опыта мировой лексикографии и в первую очередь богатейшей русской, имеющей славные академические традиции.

Впервые на материале одного из тюркских языков, а именно азербайджанского, исследованы такие важные и в то же время весьма сложные теоретические и практические вопросы общей лексикографии и лексикологии, как основные принципы построения словаря, отбор слов, критерии разграничения омонимов в словаре, семантическая лексико-грамматическая классификация слов и порядок следования их значений, типы толкований и пояснений значений слов и выражений, подача иллюстративного материала и т. д.

На основе выполненных многочисленных работ по тюркской лексикографии оказалось возможным перейти к углубленному сравнительному изучению тюркской лексики как в синхроническом, так и диахроническом аспекте.

В национальных и автономных тюркоязычных республиках подготавливаются монографии, посвященные отдельным вопросам лексикологии, фразеологии, омонимии, синонимии и т. п.

В центре, в Институте языкознания АН СССР, составляется этимологический словарь тюркских языков Советского Союза. Однако, несмотря на эти успехи в области тюркской лексикографии, многие вопросы тюркской лексикологии и семасиологии продолжают оставаться неразработанными. Учитывая это, журнал «Советская тюркология» должен в первую очередь освещать теоретические вопросы лексикографии и семасиологии тюркских языков и т. д. Ввиду неразработанности вопросов тюркской топонимики и ономастики необходимо на страницах журнала «Советская тюркология» больше помещать статей, посвященных тюркской топонимике и ономастике.

В области тюркской диалектологии также проделана большая работа. Монографическим путем изучено большинство диалектов и говоров тюркских языков. В этих монографиях выявлены весьма интересные и ценные материалы в области лексики, фонетики и грамматики, имеющие большое значение для сравнительно-исторической лексикологии, грамматики тюркских языков.

В настоящее время на местах наряду с монографическим исследованием отдельных диалектов и говоров тюркских языков диалектологи перешли к написанию обобщающих трудов в данной области.

Первая такая обобщающая работа под названием «Диалекты и говоры тюркских языков Советского Союза», подготовленная диалектологами, находится в печати. Выход этой работы из печати явится важной вехой на пути создания сравнительной диалектологии тюркских языков Советского Союза.

Одной из первоочередных задач тюркского языкознания на современном этапе его развития является создание диалектологического атласа тюркских языков. Применение лингво-географического метода в тюркской диалектологии началось в основном с конца 50-х годов. За истекшее время в Азербайджане, Татарии, Узбекистане, Киргизии и в

Других тюркоязычных республиках проделана определенная работа по составлению национальных диалектологических атласов. На местах выросли кадры специалистов, успешно работающих в области составления национальных диалектологических атласов.

Таким образом, уже к середине 60-х годов налицо были все предпосылки для того, чтобы приступить к составлению диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза. На V совещании по вопросам диалектологии тюркских языков, созванном в Баку в 1965 г., были заложены основы для составления диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза.

Для составления диалектологического атласа тюркских языков намечаются два этапа работы: первый этап — создание малого атласа; второй — создание фундаментального атласа, охватывающего не только диалекты тюркских языков Советского Союза, но и тюркские диалекты за рубежом. Для первого этапа, т. е. для составления малого диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза, необходимо подготовить 50—60 карт, отражающих общие черты диалектов этих тюркских языков. Сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР составлены программа и инструкция для сбора диалектологических материалов. Завершение малого диалектологического атласа тюркских языков планируется к концу 1975 г. Наконец, тюркскими диалектологами на местах на основе собранных богатых диалектологических материалов проводится большая работа по составлению диалектологических словарей. Надо сказать, что в Татарии и Азербайджане уже имеется определенный опыт составления таких словарей. Но все это пока еще только начало больших и трудоемких работ в области диалектной лексикографии, имеющей огромное значение для тюркского языкознания в целом.

В области тюркской диалектологии журнал «Советская тюркология» в первую очередь должен регулярно освещать ход работы над диалектологическим атласом тюркских языков, печатать статьи о достигнутых успехах обзорного характера, способствуя обмену опытом в области составления диалектологического атласа тюркских языков, а также статьи, посвященные принципам составления диалектологических словарей тюркских языков, и т. п.

Отстающим участком тюркского языкознания является подготовка исследований по истории тюркских языков. В связи с отождествлением этногенезиса с глоттогенезисом, прокламированием стадильной теории развития языков, забвением основного метода изучения истории языка — сравнительно-исторического метода — долгие годы не велась сколько-нибудь серьезная работа в области истории тюркских языков.

После дискуссии 1950 г. по вопросам языкознания был восстановлен в правах сравнительно-исторический метод — основной метод исследования истории языка. Таким образом, появились широкие возможности для ведения научно-исследовательских работ в области истории языка. Были установлены два аспекта в изучении истории языка в целом: 1) историческая грамматика и 2) история литературного языка; причем уточнялись объекты и методы исследования данных дисциплин.

В последнее время в области изучения истории языка наблюдается заметное оживление, начавшееся с конца 50-х годов и получившее развитие в 60-е годы. Но, к сожалению, приходится признать, что проделанная работа по двум отделам истории языка идет неравномерно. Если по исторической грамматике по отдельным тюркским языкам проделана определенная работа, написаны монографии, составлены учебники и учебные пособия, то этого нельзя сказать об истории литературного языка. В области истории литературного языка по отдельным тюркским язы-

кам пока, можно сказать, ничего не сделано. Трудность здесь заключается в том, что в истории литературного языка существуют некоторые неясные, сложные и неразрешенные вопросы. Одним из них является вопрос периодизации. Опираясь исключительно на социологический аспект, т. е. отождествляя историю литературы с историей литературного языка, долгое время периодизацию истории литературного языка строили на ненаучной и субъективной основе. Тогда как, исходя из соотношений общенародного разговорного и литературного книжного языков в разные периоды их истории, влияний внешних факторов, роли письменности и т. д., можно было бы дать обоснованную научную периодизацию истории литературного языка.

В настоящее время самая неотложная задача, стоящая перед историками тюркских языков, заключается в том, чтобы в ближайшие годы создать историю литературного языка.

Также неблагоприятно обстоит дело с изучением древней истории тюркских языков. Долгое время считалось установленным, что история тюркских языков начинается с орхоно-енисейских памятников, так как они являются самыми древними памятниками тюркских языков. А между тем известно, что до нашей эры и в начале нашей эры на территории от уральских гор до западной части Европы были расселены древние тюркские племена. Поэтому, как нам кажется, прав венгерский тюрколог Ю. Ф. Немет, внесший большой вклад в дело выяснения многих вопросов истории тюркских языков, когда он, говоря о древнейшей территории заселения тюрков, отмечает: «Как известно, древнейшие территории, где жили тюрки, обычно относятся к Центральной или Восточной Азии. В противоположность этому я высказал мнение о том, что, согласно языковым данным, древнейшие предположительные территории тюрков следует искать в Западной Азии. Тюркские племена, видимо, не следует отрывать от уральских, и нет оснований относить первоначальные территории уральских племен к Средней или Восточной Азии»¹.

Очень много неясных и неисследованных вопросов связано с языками гуннов, хазаров, болгаров — древних тюркских племен. Не выяснены также вопросы, связанные с чувашским и якутским языками, которые, входя в тюркскую группу, настолько отошли от других, что это дало повод некоторым исследователям считать чувашский язык остатком западного, а якутский — остатком восточного гуннского языка². Все это говорит о том, что советским тюркологам совместно с историками и археологами необходимо провести большую исследовательскую работу по истории тюркских языков до орхоно-енисейского периода.

Преодолевается также длительное отставание в области издания и изучения памятников тюркских языков.

Оживилась работа над изданием и изучением памятника XI в. «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, содержащего ценный материал о языке, этнографии, фольклоре и истории тюркских племен X—XI вв. Отрядным фактом явился выход из печати «Древнетюркского словаря», охватывающего языки IV—XIII вв. В лексико-грамматическом плане изучаются также памятники тюркской письменности: «Кутадгу-билиг», «Кодекс-куманикус», «Хибатул-Хакаи» и др., имеющие важное значение для истории тюркских языков. Но все это только начало работы. Многие средневековые кыпчакские письменные памятники у нас не изданы и не изучены с лексической и грамматической точек зрения.

В связи с длительным перерывом в изучении истории тюркских языков многие вопросы здесь все еще ждут своего решения. Исходя из этого,

¹ См.: «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 127—128.

² См.: Tahsin Banguoğlu. Eski Türkçe üzerine, Türk dili araştırmaları yıllık Belleten, 1965, Ankara, стр. 78—79.

журнал «Советская тюркология» должен освещать пока еще нерешенные вопросы истории тюркских литературных языков, как-то: пути формирования литературных языков; процессы взаимодействия народно-разговорной и книжно-письменной речи, диалектные основы в образовании национального литературного языка, а также вопросы периодизации истории тюркских литературных языков, применения сравнительно-исторического метода, роль диалектных данных в изучении истории тюркских языков и др. Необходимо также сосредоточить внимание журнала на освещении вопросов, связанных с разработкой и изданием памятников тюркской письменности.

В связи с изучением древней истории тюркских языков настало время вплотную заняться вопросами алтаистики. Поэтому необходимо освещать на страницах журнала «Советская тюркология» и вопросы, связанные с алтаистикой.

Одной из основных проблем в современной тюркологии является изучение процесса взаимодействия и взаимообогащения, происходящего между тюркскими и другими семьями языков.

Как известно, с древних времен тюркские народности жили в соседстве с индоевропейскими, финно-угорскими, семитическими, китайскими народами. Отсюда понятно, что между их языками осуществлялось взаимодействие и взаимовлияние. Но изучение этого процесса большей частью шло односторонне. Считалось, например, что во всех случаях только лишь «культурные языки», а к ним относили индоевропейские, могли влиять на тюркские. Обратный процесс, то есть влияние тюркских языков на эти языки, оставался неизученным, если не считать некоторых работ русских дореволюционных и также венгерских тюркологов, а в советское время — работы Н. К. Дмитриева. В последнее время интерес к этой проблеме в республиках заметно возрос. В Азербайджане появились работы, освещающие влияние тюркских языков на персидский и арабский, влияние азербайджанского языка на кавказские и т. д. Но все это только начало. Тюркологам предстоит большая работа в данной области. Необходимо выявить, с одной стороны, субстрат соседних языков в том или ином тюркском языке, а с другой — субстрат тюркских языков в этих языках. Очень часто в соседних языках сохраняются такие субстратные явления тюркских языков, которые в них самих давно исчезли. Выявление их имеет колоссальное значение для изучения истории тюркских языков.

Вопрос заимствований относится к числу весьма сложных и требует основательных знаний всех тонкостей и фактов сопоставляемых языков.

В последнее время в тюркологических работах часто говорится о заимствованиях не только лексического, но и фонетического и грамматического характера.

При определении исконного или заимствованного явления по традиции исходят из орхоно-енисейских памятников. Если какой-нибудь факт в конкретном тюркском языке совпадает с таковым в языке этих памятников, то он считается исконным. Конечно, с этим нельзя согласиться, так как язык орхоно-енисейских памятников не может быть праязыком всех тюркских языков: во-первых, это язык VII—VIII вв., наряду с которым существовали и другие тюркские языки; во-вторых, в современных тюркских языках встречаются такие архаичные явления, которых нет в орхоно-енисейских памятниках; в-третьих же, язык орхоно-енисейских памятников отнюдь не представляет языка в целом, это лишь крупница языка, существовавшего в те времена. Так, некоторые тюркские языки, с типологической стороны, стоят ближе к индоевропейским, нежели другие. Например, азербайджанский язык в отношении синтаксиса (порядок слов, богатство союзных связей, придаточных предложений и т. д.) близок к индоевропейским языкам. Если эта особенность не прослеживается

в языке орхон-енисейских памятников, то можно ли, основываясь на этом, весь синтаксис азербайджанского языка считать сложившимся под влиянием персидского языка, как это делают некоторые тюркологи? Конечно, нет. Здесь необходимо глубже вникать в историю образования каждого конкретного тюркского языка, ибо в одних из этих языков больше развита союзная связь, в других — грамматические обороты и т. д.

В связи с актуальностью разработки проблемы взаимовлияния и взаимообогащения языков журнал «Советская тюркология» будет освещать вопросы взаимодействия тюркских языков с другими языками, начиная с древних времен до наших дней.

Огромные успехи достигнуты в области решения практических задач советского тюркского языкознания. Ныне действующие алфавиты тюркских языков, несмотря на некоторые недостатки (при переходе на русскую графику часто не учитывалась специфика языка, механически переносились лишние знаки, не характерные для тюркских языков, и т. д.), в основном соответствуют фонетическим системам современных литературных языков тюркских народов. Урегулированы также правила орфографии тюркских языков. Теперь уже тюркские литературные языки располагают нормами правописания, базирующимися на научных грамматических принципах.

В связи с коренными социальными и культурными сдвигами в республиках, открытием целого ряда высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, развитием многих отраслей науки и техники, а также в результате успешных творческих поисков ученых на местах была выработана соответствующая научно-техническая терминология как в переводной, так и в оригинальной научной литературе. Прделана также определенная работа в области орфоэпии и стилистики родного языка. В некоторых республиках вышли из печати исследования по стилистике, написаны работы об основах орфоэпии и т. д. Но это тоже только начало работы.

В связи с ростом культурного уровня тюркских народов СССР расширились и углубились функции тюркских литературных языков во всех сферах их употребления. В настоящее время перед тюркскими языковедами Советского Союза стоят неотложные задачи в области культуры речи: с одной стороны, предстоит изучение вопросов устной речи, функциональных стилей литературного языка, в частности языка художественной литературы, публицистики, с другой стороны, необходимо дать научные рекомендации театру, печати, радиовещанию, кино, телевидению, направленные на обеспечение общественной и эстетической действительности речи, которая должна характеризоваться национальной самобытностью, смысловой точностью, богатством и разнообразием словаря, грамматической правильностью, логической стройностью, художественной изобразительностью и т. д.

В связи с повышением речевой культуры народа в журнале будут публиковаться статьи, посвященные вопросам нормализации литературных языков, совершенствования алфавитов и орфографий, установления норм орфоэпии, разработки принципов терминологии и т. д.

Таким образом, в языковедческих материалах журнала «Советская тюркология» будут освещаться вопросы фонетики, грамматики и лексики тюркских языков, их исторического развития (историческая и сравнительная грамматика и лексикология), а также вопросы истории литературного языка и диалектов, стилистики и теории перевода, вопросы культуры речи.

Кроме того, в журнале должны быть отражены вопросы теории и методологии языкознания, исследуемые на материале тюркских языков, в частности новейшие методы структурно-математической лингвистики, лингво-статистики, а также моделирование, машинный перевод и др.

Большие задачи стоят перед «Советской тюркологией» также в области изучения и пропаганды литератур тюркоязычных народов. Круг интересов журнала в этой области весьма широк. Достаточно сказать, что на страницах журнала будут освещаться вопросы становления и развития социалистического реализма в тюркских литературах, проблемы истории и теории тюркоязычных литератур и фольклора, взаимосвязи и взаимоотношения литератур тюркских народов, а также их отношения и связи с другими литературами, теоретические вопросы преподавания тюркских литератур в национальных школах и вузах, вопросы теории художественного перевода и многие другие.

Выполнение этой поистине грандиозной задачи немыслимо без творческих усилий советских и зарубежных тюркологов-литературоведов, на самое активное и заинтересованное участие которых в работе журнала рассчитывает редакция.

Создание журнала «Советская тюркология» открывает широчайшие возможности и перспективы для дальнейшего изучения актуальных проблем литератур тюркоязычных народов, способствует становлению и утверждению новой отрасли советского литературоведения — тюркского литературоведения. Журнал будет стимулировать творческие силы специалистов в этом направлении. Развиваясь в общем русле советского литературоведения и на базе марксистско-ленинской методологии, тюркское литературоведение в то же время будет иметь свои специфические задачи, вытекающие из особенностей объекта своего исследования — литератур тюркоязычных народов.

Тюркологи-литературоведы впервые за всю историю развития литературы и литературоведческой науки получают специальный журнал, на страницах которого будут освещаться многовековая история и современное состояние, а также перспективы развития тюркских литератур. Безусловно, и до выхода настоящего журнала в печати находили свое более или менее регулярное освещение проблемы тюркоязычных литератур. Однако теперь эта большая и сложная работа будет вестись систематически и планомерно, координироваться специальным всесоюзным академическим печатным органом. Тюркологи-литературоведы получили возможность обмениваться мнениями и накопившимся богатым опытом, совместными усилиями ставить и решать актуальные проблемы истории и теории литературы.

Здесь представляется необходимым выделить три важнейших аспекта. Первый аспект — изучение закономерностей развития литературы каждого тюркоязычного народа в отдельности, разумеется, не с целью изоляции ее от всеобщего советского и мирового литературного процесса, а как конкретной эстетической данности, освещение ее самобытной истории, специфических черт и особенностей, национальных традиций, эстетических проблем и задач, которые обусловлены своеобразием исторического и социального развития данного народа. Этот аспект предполагает дальнейшую работу в направлении создания истории отдельных национальных литератур как дооктябрьского, так и советского периодов, или же дополнения, обогащения и уточнения существующих «Историй» национальных литератур.

Второй аспект предполагает изучение тюркоязычных литератур как литератур народов, родственных между собой по языку, близких по национальной культуре, обычаям и бытовым традициям, что в совокупности определяет собой наличие общих черт в национальном характере, в психологии этих народов. Отсюда вытекает проблема схожести и художественных принципов изображения в тюркоязычных литературах как литературах одной языковой семьи. При рассмотрении литератур тюркоязычных народов в этом аспекте должно быть обращено внимание не

только на родственные и схожие черты и элементы внутри данной группы национальных литератур, но также на то, что является общим для всех советских народов, на особенности интернациональные, что гарантирует каждую национальную литературу от местничества и самообслуживания, локализации и изоляции и способствует свободному включению ее в общесоюзный и мировой литературный процесс.

Третий аспект предполагает исследование взаимосвязей тюркоязычных литератур, взятых в целом, с литературами нетюркоязычных народов. В пределах этой общей и широкой проблемы желательно и даже необходимо изучение взаимосвязей отдельных тюркоязычных литератур с отдельными нетюркоязычными литературами или группы тюркоязычных литератур с группой нетюркоязычных литератур по региональному (зональному) принципу, или же взаимоотношений одной тюркоязычной национальной литературы с группой нетюркоязычных литератур и наоборот.

Первостепенной задачей журнала является освещение *вопросов теории и эстетики* тюркоязычных литератур и в частности проблемы художественного метода в национальных литературах, выявление стилевых потоков и направлений, а также индивидуальных стилей, манеры художественного письма наиболее ярких и даровитых писателей при наличии общих методологических принципов художественного познания и типизации жизненных явлений.

Особую актуальность приобретает *изучение фольклора* тюркоязычных народов. Зарождение и историческое развитие национального фольклора каждого тюркоязычного народа, роль и значение фольклора в зарождении и развитии письменной литературы, дальнейшее взаимодействие фольклора и литературы на разных этапах их развития, а также характер и содержание этого «союза» — вот актуальные проблемы фольклористики, которые должны быть освещены на страницах журнала. Достаточно указать на наличие весьма заметных элементов и традиций фольклора в азербайджанской литературе, особенно в азербайджанском советском романе 30—40-х годов, чтобы убедиться в том, какую важную роль сыграл фольклор в зарождении и становлении этого жанра в азербайджанской советской литературе. Аналогичная картина наблюдается также в литературе среднеазиатских республик, где молодая советская проза опиралась в своем развитии на «плечи» фольклора, этого богатейшего арсенала художественно-поэтических средств и приемов, которые щедро заимствовались начинающими прозаиками. Традиции фольклора сильны и в современной тюркоязычной литературе, особенно в прозе.

Весьма актуальны сегодня проблемы *типологического изучения* тюркоязычных литератур. Типология у нас разработана менее всего, хотя это давно уже назревшая проблема.

В последнее десятилетие в русском литературоведении время от времени появляются отдельные статьи, в которых предпринимается попытка поставить эту проблему, привлечь к ней внимание исследователей, осветить те или иные ее грани. В прошлом году появился сборник «Проблемы типологии русского реализма». В настоящее время готовится трехтомная работа по вопросам типологии русского реализма. Предпринимается также попытка разработать типологию социалистического реализма на материале русской советской литературы.

К сожалению, проблема типологического изучения тюркоязычных литератур нашими тюркологами пока еще не ставится. Журнал «Советская тюркология» должен стимулировать разработку типологии литератур тюркоязычных народов.

Типологическое рассмотрение литературы открывает широкое возможности для исследовательской мысли, для изучения литературного процесса в бесчисленном многообразии форм его проявления, позволяет

по-новому увидеть и осветить не только отдельные исторические этапы и периоды развития литературы, но и выявить определенные градации, течения и направления — типологические формы в пределах этих этапов или периодов.

Эта проблема приобретает особую актуальность и методологическую остроту в применении к тюркоязычным литературам, как к литературам одной языковой группы. Типологический аспект позволяет здесь путем соотнесения различных национальных литератур определять общие для них идейно-художественные тенденции развития при выявлении национально-психологических черт, свойственных каждой тюркоязычной литературе в отдельности. Особенно важно обратить внимание на типы художественных сюжетов, мотивов, тем, традиционных образов и характеров, распространенных на Востоке и параллельно или последовательно разрабатываемых в двух или более тюркоязычных литературах (Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, Хосров и Ширин, Тахир и Зохра и многие другие).

Может быть, именно при комплексном изучении тюркоязычных литератур следует вплотную заняться освещением проблемы пресловутого *дидактизма* восточных литератур, вести сопоставительный, а следовательно, более глубокий и объективный анализ этого явления, научно объяснить его социально-историческую и национально-психологическую обусловленность, его эстетическую закономерность и оправданность. Вообще — что такое проблема дидактизма в литературе? Разве не настало время глубоко и по-деловому разобраться в этом вопросе? При типологическом рассмотрении тюркоязычных литератур эти вопросы также получают свое освещение.

Проблема типологии может быть разработана в пределах одной национальной литературы, на материале двух тюркских литератур и, конечно, всей семьи тюркоязычных литератур путем сравнительно-исторического их изучения.

Особенно важным и актуальным представляется типологическое изучение творческого метода советской литературы — социалистического реализма. Задача заключается не только в том, чтобы утверждать и доказывать, что творческим методом всей многонациональной советской литературы является метод социалистического реализма, но также в том, чтобы выявлять его специфические эстетические особенности и формы бытия в тюркоязычных литературах, многообразие его художественных стилевых и жанровых форм в каждой национальной литературе и в литературах тюркоязычных народов в целом.

Дело в том, что сложность вопроса вытекает, в частности, из того, что многообразие проявления социалистического реализма связано со многими факторами — с его национально-историческими истоками, с закономерностями общественно-исторического порядка и, наконец, с внутренней логикой его развития — с его типологией.

В связи с этим перед журналом «Советская тюркология» встают большие и совершенно новые задачи, разрешение которых возможно только коллективными усилиями тюркологов-литературоведов.

Следует подчеркнуть необходимость дальнейшей разработки *проблемы национального характера* как на материале отдельных национальных, так и всей семьи тюркоязычных литератур. Дело, разумеется, не в противопоставлении одного национального характера другому или национальному характеру в литературах одной языковой семьи (например, славянской) национальному характеру в литературах другой языковой семьи (тюркской), а в том, что при общности идейно-эстетических принципов советской литературы не только не исчезает и не стирается национальная специфика каждой

литературы в отдельности, но не стираются также общие национально-психологические черты характера в исторически сложившихся в одной языковой группе родственных между собой литературах. Так, например, национальные характеры в тюркоязычных литературах, в славянской, прибалтийской, северокавказской и других группах литератур при всей их очевидной социальной и политической общности (советский характер) имеют свои отличительные черты и особенности, сложившиеся исторически и продолжающие развиваться в наше время.

Теоретическое освещение этой проблемы на материале тюркоязычных литератур имеет большое научно-теоретическое и политическое значение в условиях современной идеологической борьбы между миром социализма и миром капитализма.

Следует, наконец, с открытием журнала «Советская тюркология» вплотную заняться изучением так называемого *восточного романтизма* как в его классической, так и в современной — советской форме.

Важно выявить природу «восточного романтизма», его соотношение с другими творческими методами, определить его место в современном советском литературном процессе и, естественно, ответить на дебатруемый теоретиками вопрос: развивается ли он как одно из стилевых направлений или потоков внутри единого для всей советской литературы метода — социалистического реализма, или же находится за его пределами в качестве самостоятельного художественного метода — романтизма? Этот вопрос должен быть освещен в журнале на материале советских тюркоязычных литератур. С каким эстетическим явлением мы имеем здесь дело — с романтизмом в его, так сказать, классической форме или с романтикой, революционной романтикой, романтическим пафосом, или же, наконец, с «восточной пышностью», витиеватой манерой изложения? Надо разобраться в многовековых традициях восточной романтической поэзии, исследовать их роль в становлении и развитии советских тюркоязычных национальных литератур. То же самое следует сделать и в отношении дальнейшей судьбы критического реализма в советских тюркоязычных литературах.

Время от времени появляются у нас работы о формировании и развитии той или иной национальной литературы, о развитии в них метода социалистического реализма. Однако уже пора взяться за изучение этого вопроса во всеююзном и даже мировом масштабе. Если освещение этого всеобъемлющего процесса во всей его полноте и целостности не под силу ни одному отдельному коллективу исследователей, то регионально-зональное или групповое изучение его по принципу, скажем, языкового родства литератур в указанном аспекте возможно и необходимо. В этом отношении журнал «Советская тюркология» имеет свой собственный объект изучения так же, как и журналы «Советское славяноведение», «Советское финно-угроведение» и другие подобные печатные издания. Зонально-региональное изучение проблемы или рассмотрение ее по принципу языкового родства положит начало большой работе в этом направлении, явится первой стадией изучения проблемы, за которой последует другая, более высокая, когда из отдельных региональных картин составится общая, всеююзная картина становления, развития и обогащения метода социалистического реализма. Свою лепту в разрешение этой большой научно-теоретической проблемы должен внести и журнал «Советская тюркология», который видит свою задачу в том, чтобы освещение конкретных проблем теории и истории отдельных национальных литератур шло не изолированно, не локально и не разрозненно, а координированно, в необходимой связи с аналогичными проблемами и явлениями других национальных литератур с тем, чтобы каждая национальная литература, выступая как отдельная, самобытная, неповторимая

Эстетическая данность, в то же время была представлена как органическая часть не только группы тюркоязычных литератур, но и общего, всесоюзного литературного процесса.

Деятельность журнала «Советская тюркология» в этом направлении будет способствовать созданию в перспективе общетеоретических и обобщающих работ по советской тюркологии.

Редакция журнала заинтересована в публикации общетеоретических статей о современном состоянии, задачах и перспективах изучения отдельных национальных литератур на ближайшие пять-десять лет, о тех аспектах и проблемах, которые занимают тюркологов-литературоведов в советских республиках. Кроме того, журнал будет печатать обзоры и рецензии на литературоведческие исследования и отдельные монографии, хроникальные материалы о научных конференциях и сессиях, сообщения о защитах докторских диссертаций по тюркской филологии, а также разного рода информацию о научной жизни отдельных республик и научных коллективов.

Журнал будет печатать также статьи зарубежных ученых-тюркологов, в первую очередь тюркологов стран социализма. Как известно, большая группа зарубежных специалистов ведет плодотворные исследования в области тюркологии. Многие древнейшие рукописи, уникальные произведения и другие ценные материалы по азербайджанской литературе, другим тюркоязычным литературам и вообще по литературам и филологии Востока сосредоточены в различных фондах и музеях западных и восточных стран. Редакция надеется получать статьи зарубежных тюркологов-литературоведов, где бы освещались эти материалы, дающие также возможность установить историю многовековых литературных и культурных связей между тюркскими народами и народами Запада, Ближнего Востока и др.

Деятельность журнала «Советская тюркология» будет способствовать консолидации творческих сил тюркологов, благотворно скажется на ее дальнейшем развитии.

В связи с тем, что изучение и преподавание тюркских языков и литератур приобрело в настоящее время большое значение в практике советской высшей и средней школы тюркоязычных республик, теоретические вопросы методики преподавания теории языка и литературы в национальных школах и вузах займут на страницах журнала «Советская тюркология» соответствующее их значению место.

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ*

В середине прошлого столетия Петербург стал центром отечественного научного востоковедения. Такое положение Петербурга определялось и поддерживалось наличием двух *первоклассных собраний восточных рукописей и книг* по востоковедению на восточных и западных языках. Это были собрания *Азиатского музея Академии наук* (осн. в 1818 г.), первого в России научно-исследовательского востоковедного учреждения, и *Петербургской публичной библиотеки*. Литературная база столицы дополнялась также учебной и исследовательской, каковой являлся основанный в 1854—1855 гг. *факультет восточных языков* (ФВЯ) СПб. университета, сыгравший исключительно важную роль в развитии отечественного востоковедения¹.

ФВЯ объединил в своих стенах весь цвет тогдашней востоковедной науки: А. К. Казем-Бека, В. П. Васильева, К. Ф. Голстунского, И. Н. Березина, А. О. Мухлинского, А. В. Попова, Д. А. Хвольсона, В. В. Григорьева и др.

С восьмидесятых годов прошлого столетия, когда организатором и идейным руководителем отечественного востоковедения стал академик В. Р. Розен (1849—1908 гг.), факультет восточных языков СПб. университета превратился в общепризнанный центр научного востоковедения. Именно здесь прошли подготовку, а позднее стали профессорами этого факультета ученые, создавшие русскому востоковедению мировую славу: И. П. Минаев, В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, П. К. Коковцов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатский, В. А. Жуковский, А. Э. Шмидт, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов и др.

Среди питомцев, позднее — профессоров ФВЯ, приумноживших славу русского востоковедения, был тюрколог и монголист Платон Михайлович Мелиоранский.

I

П. М. Мелиоранский родился в Петербурге 18 ноября 1868 г. в семье Михаила Ивановича Мелиоранского, питомца СПб. университета, позднее занимавшего в нем ряд административных должностей. «Фамилия Мелиоранских ведет свое начало от деда Платона Михайловича, Ивана

* Дисклад, прочитанный на 3-й Тюркологической конференции в Ленинграде (2—4 июня 1969 г.), посвященной столетию со дня рождения П. М. Мелиоранского.

¹ Подробнее см. А. Н. Кононов. Восточный факультет Ленинградского университета. «Уч. зап.» ЛГУ, № 296. Серия востоковедческих наук. Вып. 13, 1960, стр. 3—31.

Афанасьевича, бывшего протоиереем церкви Св. Екатерины, что на Кадетской (теперь: Съездовской) линии Васильевского острова (в СПб.). Мелиоранским назвали деда Платона Михайловича в семинарии или духовной академии, а раньше он числился Пономаревым, будучи сыном пономаря одного из сел Ефремовского уезда Тульской губернии². Дедом П. М. Мелиоранского со стороны матери, Надежды Александровны, урожденной Жиряевой, был Александр Степанович Жиряев, профессор уголовного права Дерптского университета, в семье которого немецкий язык знали как родной. И, естественно, П. М. Мелиоранский с детства усвоил этот язык.

Среднее образование П. М. Мелиоранский получил (до 5-го класса включительно) в реформатском училище, а затем в гимназии при лютеранской церкви Св. Екатерины, что на углу 1-ой линии и Большого проспекта Васильевского острова.

П. М. Мелиоранский с детства обнаружил отчетливые способности к изучению языков, а потому, когда пришла пора поступать в университет, у него был выбор лишь между филологическим факультетом и факультетом восточных языков. Тогда молодой П. М. Мелиоранский выбрал арабско-персидско-турецко-татарский разряд ФВЯ СПб. университета (1887 г.). По совету В. В. Радлова, с которым П. М. Мелиоранский встречался в доме общего знакомого еще в гимназические годы, он решил избрать своей специальностью тюркские языки, по тогдашней терминологии — турецкие наречия.

Одновременно с прохождением курса на ФВЯ П. М. Мелиоранский сразу же стал privately заниматься на дому у В. В. Радлова тюркскими языками, которые по плану факультета преподавались начиная с III семестра. П. М. Мелиоранский сперва принялся за изучение алтайского языка, с которого начинал и В. В. Радлов, затем перешел к казахскому (по старой терминологии — казах-киргизскому) языку, за которым последовало чтение отрывков из «Кутадгу билиг» и изучение некоторых «чагатайских» текстов. Занятия тюркскими языками у В. В. Радлова были чрезвычайно полезны для П. М. Мелиоранского, особенно потому, что тогда, по словам В. В. Бартольда, «лекций по тюркологии, кроме османского наречия, строго говоря, не было совсем».

Летом 1890 г., при переходе с III курса на IV-й, П. М. Мелиоранский получил от ФВЯ командировку в Оренбургскую губернию и Тургайскую область для изучения казахского языка и фольклора.

В 1891 г. П. М. Мелиоранский, блестяще окончивший курс ФВЯ, был оставлен при кафедре турецко-татарской словесности для подготовки к профессорской деятельности. В это же время П. М. Мелиоранский продолжал занятия у В. В. Радлова.

В августе 1893 г. П. М. Мелиоранский отправился в четырехмесячную заграничную командировку. Он посетил Лондон, Оксфорд, Лейден, Париж, Берлин. Во время командировкизнакомился с рукописями сочинения «Араба-филолога», позднее получившего известность под именем Ибн-Муханны, списал часть лондонской рукописи «Қысас-ал-ан-

² Биографические сведения о П. М. Мелиоранском почерпнуты из двух некрологов, написанных его учеником А. Н. Самойловичем: 1. П. М. Мелиоранский. (Некролог). ЖМНП, Новая серия VIII (1907 г.), № 4, отд. 4, 107—122; 2. Памяти П. М. Мелиоранского. ЗВОРАО, т. XVIII, 1907, 01—024 (с портретом и полной библиографией). См. еще: В. В. Бартольд. П. М. Мелиоранский. (Некролог). «Туркестанские Ведомости», 1906, № 81, стр. 508. Перепечатано в отчете СПб. университета за 1906 г., стр. 8—12; Г. Айдаров. П. М. Мелиоранский—крупный исследователь-тюрколог (60 лет со дня смерти). «Изв. АН Каз. ССР». Серия общественная. Алма-Ата, 1966, № 6, стр. 91—92; Л. С. Левитская. П. М. Мелиоранский. (К столетию со дня рождения). НАА, 1968, № 6, стр. 214—216; С. К. Кенесбаев. П. М. Мелиоранский — один из первых крупных исследователей казахского языка. «Вестник АН Каз. ССР», 1969, № 10, стр. 36—46.

бийя» Рабгузи и занимался изучением «Дивана» Бурхан-ад-дина Сивасского (XIV в.).

В 1894 г. П. М. Мелиоранский приступил к чтению лекций на ФВЯ СПб. университета в должности приват-доцента. В 1899 г. П. М. Мелиоранский защитил магистерскую диссертацию («Памятник в честь Кюльтегина»), в 1901 г. докторскую («Араб-филолог о турецком языке»); в том же году П. М. Мелиоранский был назначен экстраординарным, а в конце 1905 г. ординарным профессором ФВЯ СПб. университета. С 1902 г. до самой смерти П. М. Мелиоранский состоял секретарем ФВЯ.

Летом 1904 г. П. М. Мелиоранский посетил Вену, где изучал преимущественно сочинение Мухаммеда Салиха «Шейбани-наме».

Любимый ученик П. М. Мелиоранского, впоследствии известный тюрколог А. Н. Самойлович (1880—1938 гг.), близко знавший П. М. Мелиоранского, писал: «Несмотря на слабость своего здоровья и другие неблагоприятные обстоятельства, П. М. Мелиоранский благодаря своим недюжинным дарованиям, большому трудолюбию и безграничному интересу к своему предмету поразительно быстро стал на мало кем из тюркологов достигнутую высоту *современных лингвистических методов и взглядов* (курсив мой. — А. К.) и знакомства с наличным собранным материалом и исследованиями по тюрковедению, преимущественно же по турецкому языку (т. е. по тюркским языкам. — А. К.). По своим научным воззрениям покойный примыкал к школе нео-грамматиков»³.

П. М. Мелиоранский не был полиглотом, как, например, Ф. Е. Корш, но был прекрасно вооружен знанием целого ряда западных (латинский, греческий, немецкий, французский, английский, голландский, итальянский, датский) и восточных (тюркские, арабский, персидский, монгольский) языков. По свидетельству близко знавших его людей, П. М. Мелиоранский «отличался чрезвычайно живым и общительным характером и обладал в высшей степени чуткой и отзывчивой душой»⁴.

II

За свой очень короткий век ученого-исследователя — всего тринадцать лет — с 1893 по 1906 гг. — П. М. Мелиоранский написал 42 работы⁵, многие из которых вошли в золотой фонд тюркологии. Его работа «Араб-филолог о монгольском языке» (ЗВРАО, XV, 1903, 75—171) высоко ценится монголистами.

Труды П. М. Мелиоранского распределяются по следующим основным разделам тюркологии:

1. Издание, лингвистическая и историко-филологическая обработка памятников тюркской письменности арабским алфавитом: 1) Отрывки из «Дивана» Ахмеда Бурхан-ад-дина Сивасского; 2) Сказание о пророке Салихе (из «Кысас-ал-энбийя» Рабгузи); 3) Араб-филолог о турецком языке; 4) Араб-филолог о монгольском языке; 5) Шейбани-наме.

II. Памятники рунического письма: 1) Древнетюркские памятники в *Қошо-Цойдаме* (совместно с В. В. Радловым); 2) *Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями*; 3) Памятник в честь Кюльтегина⁶; 4) Небольшая орхонская надпись на серебряной крынке

³ А. Н. Самойлович. Памяти П. М. Мелиоранского, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Хронологический перечень печатных трудов П. М. Мелиоранского см.: А. Н. Самойлович. Памяти П. М. Мелиоранского, стр. 15—20, где перечислена 41 работа, однако на отд. оттиске этой статьи, принадлежавшем А. Н. Самойловичу, его рукою на 20-ой стр. сделана приписка: «42. Ахмед Ясеви, в Мус. энцикл.» — Действительно, *Encyclopedie de l'Islam. Tome I, A—D. Leyden-Paris, 1913, 208—209* помещена статья Ahmed Jesewi за подписью: П. Мелиоранский.

⁶ См.: Г. Айдаров. П. М. Мелиоранский и памятник в честь Кюльтегина. «Изв. АН Каз. ССР». Вып. 3 (19). Алма-Ата, 1969, стр. 81—85.

Румянцевского музея; 5) Два серебряных сосуда с енисейскими надписями.

III. Памятники уйгурского письма: 1) О Кутадгу билиг Чингиз-хана; 2) Документ уйгурского письма Султана Омар-шейха.

IV. Грамматические работы: Краткая грамматика казах-киргизского языка. Часть I. Фонетика и этимология. Часть II. Синтаксис⁷.

V. Фольклор: 1) Киргизские пословицы и загадки; 2) Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову.

VI. Разные: 1) Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции географических собственных имен турецко-татарского происхождения; 2) Дополнительные соображения по вопросу о транскрипции географических наименований в указателе к карте; 3) Пробная транскрипция географических названий турецкого корня в губерниях Казанской, Оренбургской и Уфинской.

VII. Рецензии (12 наименований), преимущественно на лингвистические труды.

Несмотря на широкий диапазон своих научных интересов, а может быть, и благодаря им, П. М. Мелиоранский был и сознавал себя прежде всего *тюркологом-языковедом*.

В востоковедении прошлого века, в силу специфики материалов исследования, преобладал особый тип исследователя — востоковед-универсал, для которого материалом исследования служило любое проявление духовной и материальной культуры народов Востока (Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, Н. Я. Бичурин, О. И. Сенковский). Этот тип востоковеда-универсала в более или менее законченном виде продержался в некоторых областях востоковедения до начала XX в. Однако уже в середине прошлого века в России зарождается новая самостоятельная дисциплина — *восточное языкознание*, наиболее яркими представителями которой были: О. Н. Бётлингк, А. А. Шифнер, А. А. Бобровников, К. А. Коссович, В. В. Радлов, Г. К. Залеман, П. М. Мелиоранский.

Первым востоковедом-лингвистом в современном понимании этого термина был О. Н. Бётлингк (1815—1904), знаменитый санскритолог, вошедший в историю тюркологии как автор классического исследования «О языке якутов» (СПб., 1851).

У тюркологов до В. В. Радлова лингвистические проблемы не были предметом специального изучения, хотя его предшественники и современники составили несколько хороших описаний грамматического строя тюркских языков, среди которых с особой признательностью следует назвать грамматики: И. И. Гиганова (ум. в 1801 г.), О. И. Сенковского (1800—1858 гг.), А. К. Казем-Бека (1802—1870 гг.) и особенно «Граматику алтайского языка», составленную Я. М. Глухаревым (в монашестве о. Макарий), В. И. Вербицким и Н. И. Ильминским.

В. В. Радлов положил начало тюркскому языкознанию, заложил его основы на базе большого, хорошо систематизированного фактического материала.

П. М. Мелиоранский, глубоко овладевший основами и методом современной ему теории общего языкознания, своими исследованиями в области грамматики казахского языка, а также ряда памятников тюркской письменности, по праву занимает место выдающегося тюрколога-языковеда. «П. М. Мелиоранский всегда был, — писал в упомянутом некрологе его друг академик В. В. Бартольд, — и сознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных

⁷ Переведен на французский язык: La syntaxe kirghize de P. M. Melioranski. Traduite du russe par E. de Zacharko et commentée par W. Bang. „Muséon“, 1921 — 1922, t. XXXIV, 217—250; t. XXXV, 49—108.

памятников народа), а лингвистом (курсив мой. — А. К.), для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения».

П. М. Мелиоранский, глубоко понимая необходимость для студентов-востоковедов получения солидной общелингвистической подготовки, впервые в практике ФВЯ включил в программу факультативный курс общего языкознания, который он сам и вел. Таким образом, с именем П. М. Мелиоранского связан также новый этап подготовки студентов-востоковедов.

Специального изучения заслуживают ставшие классическими исследования П. М. Мелиоранского — «Памятник в честь Кюль-тегина», сочинения Ибн-Муханны о «турецком» и монгольском языках, грамматика казахского языка, в которых, как в фокусе, сосредоточены все основные проблемы тюркского языкознания, определены задачи его дальнейшего развития, предложены реальные средства и указаны реальные пути их решения. Все сказанное по этому поводу П. М. Мелиоранским сохраняет свое значение и поныне. Для иллюстрации этого положения достаточно привести вступительные слова введения к его докторской диссертации «Араб-филолог о турецком языке» (СПб., 1900, стр. I): «Создание сравнительной грамматики турецкого языка (т. е. тюркских языков. — А. К.) со всеми его многочисленными ответвлениями есть, несомненно, одна из основных задач тюркологии. Для ее выполнения необходимо ознакомиться со всеми современными турецкими наречиями (т. е. тюркскими языками. — А. К.), проследить, насколько это возможно, всю двенадцативекковую историю турецкого языка (т. е. тюркских языков. — А. К.) вплоть до древнейших доступных нам памятников его, привести в связь, объяснить исторически все встречавшиеся и раньше, существовавшие в турецком языке (т. е. в тюркских языках. — А. К.) фонетические явления, формы и синтаксические конструкции».

Для достижения поставленной задачи — составления сравнительно-исторической грамматики тюркских языков — П. М. Мелиоранский настоятельно рекомендовал учесть весь наличный материал и придавал «чрезвычайно важное значение изучению *живых народных говоров* (курсив мой. — А. К.), основанному на непосредственном наблюдении над ними. Не только потому изучаются современные диалекты, что каждый из них представляет известный интерес сам по себе, но и потому, что общие законы жизни языка, добытые научной разработкой установленных наблюдением фактов, действовали или, по крайней мере, могли действовать, по мнению лингвистов, и в более ранние периоды существования того же языка или той же группы родственных языков» (там же, стр. I).

Придавая особое значение изучению диалектов для понимания древних письменных памятников, что в ту пору в тюркологии не являлось, как теперь, само собой разумеющимся, П. М. Мелиоранский писал: «...современные диалекты сохраняют часто, как показало уже неоднократно наблюдение, многие древние формы и слова, не дошедшие до нас в сравнительно новых письменных источниках, и представляют таким образом драгоценное, часто незаменимое пособие для понимания и отчасти лингвистического разбора наиболее древних памятников» (там же, стр. II).

Отдавая должное знанию диалектов для понимания и изучения древних памятников, П. М. Мелиоранский решительно заявлял, что «*главным* (курсив П. М. Мелиоранского) материалом для исследования истории языка Востока являются различные писанные источники-рукописи, надписи, монетные легенды и пр.» (там же, стр. II). Основная группа памятников тюркской письменности, как известно, написана на восточных алфавитах: руническом, уйгурском, арабском, манихейском, брахми. Вторая группа памятников — на европейских алфавитах: ла-

тинском, греческом, кириллицей. Третья группа — на алфавитах: армянском, согдийском, сирийском, тибетском и китайскими иероглифами.

Все эти системы письма, за исключением, пожалуй, рунической и уйгурской⁸, были мало пригодны для тюркских языков, а потому «задача восстановить по их транскрипциям истинный текст, по справедливому мнению П. М. Мелиоранского — представляет опять-таки свои немалые трудности...» (там же, стр. III).

В качестве особенно ценного источника для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков П. М. Мелиоранский называет филологические сочинения восточных ученых, писавших на арабском языке — латыни тогдашнего Востока.

В грамматических и лексикографических сочинениях средневековых и более поздних восточных авторов «содержится не только много ценного сырого материала, но отчасти этот материал является в известной научной обработке. Обработку эту можно назвать, конечно, не без оговорок, научной даже с точки зрения современного языкознания. Несмотря на пресловутую схоластичность средневековой арабско-мусульманской науки, надо сказать, что в некоторых отраслях языкознания средневековые арабы-филологи⁹ обнаружили гораздо большую рациональность в своих приемах и теориях, чем многие европейские ученые (а в особенности ориенталисты) не только в средние века, но даже чуть ли не вплоть до XX-го столетия» (там же, стр. IV). А что бы сказал П. М. Мелиоранский, если бы ему был известен «Диван» Махмуда Кашгарского? Этот один из важнейших, если не самый важный, источник для изучения исторической грамматики тюркских языков до последнего времени почти не привлекал внимания отечественных тюркологов после классической работы П. М. Мелиоранского «Араб-филолог о турецком языке».

Теперь мы можем с удовлетворением отметить, что в последние годы положение в этом разделе советской тюркологии резко изменилось к лучшему¹⁰.

Пожалуй, наиболее полно лингвистическое credo П. М. Мелиоранского, его воззрения на методы и приемы лингвистического анализа изложены в рецензиях на книги Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» (Казань, 1903)¹¹ и В. Гренбека „Forstudier til tyrkisk hydhistorie“ (Kopenhagen, 1902)¹².

Книгу Н. Ф. Катанова П. М. Мелиоранский подверг резкой, — в некоторых местах сокрушительной, но далеко не всегда оправданной, — критике в первую очередь за отсутствие внимания к достижениям фонетики, творческого элемента в изложении материала. «Несомненно, — пишет С. Н. Иванов в биографии Н. Ф. Катанова, — работа Катанова носила не столько творческий, сколько обобщающий (я бы сказал: компилятивный. — А. К.) характер, но именно эта особенность «Опыта» и принесла ему всеобщее признание специалистов»¹³.

Сейчас нас должна занимать не столько оценка П. М. Мелиоранским труда Н. Ф. Катанова, сколько его собственные лингвистические взгляды.

⁸ См.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. II.

⁹ П. М. Мелиоранский под «арабами» в данном случае разумел «не только чистых арабов по происхождению, но и различных «инородцев», принявших ислам и следовавших причастными арабско-мусульманской культуре» (там же, стр. IV, сноска 2).

¹⁰ Подробнее см.: А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, стр. 17—21.

¹¹ ЗВРРАО, т. XV, 1903.

¹² Göttingische gelehrte Anzeigen, 1904, № 6, 491—499.

¹³ С. Иванов. Н. Ф. Катанов (1862—1922). Очерк жизни и деятельности. М.—Л., 1962, стр. 57—58; см. также: Л. С. Левитская, указ. соч., стр. 216.

В рецензии на книгу В. Гренбека П. М. Мелиоранский высказывает свое мнение по вопросу, который и сейчас, спустя шестьдесят пять лет, волнует тюркологов, тунгусоведов, монголистов, японистов и корейстов: о гипотезе урало-алтайской общности — и предостерегает от поспешных заключений о генетической общности урало-алтайской семьи языков. П. М. Мелиоранский призывал к тщательному изучению фактического материала, к составлению частных сравнительно-исторических грамматик, к изучению чувашского и якутского языков, рано обособившихся от остальной семьи тюркских языков¹⁴.

П. М. Мелиоранский всегда осознавал себя прежде всего русским человеком, сердцу которого близки судьбы исторического развития родного языка. А потому П. М. Мелиоранский горячо откликнулся на тему, предложенную Академией наук — «определить, какие слова турецко-татарского происхождения перешли в русский язык в домонгольский период». Этой теме П. М. Мелиоранский посвятил три известные статьи, составившие важный этап в изучении тюркизмов в русском языке. Вот что писал Ф. Е. Корш по поводу его первой статьи: «...я приветствую такого образованного и остроумного тюрколога, как П. М. Мелиоранский при его вступлении на поприще русской филологии, где он, благодаря своим способностям и превосходной подготовке, может принести больше пользы, чем все его предшественники-ориенталисты, взятые вместе»¹⁵.

В течение своей двенадцатилетней педагогической деятельности, протекавшей в стенах ФВЯ СПб. университета, П. М. Мелиоранский старался утвердить лингвистическое направление подготовки тюркологов, для чего, как сказано выше, читал специальные курсы и семинары по общему языкознанию. Среди его учеников первым следует упомянуть А. Н. Самойловича, навсегда вошедшего своими трудами в историю русской тюркологии. Лекции П. М. Мелиоранского слушал и другой выдающийся наш тюрколог С. М. Малов. Из аудитории П. М. Мелиоранского вышли: В. Писарев, один из первых ученых, занимавшихся изучением турецких диалектов М. Азии; И. Беляев, занимавшийся изучением каракалпакского и туркменского языков; Н. Бравин, изучавший язык и фольклор крымских ногайцев; Н. Мартинович, занимавшийся турецким языком и литературой; Н. Караулов, издавший две работы о языке и этнографии балкар; С. М. Шапшал, известный знаток турецкого и караимского языков. Этот далеко не полный список учеников П. М. Мелиоранского свидетельствует о его незаурядных педагогических способностях.

Казалось бы, можно было ожидать, что в результате педагогической и научной деятельности П. М. Мелиоранского в русской тюркологии прочно утвердится чисто лингвистическое направление, и русская тюркология в части грамматических исследований будет развиваться на прочном фундаменте идей и достижений общего языкознания. Однако этого, к сожалению, не случилось.

В. В. Бартольд с горечью писал, что ученики П. М. Мелиоранского продолжали традицию общелингвистического направления.

Самый близкий и самый талантливый из известных нам учеников П. М. Мелиоранского А. Н. Самойлович продолжал работать в плане общелингвистического направления. Вероятно, это произошло только потому, что еще совсем недавно, тридцать—сорок лет тому назад, само состояние исследуемого материала не позволяло ограничиться чисто лингвистическим аспектом исследовательской работы. Как однажды хорошо сказал Н. К. Дмитриев, «тюрколог — врач по всем болезням».

¹⁴ См.: Л. С. Левитская, указ. соч., стр. 216.

¹⁵ Цитирую по: А. Н. Самойлович. Памяти П. Мелиоранского, стр. 8.

Только в последние примерно четверть века тюркское языкознание выделилось в самостоятельную область знаний, хотя эта «независимость» и не всегда идет ему на пользу. Полный и решительный отрыв тюркского языкознания от истории, особенно от истории культуры тюркоязычных народов, не принес успехов тюркологам. Если П. М. Мелиоранского считают лингвистом *par excellence*, то при этом не следует забывать, что этот выдающийся лингвист обладал глубокими знаниями тюрколога-историка, о чем свидетельствует его блестящий историко-филологический комментарий к изданию и переводу «Памятника в честь Кюль-тегина», признанный эталоном лингвистического и историко-филологического исследования.

Выдающийся тюрколог П. М. Мелиоранский, оставивший в науке неизгладимый след, скончался 16 мая 1906 года на 38-м году жизни. Последующие поколения тюркологов всегда будет привлекать удивительно обаятельный образ П. М. Мелиоранского, лучшей данью памяти которого является создание исследований в области тюркских языков, выполненных с таким же глубоким знанием материала, с таким же тонким лингвистическим анализом, какие были характерны для трудов П. М. Мелиоранского.

Н. А. БАСКАКОВ

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ АЛТАЙСКОЙ СЕМЬИ ЯЗЫКОВ

I

Проблема урало-алтайской и алтайской семьи языков до сих пор является спорной и неразрешенной, хотя сравнительно-историческое изучение алтайских и уральских языков имеет уже довольно давнюю историю¹.

Одним из пионеров и основателей урало-алтайской теории был шведский офицер Ф. И. Табберт-Страленберг — полтавский пленник Петра I. Находясь долгое время в Сибири и изучая там быт и языки местного населения, Ф. И. Страленберг, на основании собранного им фактического материала, дал первую классификацию уральских (угро-финских и самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусских) языков². Он первым из ученых обратил внимание на типологическое сходство этих языков и их родство. Позже урало-алтайская теория в различных ее вариантах получила признание у многих исследователей уральских и алтайских языков.

Представители урало-алтайской теории опираются на значительное типологическое сходство структуры алтайских и уральских языков, а также и на многие материальные совпадения в грамматике и особенно в лексике этих языков.

Основными особенностями типологического сходства этих языков представители урало-алтайской теории считают следующие:

I. В области фонетики: 1) гармонию гласных; 2) общие закономерности ассимиляции согласных.

II. В области морфологии: 1) подавляющее преимущество агглютации в словообразовании и словоизменении; 2) наличие послелогов вместо предлогов; 3) отсутствие артиклей; 4) отсутствие грамматического рода; 5) наличие категории принадлежности; 6) конструкцию с исходным падежом при образовании сравнительной степени; 7) притяжательную конструкцию, замещающую конструкцию с глаголом «иметь» в других языках.

¹ Denis Sinor. Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale, Wiesbaden, 1965; Nicholas Poppe. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden, 1965; его же. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Th. I Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.

² См. его Tabula Polyglotta в сочинении F. J. v. Stralenberg. Das Nord und Ostliche. Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

III. В области синтаксиса: 1) позицию определяющих и дополняющих членов предложения и словосочетания перед определяемыми и дополняемыми; 2) отсутствие согласования в числе при определяемом числительном; 3) оформление вопросительных конструкций вопросительной частицей; 4) замещение придаточных предложений масдарными, причастными и деепричастными конструкциями и проч.

Если на первых этапах развития этой теории многие из ее представителей: В. Шотт³, Ф. Видеман⁴, Г. Винклер⁵, А. Боллер⁶, А. Алквист⁷, М. А. Кастрен⁸, В. Банг⁹ и другие были сторонниками родства этих языков не только внутри каждой, т. е. уральской и алтайской, группы, но и уральских и алтайских языков между собой, то в настоящее время вполне доказанным является родство языков лишь внутри каждой из указанных групп. Что же касается отношений между уральскими (угро-финскими и самодийскими) и алтайскими (тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими) языками, то они основываются на типологическом сходстве, но не на генетических связях, хотя некоторые ученые, как, например, Ю. Немет¹⁰, Б. Коллиндер¹¹, М. Ряснен¹² и др. приводят около трехсот общих лексических сопоставлений из уральских и алтайских языков, которые Ю. Немет объясняет либо древними заимствованиями, либо очень древним родством этих языков.

Е. Д. Поливанов¹³ и Г. И. Рамstedt¹⁴ несколько расширяют рамки алтайской группы языков, включая в ее состав также корейский язык. Данные корейского языка, приведенные Г. И. Рамstedтом, весьма убедительно мотивируют правомерность отнесения корейского языка к алтайским. Во всяком случае, в корейском и алтайском языках имеется большее количество лексических и грамматических элементов, которые могут быть объяснены их общим происхождением, чем в уральских языках.

Пока еще слабо аргументированными являются гипотезы о родстве алтайских языков с японским¹⁵, а уральских — с языками палеоазиатскими и, в частности, с юкагирским¹⁶.

³ W. Schott. Versuch über die Tatarischen Sprachen. Berlin, 1839; его же, Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachen Geschichte, Berlin, 1849.

⁴ F. J. Wiedemann. Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und die Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhoch asiens, 1838.

⁵ H. Winkler. Uralaltaische Völker und Sprachen, Berlin, 1884; его же, Das Uralaltaische und seine Gruppen, Berlin, 1885.

⁶ A. Boller. Die Pronominalsuffixe der uralaltaischen Verbunes. Sitzb. WAW, 25, Wienn, 1858.

⁷ A. Alquist. Forschungen auf dem Gebiet der Uralaltaischen Sprachen, 1861.

⁸ M. A. Castrén. Dissertatio Academica de affinitate declinationum in lingua Fennica. Estonica et Lapponica Helsingfors, 1839 и др. работы.

⁹ W. Bang. Uralaltaische Forschungen, Leipzig, 1890.

¹⁰ J. Németh. Az urali és a török nyelvek özi Kapcsolata. „Nyelvtudományi Közlemények“, 47, Budapest.

¹¹ B. Collinder. Über das Problem der Verwandtschaft der uralischen Sprachen, Uppsala Univ. Arsskrift, 1848; его же, La parenté linguistique et le calcul des probabilités. Uppsala, 1947.

¹² M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen, SO, XVIII. Helsinki, 1955; его же. Об урало-алтайском языковом родстве. «Вопросы языкознания», 1968, № 1.

¹³ Е. Д. Поливанов. К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайских языков. «Известия АН СССР», серия VI, № 15, М., 1927, стр. 1195—1204; его же. О музыкальном ударе в японском языке. Ташкент, 1924.

¹⁴ G. J. Ramstedt. Remarks on the Korean language, MSFOu, 58, Helsinki, 1928; его же, The nominal postposition in Korean. Там же, 67, Helsinki, 1933, стр. 459—464; его же, Studies in Korean etymology. Там же, 95, Helsinki, 1949.

¹⁵ H. Winkler. Japaner und Altaer. Berlin, 1894; W. Pröhle. Studien zur Vergleichung des Japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen, KSz. 17, 1916; G. J. Ramstedt. Japanin kielen historiasta. STEP, 1942, стр. 108—113.

¹⁶ B. Collinder. Das Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen. Uppsala, 1941.

Наконец, маловероятными и не имеющими каких-либо убедительных доказательств являются предположения о возможном родстве алтайских языков с американскими языками¹⁷, с одной стороны, и с сумеро-аккадскими — с другой¹⁸, точно так же, как алтайских и уральских языков с индоевропейскими. Впрочем, гипотезы о родстве алтайских языков с индоевропейскими в значительной мере представляются сомнительными и самим авторам этих предположений¹⁹. Странниками же родства только уральских языков с индоевропейскими являются Г. И. Рамstedт²⁰, а также и другие ученые (Х. Паасонен, Э. Н. Сэтяля, Н. Андерсон, Б. Коллиндер).

Наконец, существует также урало-тюркская теория, т. е. теория родства уральских языков только с тюркскими, представителями которой являются А. Вамбери²¹ и Ю. Немет²². Ю. Немет в одной из последних своих работ²³, приводя ряды лексических совпадений между уральскими и тюркскими языками, сформулировал свое отношение к данной проблеме в следующих своих выводах: «В отношении уральско-тюркского языкового родства мы располагаем такими явными доказательствами. Решающими здесь (кроме гармонии гласных и общих синтаксических явлений) являются приведенные выше лексические совпадения. Не совсем так обстоит дело с вопросом родства уральско-тюркских языков с монгольско-тунгусскими. Здесь в настоящее время отсутствует основное доказательство — совпадение в исконном словаре. Я считаю, что родство указанных языков является весьма вероятным, но не очевидным. Причина, по которой не удается обнаружить исконных лексических соответствий, заключается, видимо, в том, что вследствие доисторических процессов, до сих пор остающихся совершенно неизвестными, монгольские и в особенности маньчжурские языки хронологически и географически обособлены от других языков».

Таким образом, Ю. Немет считает более близкими по своим лексическим сходжениям уральские и тюркские языки, хотя, если принять во внимание гипотезу о венгерском языке, как о языке скрещенном, смешанном, то здесь следует отметить, что сходство венгерского языка с тюркскими объясняется именно только смешением, а не генетическими связями, которые характерны для венгерского и других угорских языков только с уральскими языками.

В противовес урало-алтайской и алтайской теории существует и скептическое отношение к ней некоторых исследователей, которые не считают тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки генетически родственными языками, а тем более не признают родства их с уральскими языками. Все общие в них элементы они объясняют тесными

¹⁷ B. Ferrario. Della possibili parentela fra le lingue „altaiche“ ed. alcune americane, XIX Congresso internazionale degli Orientalisti, Rom, 1928, стр. 210—223.

¹⁸ Fr. Hommel. Die sumero-akkadische Sprache und ihre Verwandtschaftsverhältnisse. Zeitschrift für Keilschriftforschung, I. Leipzig, 1884; его же, Zweihundert sumero-türkische Wortgleichungen, München, 1915.

¹⁹ F. Feiden. Ursprung der nichtgemein-indogermanischen Bestandteile der germanischen Sprachen „Anthropos“, 14—15, 1919—1920; D. Sinor. Études sur l'Eurasie Centrale. Bulletin de littérature ecclésiastique, № 1, стр. 39—55; № 3, стр. 150—171; ср. M. Jensen. Indogermanisch und Altaisch Hirt Festschrift, II, 1935.

²⁰ Ср., например, G. J. Ramstedt. The Relation of the altaic languages in other language groups. J.S.F.Ou, 53, Helsinki; его же, Turkin kielen alkuperästä, STEP, Helsinki, 1935, стр. 73—80.

²¹ A. Vámbéry. Magyar és török szóegyezések. Nyelvtudományi Közlemények, VIII, 1870.

²² Gy. Németh. Az uráli és a török nyelvek özi kapcsolata. Nyelvtudományi Közlemények, X, 1873.

²³ Ю. Немет. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. «Вопросы языкознания», 1963, № 6.

историческими контактами народов — их носителей. Так, общие лексические и грамматические сходжения в тюркских и монгольских языках объясняются представителями данной концепции²⁴ тесными контактами тюрков и монголов в IV—VII вв. в Китае, в VIII—XII вв. в Прибайкалье и в XIII—XIV вв. в Туркестане; общие тюркские и тунгусо-маньчжурские элементы — контактами тюрков и тунгусов в VII—X вв. в период существования государства Бохай, и монгольские и тунгусо-маньчжурские — в эпоху существования Киданьской Империи Ляо в X—XII вв. и возвышения чжурчженей в XII—XIII вв., а также ко времени заимствования маньчжурами монгольской письменности в XVII—XVIII вв.²⁵

Представители данной концепции, опираясь на расхождения в лексике и грамматике алтайских языков, считают невозможными их сравнительно-исторические исследования и предлагают ограничиться только установлением объема и характера лексических и грамматических взаимосвязей этих языков.

Однако данная точка зрения, категорически отрицающая родство алтайских языков, не имеет широкого распространения. Большинство исследователей алтаистов склоняется к гипотезам, утверждающим более тесные отношения и родство между алтайскими языками, определяющиеся либо в результате прямой генетической связи между этими языками, либо совместными и длительными связями между ними в древнейшие эпохи до их дифференциации на тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские группы родственных языков.

Итак, если оставить в стороне индивидуальные высказывания ученых о родственных отношениях указанных выше языков, то наиболее признанным следует считать родство уральских языков только внутри уральской группы и алтайских языков также только внутри алтайской группы. Что же касается генетической связи этих групп между собой, а также каждой из этих групп с языками корейским, японским, палеоазиатскими, индоевропейскими и другими, то здесь можно, пожалуй, согласиться только с Г. И. Рамstedтом и Е. Д. Поливановым в том, что наибольшее количество общих типологических черт и материальных данных в области лексики и в области грамматики имеют языки корейский и японский с языками алтайскими²⁶.

Из всех языков и языковых групп, отмеченных выше, наиболее полно изучены родственные отношения уральских, т. е. угро-финских и самодийских языков, и алтайских, т. е. языков тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Сравнительно-исторические исследования по алтайским языкам довольно полно представлены и общими трудами, среди которых видное место занимают работы одного из крупнейших представителей урало-алтайского языкознания Г. Винклера²⁷, общие сведения об алтайских языках и их отношении к другим языкам даны в известной работе французского тюрколога Ж. Дени²⁸; но наиболее полными и охватывающими все

²⁴ G. Clauson. The earliest Turkish loan words in Mongolian. *Central Asiatic Journal*, 1959, IV, 3; его же. The Turkish elements in XIV-th century Mongolian. *Central Asiatic Journal*, 19.0; V, 4; его же. *Turkish and Mongolian studies*, London, 1962.

²⁵ А. М. Щербаков. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. «Вопросы языкознания», 1966, № 3.

²⁶ Необходимо отметить существование и другой теории о происхождении японского языка как смешанного алтайско-малайско-полинезийского, ср. Sh. Muga-ya and A. About the Origin of the Japanese language, доклад на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Токио, 1968 (ротопринт), а также N. Matsumoto. *Le Japonais et les langues Austroasiatiques*. Paris, 1928.

²⁷ H. Winkler. *Die altaische Völker und Sprachenwelt*, Berlin, 1921; его же. *Die altaische Sprachen*, Berlin, 1924.

²⁸ J. Deny. *Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes. Le langage du Monde*, Paris, 1924; Paris, 1952.

аспекты и уровни алтайских языков сравнительно-историческими исследованиями являются труды Г. И. Рамштедта²⁹ и В. Л. Котвича³⁰.

Лучше всего исследована в сравнительно-историческом аспекте фонетика алтайских языков. Кроме установления фонетической структуры общеалтайского языка-основы и описания состава гласных и согласных фонем алтайского праязыка³¹, многие исследователи занимались также характерными и специфическими фонетическими особенностями алтайских и урало-алтайских языков, отличающими их от языков других генетических групп. В частности, исследователей привлекала проблема губной и палатальной гармонии гласных, весьма характерной для этих языков³².

Проведены некоторые изыскания также и в области алтайской сравнительно-исторической лексикологии. Некоторые, впрочем, весьма незначительные сведения из этой области имеются в работах В. Шотта³³, И. Грунцеля³⁴, Е. Калливулиса³⁵, В. И. Цинциуса³⁶ и других ученых, но основные и фундаментальные работы по сравнительной лексикологии и этимологические исследования в области алтаистики принадлежат, безусловно, Г. И. Рамштедту³⁷.

Много работ посвящено сравнительно-исторической морфологии алтайских языков. Пионерами создания сравнительно-исторической грамматики алтайских языков были немецкий ученый В. Шотт³⁸ и финский исследователь А. И. Кастрен, изучавший живые алтайские языки непосредственно в Сибири и написавший большую монографию-диссертацию „De affixis personalibus linguarum altaicarum“. Большинство исследователей сравнительной грамматики алтайских языков на ранних этапах развития алтаистики занимались сравнительным изучением отдельных частей речи и главным образом имен числительных³⁹ и местои-

²⁹ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Lautlehre, Helsinki, 1957; Formenlehre, Helsinki, 1952.

³⁰ W. Kótwicz. Studia nad językami altajskimi. Rocznik Orientalistyczny, XVI, Kraków, 1953.

³¹ J. Grunzel. Zur Phonetik der altaischen Sprachen. International Zeitschrift für vergleich. Sprachwissenschaft, 5, 1890; Z. Gornocz. Zur lautgeschichte der altaischen Sprachen, KSz., 13, Budapest, 1912; N. Poppe. Vergleichende Grammatik des altaischen Sprachen. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960; G. J. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, I, Lautlehre, Helsinki, MSFOu, 1957, 104, I.

³² L. Adam. De l'harmonie des voyelles dans les langues ouraloaltaïques, Paris, 1874; J. Grunzel. Die Vokalharmonie der altaischen Sprachen. Stzb. WAW, Wien, 1888; Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953; В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Перевод с немецкого А. А. Юлдашева, под ред. Н. А. Баскакова.

³³ W. Schott. Einiges zur vergleichenden Etymologie von Wörtern des sogen. Altaischen Sprachgeschlechts im weitesten Sinne. Stzb. BAW, 1887, стр. 1029—1037.

³⁴ J. Grunzel. Entrouff einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch, Leipzig, 1895.

³⁵ E. D. Callivoulis. De l'origine étymologique de quelques noms de nombre et de suffixe du pluriel dans les langues ouraloaltaïque, Paris, 1897.

³⁶ В. И. Цинциус. К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков. «Ученые записки» Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, т. 101, Л., 1954.

³⁷ G. J. Ramstedt. Kalmukisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 3, XXX, стр. 560; ег о же. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. Eine semasiologische Studie, MSFOu, Helsingfors 52, стр. 56—215.

³⁸ W. Schott. Versuch über die Tatarischen Sprachen. Berlin, 1836; ег о же. Altaische Studien I—V, Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften, 1859, 1861, 1866, 1869, 1871—1872.

³⁹ W. Schott. Das Zahlwort in der tschudischen Sprachen klasse wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen; там же, 1953 и более поздние работы; G. J. Ramstedt. Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, JSFOu, 24, Helsinki, 1907; W. Kótwicz. Contribution aux études altaïques, II, Lemberg, 1930.

мений⁴⁰. Далее следует указать на исследования категории падежей в алтайском языке⁴¹. В самое последнее время алтаистика в области морфологии была значительно продвинута вперед исследованиями наиболее крупных представителей алтайского языкознания — польского ученого В. Котвича, финского исследователя Г. И. Рамстедта и советских ученых Г. Д. Санжеева⁴², О. П. Суника⁴³ и В. А. Аврорина⁴⁴.

Опубликованная известным польским алтаистом Марианом Левички-ким посмертно капитальная работа В. Котвича «Исследование алтайских языков»⁴⁵, а также его предыдущие работы по алтаистике в совокупности представляют собой опыт большой сравнительно-исторической грамматики алтайских языков, построенной на живом фактическом материале с учетом всех предыдущих исследований по урало-алтайским языкам.

Не менее важное значение для сравнительно-исторического изучения алтайских языков имеют также и последние работы Г. И. Рамстедта и прежде всего его работа «Введение в алтайское языкознание. Морфология»⁴⁶.

Г. И. Рамстедт, один из наиболее ярких представителей алтайского сравнительно-исторического языкознания, начал свою интенсивную научно-исследовательскую работу в первые годы нашего века капитальными трудами в области угро-финского (марийского, остяцкого)⁴⁷ и главным образом монгольского (халхо-монгольского, монгольского, калмыцкого и др.)⁴⁸ языкознания. Однако большинство последующих работ Г. И. Рамстедта по своему материалу выходит далеко за пределы монгольского языкознания. Отрицая связи алтайских языков с угро-финскими, Г. И. Рамстедт вместе с тем расширяет пределы алтайской семьи языков за счет восточных языков, в первую очередь корейского и древнеяпонского.

Сравнительные исследования Г. И. Рамстедта в объеме всех алтайских языков начались не сразу. В первых своих работах Г. И. Рамстедт использует в большей степени материал монгольских и тюркских языков

⁴⁰ A. Boller. Die Pronominalsuffixe der ural-altäischen Verbuns, Stzb. WAW, 25, Wienn, 1858; Fr. Müller. Das Personalpronomen der altaischen Sprachen; там же, 1424, Wienn, 1890, Abh. I и более поздняя работа; W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936 и др.

⁴¹ W. Bang. Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen: 1. Zum Genitiv Affix...; 2. Zum Lokativ Affix... Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1895, 9, стр. 267—276; B. Laufer. Zur Entstehung des Genitivs der altaischen Sprachen, K.Sz., 2. Budapest, 1901, стр. 133—138, а также более новые работы; M. Lewicki. Przyrostki *-ra -rā, -ru -rū, -ri -ri*, w językach altajskich, Wilna, 1938 u. L. Sinor. D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques, T'oung-Pao, 37, 1944.

⁴² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.

⁴³ О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962; его же, К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы. «Вопросы языкознания», 1957, № 6.

⁴⁴ В. А. Аврорин. О классификации тунгусо-маньчжурских языков, М., 1960.

⁴⁵ W. Kotwicz. Studia nad językami altajskimi. Rocznik Orientalistyczny, XVI, Kraków, 1953; его же. Contribution aux études altaïques, Rosznik Orientalistyczny VII (I—III, стр. 130—234); XII (IV—V, стр. 122—142); XVI (A—B, стр. 327—368).

⁴⁶ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II, Formenlehre M.SFOu, 104; 2, Helsinki, 1952.

⁴⁷ W. J. Ramstedt. Bergtscheremische Sprachstudien. M.SFOu, 17, XII, 1902; его же, Über den Ursprung der sog. Jenissei-ostjaken. J.SFOu, 1907, 24, 2 и др.

⁴⁸ G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen MSOu, 19, 1903; его же. Das Schriftmongolische und die Urganundart phonetische vergleichen. J.SFOu, 1903, 21, 2; его же. Mongolica. Beiträge zur Kenntnis der monghol Sprache in Afghanistan, там же, 23, 4, 1905; его же. Kalmükische Sprachproben, MSFOu, 1909, 27, I, u. 27, 2, 1919; его же. Kalmukisches Wörterbuch, 1935, а также множество статей;

и в меньшей — тунгусских. Наиболее интересными для алтайского языкознания из его ранних работ, касающихся тюркско-монгольских языковых связей, являются работы, посвященные числительным⁴⁹ и глагольным аффиксам словообразования⁵⁰, а также исследования фонетико-грамматического характера⁵¹. Его изыскания в области тюркско-монгольских языковых связей были направлены на реконструкцию тюркско-монгольского языка-основы (праязыка).

В связи с алтаистикой интерес Г. И. Рамштедта привлекают сначала древние и современные тюркские языки⁵², а затем японский⁵³ и корейский⁵⁴ языки, которые изучаются им в аспекте их сравнительно-исторического сопоставления с другими алтайскими языками.

Только в последние годы Г. И. Рамштедт приступил к синтетическим работам по сравнительно-историческому изучению алтайских языков. Начав эту работу с частных вопросов фонетики и грамматики, он пришел позже к своим фундаментальным исследованиям, представляющим собой синтез всех его ранних работ и работ других алтаистов. К таким синтетическим исследованиям Г. И. Рамштедта могут быть отнесены в области сравнительной грамматики алтайских языков его «Введение в алтайское языкознание»⁵⁵, а в области сравнительно-исторической лексикологии алтайских языков — его классическая работа «Калмыкский словарь»⁵⁶, который по материалу, привлеченному автором из различных алтайских языков, является сравнительно-историческим словарем всех алтайских языков.

Завершая на этом общий обзор основных исследований, касающихся урало-алтайской, уральской и алтайской теорий, наиболее полно получивших свое историографическое освещение в капитальном труде проф. Д. Шинора⁵⁷, мы остановимся далее на двух основных теоретических направлениях алтаистики, из которых первое представляет генетическую теорию родства алтайских языков, а второе — их типологическое схождение. Первое направление наиболее полное освещение получило в трудах Г. И. Рамштедта, а второе — в трудах В. Л. Котвича.

⁴⁹ G. J. Ramstedt. Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen. J.SFOu, 1905, 23, 4.

⁵⁰ G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. J.SFOu, 1912, 28, 3.

⁵¹ G. J. Ramstedt. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte, I—II, KSz., 15, Budapest, 1914, стр. 134—150; III, KSz, 16, Budapest, 1915; его же. Ein anlautender Stimmloser labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, J.SFOu, 32, 2, 1916.

⁵² G. J. Ramstedt. Zwei nigurische Runeinschriften in der Nord-Mongolei, J.SFOu, 30, 3, 1913; его же. Как был найден Селенгинский камень. Труды Троицко-Кяхтинского Отделения Русского Географического Общества, 15, 1, 1914; его же. Перевод надписи «Селенгинский камень», там же; G. J. Ramstedt. Zur frage nach der Stellung des tschuwassischen, J.SFOu, 38, 1, 122; его же. Über den Ursprung der türkischen sprachen. Sitzb. FAW, Helsinki, 1935; его же. Zum türkischen Konditional Festgabe für J. J. Mikkola Finnisch-ugrische Farschungen 29, Helsinki, 1946.

⁵³ G. J. Ramstedt. A comparison of the Altaic languages with Japanese. Transactions of the Altaic Society of Japan, 2-d ser., 1; его же. Zur Geschichte der Japanischen Sprache, Sitzb. FAW, Helsinki, 1942.

⁵⁴ G. J. Ramstedt. Remarks on the Korean language. MSFOu, 1928: 58, его же. The nominal postpositions in Korean, там же, 67, 1933; его же. A Korean grammar, там же, 82, 1939 (русский перевод А. А. Холодовича, под ред. Б. К. Пашкова, М., 1951); его же. Studies in Korean Etymology, там же, 1949, 95.

⁵⁵ G. J. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, I Lautlehre, Helsinki, 1957; II Formenlehre Helsinki, 1952 (русский перевод, под ред. Н. А. Баскакова, М., 1957); его же. The relation of the Altaic languages to other language groups, J.SFOu, 53, Helsinki, 1947 и др. работы.

⁵⁶ G. J. Ramstedt. Kalmükisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae 3, XXX, 560 стр.

⁵⁷ Denis Sinor. Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale, Wiesbaden, 1965.

Крупнейшими представителями первого направления — теории фонетического родства алтайских языков — являются Б. Я. Владимирцов, Е. Д. Поливанов, Н. Н. Поппе и Г. И. Рамstedт, причем наиболее яркое выражение эта теория получила в трудах Н. Н. Поппе⁵⁸ и главным образом Г. И. Рамstedта⁵⁹.

Обширное исследование Г. И. Рамstedта, охватывающее основные вопросы фонетики и грамматики алтайских языков, представляет по существу законченную сравнительно-историческую фонетику и грамматику алтайских языков, в которой не только устанавливаются основные процессы фонетического и грамматического развития алтайских языков, но и реконструируется их древнейшая фонетическая и грамматическая структура.

Наиболее интересной, с нашей точки зрения, является вторая грамматическая часть, вышедшая, впрочем, раньше первой.

В этой грамматической части, представляющей собой уже некоторый общий синтез алтайской теории, где фонетические закономерности, установленные автором в первой части его труда, реализуются на конкретном материале грамматических форм всех алтайских языков, теория алтайского родства языков Г. И. Рамstedта получает наиболее полное выражение.

Особым достоинством работы Г. И. Рамstedта является то, что он, опираясь на факты тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков, при анализе конкретных грамматических форм выводит на основании соответствующих фонетических закономерностей как бы общую для всех этих языков алтайскую форму, характерную для общеалтайского языка-основы, и далее приводит значительный фактический материал по каждой из перечисленных групп языков, иллюстрирующий и доказывающий их правомерность реконструированной им формы.

Благодаря такой методике создается определенная перспектива в развитии грамматических форм от наиболее древнего их состояния в алтайском языке-основе до соответствующих форм в современных живых языках алтайской семьи. Такая перспектива позволяет определить множество весьма любопытных и важных закономерностей в фонетической эволюции этих языков, в развитии их грамматического строя и словарного состава, которые в свою очередь являются необходимым средством для различного рода этимологических разысканий. Таким образом, эта книга Г. И. Рамstedта содержит большой и интересный материал для раскрытия этимологии множества загадочных по своему происхождению слов и грамматических аффиксов.

Однако теория Г. И. Рамstedта имеет и некоторые методологические недостатки. Несмотря на установление путем реконструкции многих древних грамматических форм, являющихся общими для всех алтайских языков и представляющих собой формы алтайского языка-основы, в исследовании Г. И. Рамstedта не дана полная характеристика алтайского языка-основы, не всегда выяснены отношения форм общеалтайского языка к соответствующим формам современных конкретных языков, входящих в алтайскую группу. Не соотнесены хронологически тюркские, монгольские, тунгусские, маньчжурские языки, развившиеся из одного

⁵⁸ Nicholas Poppe. Introduction to Altaic linguistics, Wiesbaden, 1965; его же. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Vergleichenden Lautlehre, Wiesbaden, 1960.

⁵⁹ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, Lautlehre, MSFOu, 104, 1, Helsinki, 1957; II Formenlehre, Helsinki, 1952 (русский перевод Л. С. Слоним, под ред., с предисловием и комментариями Н. А. Баскакова, М., 1957).

языка-основы. Так, например, не определены и не объяснены автором близость между собой языков тюркских и монгольских и различие их с языками тунгусо-маньчжурскими. Не установлены некоторые генетические связи между конкретными языковыми подгруппами, например тюркских языков с монгольскими и тунгусскими языками, в то время как по некоторым фонетическим закономерностям отдельные подгруппы тюркских языков находятся в несколько более тесной генетической связи с монгольскими языками, чем с близкородственными языками внутри группы тюркских языков; таковы некоторые фонетические и грамматические явления в чувашском языке по отношению к тем же явлениям в монгольском языке или особенности фонетики якутского, башкирского и хакасского языков по отношению к некоторым фонетическим особенностям тунгусо-маньчжурских языков.

Из фонетических закономерностей, связанных также и с оформлением некоторых словообразовательных и словоизменительных аффиксов, до сих пор остается неизученным, например, соответствие тунгусского согласного *t* и маньчжурского *s* в позиции перед узким *i* тюркским и монгольским согласным *c ~ š*, по которому некоторые тюркские языки, например якутский, хакасский (сагайский и бельтирский его диалекты) и башкирский, сохранили древние связи с языками алтайской общности. Ср., например, соответствие тунгусского слова *gutin* и маньчжурского *gusin* монгольскому *gucin* «тридцать»; маньчжурского слова *xusuŋ* и монгольского *kücin* современному алтайскому (ойротскому) *küc* «сила» (ср. в хакасском *küs*, в якутском *küüs* и в башкирском *kös* «сила»). Последние примеры указывают на древнейшие генетические связи якутского, хакасского и башкирского языков с тунгусо-маньчжурскими. Или, например, обратные соответствия между чувашским языком, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой: чувашск. *сег* «колено» и *tiz, tize* || *diz, dize* «колено» в других тюркских языках; чувашск. *сегне* «ноготь» и *тугнақ* «ноготь» в других тюркских языках, что сближает тюркские языки в большей мере с тунгусо-маньчжурскими, а чувашский — с монгольскими языками.

Таким образом, различные группы языков, составляющие ныне алтайскую общность языков, на первоначальных этапах своего развития имели несколько иные отношения и связи, о чем свидетельствуют некоторые особенности современных языков, по которым тюркские и монгольские языки могут быть объединены в группу *c ~ š* || *s*, а тунгусо-маньчжурские — в группу *t*-языков, хотя отдельные следы расхождения именно по данному признаку сохранились в некоторых конкретных языках.

В исследованиях Г. И. Рамстедта задача установления относительной хронологии различных групп языков, входящих в состав алтайской семьи, равно как и отдельных языков, входящих в ту или иную группу, упрощена, и автор ограничивается только простым сопоставлением фактов вне их последовательной исторической связи.

Исследуя конкретные грамматические явления алтайских языков, Г. И. Рамстедт не ставил себе целью также и построение какой-либо общей схемы грамматики алтайских языков. И, хотя у него есть попытки найти некоторые критерии разделения всех суффиксов и аффиксов на словообразовательные и словоизменительные, все же границы словообразования и словоизменения, а также и классификация формантов, реализующих образование новых слов и их изменение, так и остались неустановленными. Принцип расположения суффиксов и аффиксов в значительной степени напоминает принцип словарного описания формантов, расположенных по тематическому признаку.

Таким образом, каждый из грамматических формантов рассматри-

ваётся автором изолированно, вне связи этого форманта с другими суффиксами и аффиксами, близкими как по своему значению, так и по фонетическому оформлению.

Так, исследуя генетические связи алтайских языков в отношении, например, аффикса условной формы на *-sa//se*, которая характерна для тюркских языков, Г. И. Рамstedт рассматривает его изолированно, вне связи с другими, близкими по фонетическому оформлению и семантике аффиксами, например *-sy//si* в значении „быть подобным кому-либо, быть таким, как кто-либо“, например в слове *qılsu* „быть как раб“. Далее согласный *s* в аффиксах *-sa//se*, *-sy//si* по существующим закономерностям внутри данной группы языков или внутри всей алтайской семьи языков чередуется с другими согласными звуками, например, *s~z // s~z // c~z* или *s~z // t~d // j//r₂* или *s~z // l//n~t~d* и т. д., и таким образом другие аффиксы, несущие ныне иную словообразовательную или грамматическую функцию, генетически и в фонетическом и в семантическом отношении оказываются тесно связанными с аффиксами *-sa//se*, *-sy//si*. Итак, с аффиксами *-sa//se~ -sy//si* < *-saq*, *-sağ* и т. д., *-sek*, *-seg* и т. д., *~ -suq*, *-sug* и т. д. могли быть и фонетически и семантически связанными аффиксы: *-saq // -suq*; *-caq // -cuq*; *-zaq // -zuq*; *-taq // -tuq*; *-daq // -duq* и т. д.

То же следует сказать, например, о генетической связи и происхождении такой группы аффиксов именного и глагольного словообразования, как аффиксы *-qaq/-kek*; *-qa/-ke*; *-aq/-ek*, *-q/-k*, *-uq/-ik* (с вариантами) в тюркских языках и их отношении между собой внутри тюркских языков, а также между группами родственных языков.

При исследовании генезиса указанных аффиксов и определении их семантики Г. И. Рамstedт не устанавливает и не определяет отношения, например, таких словообразовательных форм слов, как формы типа: *buç-(q)aq* „нож“⁶⁰ (при *buç* „резать“), *sağ -γaq* „острога“ (при *sağ* „колоть, вонзать“), *saq -(q)aq* „жало“ (при *saq* „жалить“), *kes-(k)ek* „отрезок“ (при *kes* „резать“) и т. д.—к формам типа: *djölök* „трость“ < *djölö* *-(q)ök* (при *djölö* „подписать“), *tağaq* „гребень“ < *tağ* *-(γ)aq* (при *tağa* „расчесывать“), *kügek* „лопата“ < *kür-(g)ek* (при *küre* „сгребать“) и пр., и к формам типа: *tüneq* „место ночлега“ < *tün- le- k//tün-ge-k* (при *tüne* „ночевать“), *butaq* „ветка, сук“ < *but-ta-q*, *but-qa -q* (при *buta* „обрубать ветки деревьев“) и т. д.

Так же как в лексическом составе каждого языка все слова связаны определенной взаимозависимостью в семантическом и фонетическом их развитии, так взаимосвязаны и все аффиксы словообразования и словоизменения; так же как существуют в лексике гнезда близких по значению и фонетическому оформлению слов, так и в системе словообразования и словоизменения имеются гнезда близких по грамматическому значению и фонетическому оформлению аффиксов. Подобно тому, как в лексике каждое новое значение укладывается в определенную лексическую систему значений — слов, имеющих определенное фонетическое оформление, — в словообразовании и словоизменении каждое новое лексико-грамматическое значение включается в выработанную в практике общения систему грамматических значений — аффиксов, имеющих также определенное фонетическое оформление, связанное внутри данной системы аналогичной причинной зависимостью. Поэтому для выяснения

⁶⁰ Для иллюстрации отношений аффиксов *-qaq /-kek*, *-aq /-ek* и т. д. даны примеры из горно-алтайского (ойротского) языка.

Генезиса того или иного аффикса необходимо не только сравнение его с аналогичными формантами в других родственных языках, но и с близкими по фонетическому оформлению и грамматическому значению формантами как в данном, так и в других родственных языках. Только при этих условиях возможно более или менее точное определение и более тщательный анализ генетических связей данного грамматического форманта с другими.

При рассмотрении же всех грамматических и словообразовательных аффиксов в виде отдельных словарных статей без попытки установления связи аффиксов между собой возможны значительные отклонения от правильного разрешения вопросов генезиса грамматических форм. Некоторые гипотезы Г. И. Рамштедта не подкреплены мотивировками, опирающимися на анализ всей системы аффиксов, связанных между собой либо своим фонетическим оформлением, либо грамматическим значением. Вызывают в связи с этим некоторые сомнения его гипотезы: а) о происхождении аффикса множественного числа *-lar/-ler* в тюркских языках из общеалтайского паг «совокупность»; б) о генезисе личных и указательных местоимений, развитие которых следует рассматривать в тесном их взаимодействии; в) о первичной основе глаголов *ba-* «связывать», *δ-* «понимать» и словообразовательном значении конечных *-γ* (*baγ-*), *-g* (*δg-*) и др.

Только в системе противопоставлений семантических и грамматических значений могут быть поняты производные формы глагола: имена действия, причастия и деепричастия, которые Г. И. Рамштедт рассматривает в одном плане отглагольных имен, без дифференциации их на три разряда производных форм глагола, имеющих свою специфику, составляющую особую систему не только по каждой из родственных групп, входящих в алтайскую семью языков, но и внутри этих групп. Так, например, внутри тюркских языков огузские языки имеют одну систему этих форм, кыпчакские языки — несколько иную, карлукские языки — третью и т. д.

Для более точного установления генетических связей алтайских языков между собою и анализа самого процесса развития этих языков необходимо изучать все явления языка в определенной системе, исходя из установленных для всех сравниваемых языков общих теоретических предпосылок. Так, при изучении в сравнительно-историческом плане словообразовательных и словоизменительных процессов в алтайских языках необходимо прежде всего определить морфологическую структуру слова, которая, являясь в основном общей для всех алтайских языков, имеет, естественно, много характерных отличительных черт по сравнению, например, с морфологической структурой слова в индоевропейских языках.

Как уже отмечалось выше, в настоящем исследовании Г. И. Рамштедта не всегда четко определены границы корня слова, его основы, а еще в большей степени нечетки границы между словообразовательными и словоизменительными формантами в слове, что мешает автору установить внутренние связи между генетически близкими явлениями не только в языках разных групп, но и в языках, входящих в одну и ту же группу.

Г. И. Рамштедт несколько упрощает структуру слова в алтайских языках, разделяя слово только на два структурных элемента: а) его основу и б) окончание, не вдаваясь в дальнейший анализ как самой основы, расчленяющейся на некоторые составные свои элементы: корень и словообразующие аффиксы, так и окончаний, которые, как это видно из материала, подразделяются также на различные типы и классы.

С точки зрения морфологической структуры, каждое слово в составе предложения и словосочетания в агглютинативных языках состоит обычно из следующих своих конструктивных элементов: 1) корня слова, ко-

торый в агглютинативных языках может выступать, в отличие от языков флективных, в качестве самостоятельного слова, содержащего реальное вещественное значение и имеющего, в соответствии со своей функцией в составе предложения или словосочетания, определенную грамматическую форму; 2) аффиксов лексико-грамматического словообразования, определяющих главным образом лексическое значение слова и грамматическое отнесение данного слова к той или иной части речи; корень вместе с аффиксами лексико-грамматического словообразования образует первую основу слова, которая подобно корню может также выступать в качестве самостоятельного слова в составе словосочетания и предложения; 3) аффиксов функционально-грамматического словообразования, определяющих функцию данного слова в составе словосочетания или предложения; первая основа, состоящая из корня и аффиксов лексико-грамматического словообразования, вместе с аффиксами функционально-грамматического словообразования образует вторую основу слова; 4) аффиксов словоизменения, указывающих на отношение данного слова к другим словам в составе словосочетания или предложения.

Корень слова, представляющий в агглютинативных языках неделимую и неизменяемую часть слова, содержащую вещественное, реальное значение, может быть первичным, непрямодеривативным, т. е. состоять только из корневого ядра, например в тюркских языках: *kel-* „приходить“ (C + Г + C), *je-* (<jej-), „есть, кушать“ [C+Г_i(+C)], *ol-* (<bol-) „быть, стать“ [(C +) + Г + C], *e-/i* < *je-* / *ji-* „быть“ [(C +)Г (+ C)] и пр., или вторичным, производным, т. е. состоять из корневого ядра и омертвевших, неотделимых уже аффиксов словообразования, например: *quz-yi* „красный“, *jür-(g)ek* „сердце“ и пр.

Г. И. Рамstedт не выделяет в своем исследовании так называемые мертвые аффиксы как особую группу формантов, требующих специфических методов исследования, хотя и отмечает наличие их в алтайских языках. Следует, однако, отметить, что для истории данной группы языков мертвые, непродуктивные аффиксы представляют значительный интерес как наиболее архаичные пережитки грамматического строя данных языков. Глубокий анализ мертвой аффиксации мог бы лучше осветить наиболее неясные вопросы генезиса изучаемых языков.

В работе Г. И. Рамstedта вся система словообразования алтайских языков рассматривается без должной дифференциации аффиксов словообразования не только на частные типы и классы, характеризующие те или иные семантические разряды слов, но и на принципиально различные группы или разряды аффиксов лексико-грамматического словообразования и аффиксов функционально-грамматического словообразования и формообразования. Это мешает автору рассмотреть соответствующие грамматические явления языков в определенной системе так же, как он делает это, например, в отношении основных категорий словоизменения.

Вместе с тем исследование Г. И. Рамstedта, безусловно, является крупным достижением алтайского языкознания. По своему материалу и охвату всех основных процессов словообразования и словоизменения оно представляет по существу довольно полную сравнительно-историческую грамматику всех алтайских языков.

И, несмотря на спорность и некоторые недоработки, теория Г. И. Рамstedта в общей системе всех алтаистических концепций остается одной из основных теорий, представляющих направление о генетическом родстве алтайских языков.

III

Второе направление в алтаистике — о типологических схождениях алтайских языков — представлено концепциями Л. Лигети, В. Л. Котвича, Дж. Клоусена, Г. Д. Санжеева и др.; свое наиболее полное выра-

жение оно получило в теории В. Л. Котвича, изложенной им в «Исследовании по алтайским языкам» и в других его сочинениях⁶¹.

«Исследование по алтайским языкам» В. Л. Котвича не только воссоздает общую картину сходства и различия основных групп языков алтайской семьи: тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, но и формулирует общий ход развития этих групп языков.

Сущность теории В. Л. Котвича о развитии алтайских языков заключается в том, что в далекую эпоху, относящуюся ко времени за несколько веков до нашей эры, к северу от Китая находились тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские племена, говорившие на различных, но типологически сходных языках. В процессе передвижения отдельные группы этих племен выделялись и изолировались, а их языки под влиянием новых субстратов приобретали свои особые черты. К таким изолированным этническим группам В. Л. Котвич относит, например, прото-булгаров и предков современных чувашей, язык которых под влиянием финского субстрата приобрел особые черты, или предков современных якутов, получивших благодаря значительному воздействию монголов и тунгусо-маньчжуров также особые языковые специфические черты. Аналогичные явления наблюдались и в отношении языка монгольских и тунгусо-маньчжурских племен.

Таким образом, В. Л. Котвич считает, что благодаря постоянному передвижению различных по языку этнических групп и часто возникающих языковых контактов можно с уверенностью говорить о тюркских заимствованиях в монгольских и маньчжурских языках, равно как и о значительном влиянии этих языков на тюркские языки.

Впрочем, В. Л. Котвич допускает также и предположение о том, что все эти три группы языков могли иметь в древнейшие времена единый язык-основу, который позже благодаря различным субстратам дифференцировался, образуя три группы: тюркских, монгольских и маньчжурских языков.

Значительное сходство в фонетике тюркских, монгольских и маньчжурских языков, которое, по подсчетам самого В. Л. Котвича, выражается в общности 25% лексических и 50% морфологических элементов в тюркских и монгольских языках и в общности 10% лексических и 5% морфологических элементов между тюркскими и монгольскими, с одной стороны, и маньчжурскими языками — с другой, весьма убедительно и красноречиво говорит о единой алтайской семье языков, наличия которой не отрицает и В. Л. Котвич, оговаривая становление этой семьи на базе типологического сходства этих языков между собой.

Таким образом, как представители генетической теории, так и представители типологической теории согласны с существованием общности алтайских языков, хотя они и объясняют эту общность различно, а следовательно, расходятся и в методах исследования самого фактического материала.

⁶¹ W. Kotwicz. *Studia nad jezykami altajskimi*, Rocznik Orientalistyczny, XVI, Kraków, 1953; русский перевод А. И. Толкачева, под ред. и с предисловием Н. А. Баскакова, М., 1962; ср. также следующие специальные исследования В. Л. Котвича по алтаистике: В. Котвич. Лекции по грамматике монгольского языка, СПб., 1902 (литографированное издание); W. Kotwicz. *Contribution aux études altaïques I, II, III*, Rocznik Orientalistyczny, t. VII, Kraków, 1931; ег о же. *Contributions aux études altaïques AB*, *Collectanea Orientalia*, Wilno-Lwow, 1932, 2-е издание: Rocznik Orientalistyczny, t. XVI, Kraków, 1953; ег о же. *Contributions aux études altaïques IV—V*, Rocznik orientalistyczny, t. XII, Kraków, 1936; ег о же. *Z badan nad jezykami altajskimi—VI Zjazd orientalistow polskich*, Wilno, 1937; ег о же. *Kilka uwag o turecko-mongolskich analogiach jezykowych — VII Zjazd orientalistow polskich*, Kraków, 1938; ег о же. *Les éléments turcs dans la langue mandchoue*, Rocznik Orientalistyczny, t. XIV и др.

Различия методов Г. И. Рамstedта и В. Л. Котвича в анализе языковых фактов алтайских языков заключается в том, что Г. И. Рамstedт использует живые факты тюркских, монгольских и маньчжурских языков для реконструкции праязыковых форм, устанавливая вместе с тем закономерности развития фонетического и грамматического строя этих языков — в то время как В. Л. Котвич пользуется лишь методикой анализа лексических и грамматических заимствований одних языков из других, сопоставляя специфику фонетических и грамматических законов развития одного языка по отношению к другим языкам.

Различные методы подхода к исследуемым фактам обуславливают и различную структуру их исследований. Если работа Г. И. Рамstedта характеризуется в большей степени как своеобразный морфологический словарь разнообразных словообразовательных и словозменительных аффиксов, то работа В. Котвича является опытом построения общей сравнительно-сопоставительной грамматики алтайских языков, имеющей определенную схему и план, которые отражают весь грамматический строй этих языков.

Характеризуя особенности «Исследования» В. Л. Котвича как общей грамматики алтайских языков, необходимо прежде всего отметить учет огромной специальной литературы по всем группам языков алтайской семьи. В отличие от многих исследований зарубежных алтаистов В. Л. Котвич широко использует труды советских тюркологов, монголистов и тунгусо-маньчжуристов. Благодаря использованию в полном объеме известных науке фактов и явлений живых языков алтайской семьи труд В. Л. Котвича изобилует весьма интересными и тонкими замечаниями и наблюдениями. Обширный фактический материал, привлекаемый автором, позволяет ему выдвинуть много интересных предположений и гипотез о развитии отдельных грамматических форм слов и других явлений.

Весьма интересна и убедительна, например, теория В. Л. Котвича о более древней краткой форме тюркских корней слов по отношению к тем же монгольским корням, усложненным конечными гласными. Пристального внимания заслуживает гипотеза В. Л. Котвича о структуре знаменательных слов и аффиксов в алтайских языках.

Много интересных и вполне аргументированных предположений мы находим в книге В. Л. Котвича о происхождении отдельных грамматических формантов в конкретных алтайских языках. Ср., например, его предположение об общем происхождении тюркской условной формы глагола на *-sa/-se* и монгольской формы на *-ṣasaʃ /-gāsāʃ*, или о происхождении некоторых аффиксов побудительных залогов в тюркских и монгольских языках из повелительной формы вспомогательного глагола, например *oqt-<oqu tā-* «учить» и проч.

В. Л. Котвич приводит немало убедительных доводов, характеризующих общую структуру алтайских языков, их синтаксический строй и специфику морфологических формантов, отражающих структуру предложения и словосочетания в алтайских языках. Так, его положение о происхождении преобладающего большинства спрягаемых форм глагола от причастий является весьма верным и продуктивным. Следует лишь отметить, что в тюркских языках не большинство, а все спрягаемые формы глагола восходят к причастиям. Продуктивность этого вывода заключается в том, что он позволяет по-новому подойти к сравнительно-историческому изучению синтаксиса алтайских языков и объяснить структуру предложения и словосочетания в этих языках.

В связи с теорией происхождения предикативных форм глагола от причастий невозможно, как отмечает В. Л. Котвич, наличие посессивных местоименных аффиксов в спрягаемых формах глагола, т. е. в *verbum finitum*. Таким образом, все лично предикативные аффиксы: и полные,

и усеченные, как в старых, так и в новых языках — не могут выражать посессивных отношений и имеют явно предикативный характер. Посессивные же местоименные аффиксы характерны только для определительных словосочетаний.

Однако причастная основа всех спрягаемых форм глагола не характеризует спряжение в алтайских языках как чисто именное, что неоднократно отмечает автор. Напротив, причастие, являясь производной формой глагола, представляет собой наиболее полную глагольную форму, так как только оно обладает всеми признаками глагола и служит выражением наиболее характерных для глагола грамматических категорий залога, вида, наклонения и времени, и только причастие, по крайней мере, в тюркских языках, обладает возможностью изменяться по лицам, ибо все сказуемые в тюркских предложениях, а в том числе и предложения с так называемым именным сказуемым, выраженным именем со связкой, исторически восходят к причастным формам, поскольку связка в этих сказуемых исторически представляла собой причастную форму от вспомогательных глаголов: tur- (<turur) или e- /-i (eür).

Таким образом, в тюркских языках каждый предикат реально или реконструктивно является всегда глагольным. Характеристика же спряжения в тюркских языках как именного основана в значительной степени на недоразумении.

Правильно анализируя в общих чертах строй алтайских и в том числе тюркских языков, В. Л. Котвич не отрицает спорности и дискуссионности некоторых своих общих положений.

Так, совершенно справедливо определяя границы между словообразованием и словоизменением в алтайских языках и вполне убедительно аргументируя отнесение к категориям словоизменения только категории принадлежности, склонения (т. е. категории падежей) и спряжения (т. е. категории лица), автор вместе с тем несколько упрощает структуру слова в алтайских языках и, расчленяя слово на его основные структурные элементы, находит, что «слова могут иметь в своем составе или только корень, или корень и суффикс...»

Вместе с тем слово в алтайских языках, с точки зрения их морфологической структуры, представляет собой не простое сочетание корня и суффикса, а сложное сочетание морфем, со строго закрепленными за этими морфемами лексическими и грамматическими значениями.

Не менее спорной теорией В. Л. Котвича и его последователей является теория о первичной двузвуковой структуре тюркского корня, который якобы первоначально состоял для многих слов из двух фонем типа СГ (CV), т. е. из согласного и гласного. Сторонники этой теории в качестве доказательств приводят обычно ограниченное количество корней, зарегистрированных в старых письменных (орхонских, енисейских, древнеуйгурских) памятниках, и на этом основании предполагают, что многие из наиболее часто встречающихся трехзвучных корней типа СГС (CVC) также представляют позднейшие основы, исторически восходящие к сложным сочетаниям первичного корня СГ(CV) + аффикс С.

Действительно, в старых огузских (орхонском), киргизских (енисейских) и древнеуйгурских письменных памятниках на руническом и древнеуйгурском алфавитах, как известно, не отражающих полного звучания слов, встречаем основы, состоящие из СГ (CV), например: ba- „перевязывать“, sy- „ломать, разрушать“, sa- „считать, думать“, tu- „запрудить“, tü- „различный“, to „количество, число“, su „вода“, bi „кобыла“, jā- /ji- „есть, кушать“, dā-, di-, tā-, ti- „говорить“, ja „лук, оружие“, bu „этот“, pä-, pi „вещь“, ju- „мыть“, и даже из одного гласного Г (V), например: u „сон“ u- „мочь“, o „он“, ö- „думать“, ä- „быть“; у „кустарник“ и некоторые другие.

Однако, учитывая несовершенство передачи полного звучания слов на старых несовершенных алфавитах (руническом, древнеуйгурском < <согдийском и даже арабском) и более древние фонетические формы тех же слов-корней, сохранившиеся в современных языках и диалектах, при более тщательном рассмотрении этих слов-корней мы легко можем установить, что все перечисленные выше корни имеют в своем исходе более полную фонетическую форму, обычно со слабым согласным на конце, который в процессе фонетического развития либо слился с предшествующим гласным, образуя вместе с ним долгий гласный, либо полностью исчез. Этот процесс превращения сочетаний краткого гласного со слабым согласным (γ, w, j, l, r, ʃ) в долгий гласный и последующего превращения долгого гласного в краткий наблюдается часто и в современных живых тюркских языках.

Итак, теория В. Л. Котвича о типологическом сходстве алтайских языков и о возможном их родстве в древнейший период является, пожалуй, наиболее убедительной из всех концепций, представленных вторым направлением в общей типологии алтайских языков, хотя некоторые крайние сторонники его (Дж. Клоусен, А. М. Щербак, Г. Д. Санжеев) полностью отрицают возможность родства этих языков, объясняя общие сходства этих языков как результат контактного их сосуществования.

Современное состояние изучения алтайской семьи языков характеризуется все большей и большей дифференциацией проблематики и углублением изучения таких отдельных вопросов, как лексическое взаимодействие отдельных групп алтайских языков, например тюркизмы в монгольских, маньчжурских языках, монголизмы в тюркских и проч., или лексические заимствования в алтайских языках, или из языков других семей, например китайских, санскритских, древнеиранских, древнеиндоевропейских и проч. — в тюркских, монгольских, маньчжурских языках. Большое место в алтаистической проблематике занимают фонетические вопросы: о долгих гласных, о сингармонизме и его типах, о сингармонизме согласных, об агглютинации, о системе словообразования и словоизменении в алтайских языках, вопросы, касающиеся сравнения отдельных частей речи: имени, глагола, местоимения и проч.

Наиболее полное освещение современного состояния разработки алтайской теории представлено во «Введении в алтайское языкознание» Н. Н. Поппе⁶², где изложена и концепция автора — сторонника генетического родства алтайских языков.

В заключение мы излагаем нашу схему развития алтайских языков, основанную на ретроспективной проекции тех процессов в развитии тюркских языков, которые доступны для обозрения и анализа в границах исторической их досягаемости, т. е. процессов развития тюркских языков в границах VI—VII и XV—XVI вв.⁶³

IV

Все теории, связанные с урало-алтайским и, может быть, еще шире — евразийским родством языков, безусловно, имеют свои основания. Сущность здесь, видимо, заключается только в степени близости или дальности родства этих языков.

При изучении процессов развития языков необходимо иметь в виду прежде всего общую тенденцию их эволюции, а именно, их дифференциацию и дивергенцию в связи с постоянным увеличением населения

⁶² Nicholas Poppe. Introduction to altaic linguistics, Wiesbaden, 1965.

⁶³ Подробное изложение см. в моей статье «Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков».

земного шара. Однако процессы дифференциации языков не были односторонними, а осложнялись также и процессами интеграции языков в связи с постоянным соединением и распадом племенных союзов — носителей языков, т. е. двусторонним процессом развития языков при господствующем процессе постоянной их дифференциации.

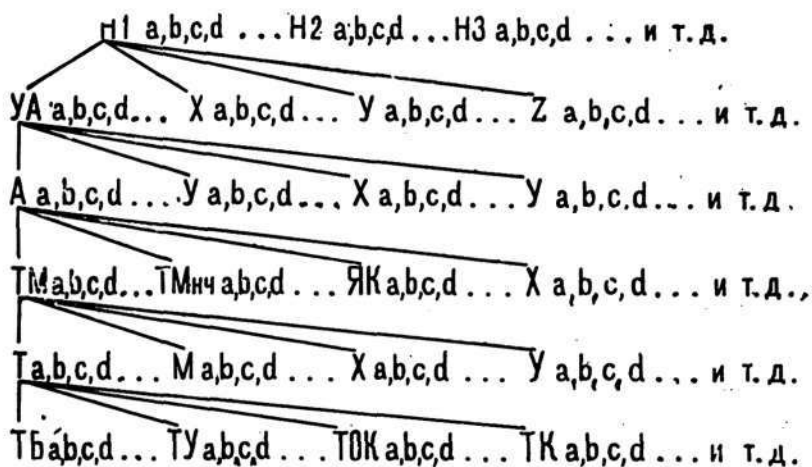
Генетически в своем развитии алтайские языки, безусловно, в глубокой древности были связаны с уральскими и другими языками Европы и Азии, когда существовало множество близких между собой наречий и диалектов, образовавшихся в результате постоянного процесса соединения и распада родоплеменных союзов, имевших в той или иной мере определенные общности языков, которые постепенно консолидировались в относительно большие ареалы близкородственных наречий.

Так, евразийские северные племена, имеющие п-ное количество языков, наречий и диалектов, консолидировались в некие ареалы, также состоящие из многих наречий и диалектов и образовавшие несколько общностей, и в том числе Урало-Алтайскую общность (У—Аа, b, c, d...), которая позже в связи с умножением численности родов и племен дифференцировалась на Уральскую (Уа, b, c, d...) и Алтайскую (Аа, b, c, d...), а также и на другие общности.

Алтайская общность в свою очередь распалась на Тюрко-Монгольскую (ТМа, b, c, d...), Тунгусо-Маньчжурскую (ТМнча, b, c, d...) и др., Тюрко-монгольская общность — на Тюркскую (Та, b, c, d...) и Монгольскую (Ма, b, c, d...), Тюркская — на Булгарскую (ТБа, b, c, d...), Уйгурскую (ТУа, b, c, d...), Огузо-Кыпчакскую (ТОКа, b, c, d...), Карлукскую (ТКа, b, c, d...) и т. д., из которых произошли все современные тюркские языки с соответствующими системами их диалектов.

Однако такой процесс дифференциации, как уже указывалось выше, усложнялся также и процессом интегрирования, т. е. соединения, не только близкородственных родов и племен и соответственно их диалектов и наречий, но и дальнеродственных, а иногда и неродственных адстратных наречий, которые соответствующим образом воздействовали на формирование новых общностей.

Итак, общий процесс дифференциации и интеграции алтайских языков и их общностей может быть представлен в следующей схеме.

В данной схеме заглавные буквы обозначают названия общностей соответствующих языков: Н — евразийских наречий и диалектов; УА — урало-алтайских; X, Y, Z — различных потенциальных групп наречий и диалектов; А — алтайских; У — уральских; ТМ — тюрко-монгольских; ТМнч — тунгусо-маньчжурских; ЯК — японо-корейских; Т — тюркских; М — монгольских; ТБ — тюрко-булгарских; ТУ — тюрко-уйгурских; ТОК — тюркско-огузо-кыпчакских; ТК — тюркско-карлукских; строчные a, b, c, d... — диалекты соответствующих языковых общностей.

Линии, соединяющие соответствующие буквенные обозначения, указывают на процессы дифференциации и интеграции в развитии языков.

Каждая подчиненная общность, например тюркская (Та, b, c, d...), представляет собой результат дифференциации более ранней тюрко-монгольской общности (ТМа, b, c, d...) и является в то же время результатом объединения и консолидации близких между собой наречий и диалектов и в том числе некоторых особенностей наречий и диалектов, общих и для тюркских и монгольских языков (ТМа, b, c, d...), и для тунгусо-маньчжурских языков (ТМнча, b, c, d...) и, может быть, для японо-корейских наречий и диалектов (ЯКа, b, c, d...), входящих в единую, более раннюю, Алтайскую общность, относящуюся как некий компонент к еще более ранней Урало-Алтайской общности, элементы которой, как отдельные рефлексy, могут наличествовать во всей развившейся цепи языковых объединений.

Однако включение некоторых особенностей языков более ранних общностей (ТМа, b, c, d..., ТМнча, b, c, d..., ЯКа, b, c, d...) в тюркские языки проходило неравномерно и зависело от продолжительности контактов тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и др. языков, т. е. от длительности пребывания их носителей в том или ином родоплеменном союзе.

Причем степень родства, например, между тюркскими и монгольскими языками была одинакова, поскольку они входили в единую общность в системе алтайских языков, в то время как сходство этих же языков могло быть на отдельных уровнях различно, так как оно зависело не только от продолжительности контактов между отдельными группами наречий и диалектов, но и от рефлексов родства с более отдаленными в генетическом отношении языками, которые могли внести особенности, отсутствовавшие во всех других родственных группах наречий и диалектов, ср., например, числительные в монгольских языках, имеющих мало общих черт с другими алтайскими языками, так как возможно, что монгольские числительные являлись теми общими чертами с потенциальными общностями или общностями, которые по той или иной причине не оставили после себя следов в развитии языков и оказались исчезнувшими субстратами или адстратами для алтайских языков.

Таким образом, в предлагаемой схеме развития алтайских языков как бы объединяются и синтезируются обе основные теории о происхождении алтайских языков — теория генетического их родства и теория родства, образовавшегося в результате взаимодействия в период длительных их контактов между собой.

ИЗУЧЕНИЕ СИНТАКСИСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Одним из недостатков дореволюционной тюркологии была, как известно, неразработанность синтаксического строя языка. В послереволюционный период, особенно в 50-е годы, наблюдается заметный сдвиг в исследованиях по синтаксису тюркских языков. В настоящее время мы имеем ряд крупных работ (диссертации, монографии, статьи), посвященных отдельным проблемам синтаксического строя почти каждого тюркского языка. Отрадно отметить, что в последние годы оживились исследования по совершенно новому направлению синтаксической структуры языка — экспериментальному изучению интонационных особенностей синтаксических явлений тюркских языков¹.

Однако следует отметить, что изучение синтаксических особенностей диалектов тюркских языков остается наименее разработанной областью диалектологии. Между тем оно дало бы полное представление о диалектах конкретных тюркских языков, облегчило бы классификацию их. Создание исторического синтаксиса современных тюркских языков невысказано без изучения их диалектных особенностей.

За годы Советской власти достигнуты большие успехи в научной разработке основных проблем тюркского языкознания. Богатое наследие русской языковедческой науки и ценные современные исследования по русскому языку стимулируют создание новых работ по национальным языкам Советского Союза.

В настоящее время исследования по синтаксису тюркских языков проводятся в области словосочетания и предложения.

Учение о синтаксисе словосочетания сравнительно молодое. До недавнего времени изучение словосочетания ограничивалось только указанием на способы синтаксической связи, составляющие их компоненты (согласование, управление, примыкание). В настоящее время имеется ряд серьезных исследований, посвященных изучению лексико-граммати-

¹ З. Х. Тагизаде. Сложное предложение в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. докт. дисс., Баку, 1965; П. Бекимбаев. Интонация собственнo-вопросительного предложения в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1965; А. Н. Нурмаханова. Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1965 и др.

ческих особенностей словосочетаний². Исследования А. К. Боровкова, С. С. Майзеля, Е. И. Убрятовой³ положили начало изучению словосочетания в тюркских языках. Благодаря этим трудам наиболее разработанной областью синтаксиса словосочетания можно считать так называемый тюркский изафет.

В настоящее время среди тюркологов уже наметилось общее понимание в определении словосочетания и его классификации, хотя и имеются некоторые разногласия по отдельным вопросам. Как известно, словосочетание относится к категории синтаксиса; если «предложение — единица речи..., выражающая законченную мысль», то «словосочетание... не выражает законченной мысли»; если «для предложения характерны два важнейших свойства — предикативность и интонация сообщения и модальность, то словосочетание не имеет этих особенностей»⁴. Словосочетание — «это форма для выражения статических отношений между предложениями»⁵. Получила признание именная и глагольная классификация словосочетаний⁶.

В отдельных работах делается попытка к уточнению традиционной классификации словосочетаний по способу связи (согласование, управление, примыкание) применительно к тюркским языкам. Так, например, М. Б. Балакаев и К. З. Ахмеров, кроме указанных трех видов подчинительной связи, в казахском и в башкирском языках устанавливают четвертый тип подчинительной связи — соподчинение⁷. К последнему типу они относят грамматическую связь между компонентами тюркского изафетного словосочетания, тогда как компоненты изафетной конструкции согласуются между собой в лице (всегда) и в числе (не всегда) и, следовательно, способ грамматической связи между ними можно было бы

² Ю. М. Саидов. Словосочетания в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс., Баку, 1965; Н. А. Баскаков. Типы атрибутивных словосочетаний в каракалпакском языке. «Вопросы языкознания», 1959, № 6; М. Б. Балакаев. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957; А. Абдуллаев. Глагольные словосочетания в узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Самарканд, 1959; Е. Дауенов. Глагольные словосочетания и способы их образования в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966; А. Джафаров. Грамматическая структура словосочетаний в современном киргизском литературном языке. Автореф. канд. дисс., М., 1956 и др. (Библиография по словосочетанию приведена в вышеуказанных работах).

³ А. К. Боровков. Природа турецкого изафета. Сб. «Акад. Н. Я. Марру», Л., 1935, стр. 165—177; С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950.

⁴ Ю. М. Саидов. Указ. автореферат, стр. 23.

⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 203. Однако отдельные тюркологи не согласны с этим положением. М. Б. Балакаев указывает: «Не надо исключать из синтаксиса словосочетаний словосочетания, выражающие понятие подлежащего и сказуемого». См. М. Балакаев. Указ. раб., стр. 14. Такого же мнения придерживаются Е. И. Убрятова и К. З. Ахмеров. См. Е. И. Убрятова. Указ. раб., стр. 79—85; К. З. Ахмеров. Исследование по синтаксису башкирского языка. Доклад, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа, 1962, стр. 7.

⁶ Несколько иной классификации придерживаются авторы грамматики туркменского языка. Согласно их классификации, словосочетания делятся на определительные и дополнительные (*айыргычлы и долдургычлы*). См.: Хэзирки заман туркмен дили. Синтаксис, Ашгабат, 1962, стр. 15. Ясно, что в основу этой классификации положена функционально-синтаксическая особенность словосочетаний. Такой же классификации придерживается Н. К. Дмитриев. См. Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, М., 1962. Другая классификация словосочетаний основывается на морфологических особенностях компонентов словосочетаний. См. М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 99—224.

⁷ М. Б. Балакаев. Указ. раб., стр. 18—19; К. З. Ахмеров. Указ. раб., стр. 3.

отнести к согласованию. Н. А. Баскаков и М. З. Закиев указывают на наличие не трех, а двух способов грамматической связи между компонентами словосочетаний: Н. А. Баскаков устанавливает способы примыкания и согласования⁸, М. З. Закиев — согласования и управления⁹.

Перед тюркологами стоит задача дальнейшего углубленного изучения словосочетания, а именно: определения его места в системе языка, классификации по единому принципу, глубокого анализа разнообразных видов и типов словосочетаний, исследования путей образования, формирования и развития словосочетаний на материале конкретных тюркских языков.

Второй раздел синтаксиса представляет собой учение о предложении.

Некоторые нормативно-описательные грамматики тюркских языков предложение по логико-структурным особенностям делят на простые и сложные. Если синтаксис простого предложения включает в себя учение о членах предложения, видах и типах простого предложения, то в синтаксисе сложного предложения изучаются сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные типы сложных синтаксических конструкций. Основное отличие простого предложения от сложного заключается не только в их структуре, оно связано главным образом с их содержанием. Если в простом предложении наличествует одна предикативная единица, то в сложном предложении их две и более.

Тюркологами не раз отмечалось своеобразие предложений с причастными и деепричастными оборотами, а также с обособленными членами предложения¹⁰. Своеобразие указанных конструкций заключается в их грамматическом и смысловом отношении к общему содержанию предложения в целом и его отдельным членам. Причастные и деепричастные обороты носят те же смысловые функции, что и придаточные предложения. Но, в отличие от придаточных предложений, они не являются самостоятельной предикативной единицей, так как в своем составе не имеют своего особого подлежащего и сказуемого. Указанные конструкции можно было бы называть полупредикативными единицами; так как в них обнаруживается сопутствующее сообщение, дополняющее, уточняющее основное содержание предложения. Особенность полупредикативных единиц проявляется также в их грамматической связи с отдельными членами предложения; в большинстве же случаев полупредикативные конструкции входят в семантико-грамматическую связь с общим содержанием предложения в целом. Своеобразие указанных конструкций проявляется также в их интонации и грамматическом оформлении.

Полупредикативность выражается также при обращениях и вводных членах предложения. Обращения и вводные члены предложения указывают на отношение говорящего к высказыванию, чем отличаются от главных и второстепенных членов предложения. Таким образом, простые предложения с полупредикативными конструкциями, по своим грамматическим и смысловым особенностям отличающиеся от других типов предложения, можно выделить в особый конструктивный тип, назвав их

⁸ Н. А. Баскаков. Словосочетания в каракалпакском языке. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III, синтаксис. М., 1961, стр. 50.

⁹ М. З. Закиев. Указ. раб., стр. 98.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Предложения и словосочетания в тюркских языках. Сб. «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961, стр. 69; А. З. Абдуллаев. Обособление в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1953; Г. А. Абдурахманов. Ажратилган иккинчи даражали булаklar. Тошкент, 1955 и др.

осложненным типом предложения¹¹. Основное различие осложненного предложения от простого заключается в том, что если в простом предложении имеется один предикативный центр, то в осложненном обнаруживаются два предикативных центра: один из них является основным, ведущим (предикативным), другой — сопутствующим, уточняющим, зависимым (т. е. полупредикативным).

Способ грамматической связи полупредикативных конструкций с членами предложения или с общим содержанием предложения отличается от традиционного способа связи слов. Эта своеобразная связь может быть названа *пояснительной*.

Осложненное предложение — это своеобразная синтаксическая конструкция, где, кроме главных и второстепенных членов предложения, имеются обособленные члены, обращения и вводные члены, которые в предложении несут определенную смысловую нагрузку и входят в синтаксическую (пояснительную) связь с другими членами предложения.

Обособленные члены предложения выполняют свою особую смысловую функцию и имеют свое грамматическое оформление; употребление их связано с определенными грамматическими и интонационными условиями. Обособленные члены предложения имеют следующие разновидности: 1) обособленные глагольные обороты, куда входят причастные, деепричастные обороты и обороты, управляемые условной формой глагола и именем действия; 2) обособленные послеложные конструкции (с послелогами: *taskari* «помимо, кроме»; *karaganda, kura* «смотря, судя»; *kabi, singari* «подобно, как»; *ugniga* «взамен, вместо»; *ustiga* «сверх, помимо»; *karsi* «против»; *bugsa* «но, согласно»; *kaqamaj* «несмотря на» и др.); 3) обособленные определения; 4) пояснительные члены. Обособленный член предложения по своим смысловым, грамматическим и интонационным особенностям представляет собой *особый член* предложения, отличный как от главных, так и второстепенных членов предложения.

К синтаксису осложненного предложения относятся также обращения и вводные члены предложения: Как известно, в учебниках, учебных пособиях и отдельных монографиях по тюркским языкам обращения и вводные синтаксические категории относятся к словам, грамматически не связанным с членами предложения и, следовательно, не являющимся членами предложения. Между тем на наличие смысловой связи вводных членов предложения с общим содержанием указывал еще А. А. Шахматов¹². Обращение и вводные члены предложения выполняют определенную смысловую функцию: обращение привлекает внимание слушателя к сообщению или выделяет, подчеркивает лицо, предмет или явление, к которому обращена речь; вводные же члены предложения выражают эмоциональные или модальные отношения говорящего к общему содержанию предложения или к отдельным его членам. Если обращение и вводные члены предложения входят в определенную смысловую связь, то эта связь должна иметь свое грамматическое выражение. Эта связь, имеющая своеобразный характер, условно может быть названа *пояснительной*.

Своеобразная смысловая и грамматическая связь определяет и своеобразную интонационную особенность обращений и вводных членов предложения. Следовательно, обращения и вводные слова — это

¹¹ См.: Г. А. Абдурахманов. Узбек тилида мураккаб гаплар масаласига доир. Журн. «Узбек тили ва адабиёти масалалари», Ташкент, изд. АН УзССР, 1962, № 3. В русском языкознании вопрос об осложненном типе предложения впервые ставился проф. А. Г. Рудневым. См.: А. Г. Руднев. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959.

¹² А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 365.

члены предложения, вступающие в особую смысловую и синтаксическую связь с общим содержанием предложения или отдельными его членами.

В некоторых исследованиях по тюркским языкам наблюдается нарушение традиционного представления об обращениях и вводных словах, их относят к членам предложения. М. З. Закиев считает их модальными членами¹³. А. Н. Кононов говорит о «вводных членах предложения»¹⁴; однако он полагает, что вводные члены предложения «...синтаксически не связаны с другими членами предложения»¹⁵. Е. И. Убрятова отмечает, что некоторые вводные слова в якутском языке бывают грамматически связаны с предложением, и лишь небольшая группа вводных слов и обращений грамматически не связывается с членами предложения¹⁶.

Сложное предложение представляет собой третий структурный тип предложения. Он выделяется во всех учебниках и исследованиях, посвященных тюркским языкам. Написан ряд исследований по теории сложного предложения (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова, Н. А. Баскаков, Н. Т. Сауранбаев, К. К. Сартбаев, П. Азимов, М. Ш. Ширалиев, М. М. Гаджиев, А. З. Абдуллаев, З. Будагова, З. Х. Тагизаде, Н. З. Гаджиева, Э. А. Грунина, Г. А. Азизова, М. Аскарлова, Х. Рустамов, Г. Абдурахманов и др.).

Однако в вопросе классификации сложного предложения среди тюркологов нет единого мнения. Некоторые тюркологи делят сложные предложения на две группы: на сложносочиненные и на сложноподчиненные; другие устанавливают три группы: сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные предложения¹⁷.

Бессоюзные сложные предложения не являются вариантами ни сложносочиненных, ни сложноподчиненных предложений. Включение тех или иных союзов между компонентами бессоюзных сложных предложений изменяет в той или иной степени смысл предложения, его интонацию и структуру. Иногда же включение союза в бессоюзную конструкцию недопустимо¹⁸. Бессоюзные сложные предложения могут выражать значения, свойственные как сложносочиненному, так и сложноподчиненному предложениям. Вместе с тем некоторые смысловые отношения, выражаемые бессоюзной сложной конструкцией, не могут быть переданы ни сложносочиненной, ни сложноподчиненной конструкцией, и наоборот. Кроме того, этот тип сложного предложения весьма своеобразен и в конструктивном, и в интонационном отношении.

Кроме вышеуказанных трех структурных типов (простое, осложненное и сложное предложение), почти во всех грамматиках, посвященных тюркским языкам, выделяются прямая и косвенная речь и в некоторых

¹³ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 247—249.

¹⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 488.

¹⁵ Там же, стр. 490.

¹⁶ Е. И. Убрятова. Исследование по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1960, стр. 281—284.

¹⁷ К представителям последней точки зрения относятся Н. Т. Сауранбаев (К вопросу о сложных предложениях в казахском языке. Резюме докт. дисс. М., 1943), Н. З. Гаджиева (Критерии выделения придаточных предложений. Сб. «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1954, стр. 108), М. М. Гаджиев (Синтаксис сложного предложения в лезгинском языке. Докт. дисс., Махачкала, 1954, стр. 30—40), В. Н. Хангильдин (Татар теле грамматикасы. Казань, 1959, стр. 527), З. Тагизаде (Муасир Азербайжан дилинин синтаксиси. Баку, 1960), Г. А. Абдураманов (Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Ташкент, 1960, стр. 8) и другие.

¹⁸ Как справедливо отмечает А. Н. Кононов, «...усмотреть в этих предложениях пропуск подчинительного или какого-либо другого союза нет никаких оснований...». (А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 535).

работх период (или периодическая форма речи), а М. З. Закиев выделяет другой структурный тип — сложное целое¹⁹ (конструкции более крупные, чем сложное предложение). Все эти виды (косвенная и прямая речь, период, сложное целое) по своей структуре представляют собой разновидности сложного предложения (относятся к сложносочиненным, или сложноподчиненным, или бессоюзным сложным предложениям, или же смешанным типам сложного предложения). Что касается коммуникативной их функции, то этот вопрос относится не к области синтаксиса, а к области стилистики и логики.

В ряде исследований по синтаксису тюркских языков настойчиво ставится вопрос о том, что же должно быть включено в раздел синтаксиса тюркских языков. Действительно, своеобразные синтаксической структуры этих языков требуют пересмотра ряда вопросов синтаксиса, которые были механически перенесены сюда из синтаксиса индоевропейских языков. Н. К. Дмитриев вопрос о падежах рассматривает в разделе синтаксиса²⁰, сюда же следовало бы отнести и вопрос о служебных словах²¹, и категории принадлежности (так называемая тюркская изафетная конструкция); А. Н. Кононов рассматривает развернутые члены предложения с точки зрения анализа стержневого слова — функциональных форм глагола (причастия, деепричастия, имен действия)²².

Требует коренного пересмотра вопрос классификации предложений по цели высказывания. Если в одних работах устанавливается три вида (повествовательные, вопросительные, побудительные)²³, то в других работах выделяют четвертый вид — восклицательный (А. Н. Кононов вместо побудительных выделяет модальные)²⁴. Сторонники первой точки зрения, вслед за Академической грамматикой русского языка, почему-то полагают, что, «будучи произнесено с особой эмоциональной окраской, каждое из предложений этих трех групп может стать восклицательным». Независимо от интонации произношения, эти группы предложений никак не могут превратиться в совершенно другие типы предложений, ибо по своему содержанию они остаются либо повествовательными, либо вопросительными, либо побудительными. Но, в отличие от собственно повествовательного, собственно-вопросительного и собственно-побудительного предложений, они имеют дополнительный оттенок волеизъявления. «Будучи произнесенными с особой эмоциональной окраской», они становятся повествовательно-восклицательными, вопросительно-восклицательными предложениями. Что касается побудительного предложения, то произнесение его с усиленной эмоциональностью является одним из собственных признаков этого вида предложения. Восклицательное предложение — это особый вид предложения, имеющего своеобразную смысло-

¹⁹ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка, стр. 355—358.

²⁰ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 239.

²¹ Ф. Р. Зейналов. Служебные части речи в современных тюркских языках. Автореф. докт. дисс., Баку, 1966.

²² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 437. См. также: А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс., Баку, 1963 и др.

²³ Мүасир Азербайжан дили. Синтаксис. Баку, 1962, стр. 41—56; З. Будагова. Мүасир Азербайжан әдәби дилиндә садә чүмлә. Баку, 1963, стр. 186—263; Ы. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка. Автореф. докт. дисс., стр. 24—29 и др. работы.

²⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 494; е го же. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 345—348; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка, стр. 58—66; К. З. Ахмедов. Исследование по синтаксису башкирского языка, стр. 5; Хезирки заман туркмен дили, синтаксис. Ашгабат, 1962, стр. 62—84; А. Нурмаханова. Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках. Автореф. докт. дисс., стр. 13 Қазақ тілі, Алматы, 1961, стр. 7—14 и др. работы.

вую, грамматическую и интонационную особенности. Восклицательное предложение выражает различные эмоциональные переживания говорящего, оно имеет обычно форму односоставных номинативных предложений и отличается своеобразными грамматическими признаками. К ним относятся употребление междометий, относительных местоимений в роли эмоционально-усилительных частиц и особая интонация.

Требует разрешения ряд спорных вопросов, таких как классификация членов предложения (определение главных и второстепенных членов предложения, установление третьестепенных членов предложения)²⁵; изучение членов предложения не только в составе простого, но и сложного предложений; расширение типов обстоятельств за счет обстоятельств условия и уступительности²⁶; определение синтаксической функции конструкций, управляемых деепричастием, причастием и именем действия. Ждут своего исследования также конструкции односоставных предложений: если одни ученые устанавливают два типа безличных предложений (назывных и безличных)²⁷, то другие выделяют в тюркских языках те же типы односоставных предложений, что в грамматиках русского языка. Имеется ряд спорных вопросов и в синтаксисе сложного предложения.

Советские языковеды-тюркологи проделали большую работу в области синтаксиса тюркских языков. Сейчас уже наметились основные направления исследований в области синтаксиса. Между тем имеется ряд неразработанных вопросов, требующих всестороннего исследования. Сюда, в первую очередь, относятся многие теоретические вопросы синтаксиса, а также сравнительное изучение синтаксической структуры тюркской семьи языков.

Разрешение всех этих проблем тюркологии требует коллективных усилий специалистов в области различных тюркских языков, координируемых единым научным центром.

²⁵ См. А. Сайфуллаев. Гапнинг учинчи даражали булаклари. Тошкент, 1967.

²⁶ Г. Ачилова. Определительные словосочетания в современном туркменском языке. Ашхабад, 1951; А. Гулям. Узбек тилида аниқловчилар. Тошкент, 1950; М. Б. Балакаев. Прямое дополнение в казахском языке. «Вестник АН Каз. ССР», 1958, № 10; Э. В. Севортян. Прямое дополнение в турецком языке. «Вестник МГУ», 1948, № 12; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка, стр. 247—249; А. Джапаров. Главные члены предложения в современном киргизском языке. Фрунзе, 1964 и др.

²⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 237—238; его же. Строй тюркских языков, стр. 362, 397—399.

О НЕКОТОРЫХ ЧАСТНЫХ ДЕТАЛЯХ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ АФФИКСА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА -LAR В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, в тюркских языках, за исключением чувашского, множественное число имен существительных выражается аффиксом -lag, имеющим варианты с гласным переднего ряда -leg, -lär, -lir (уйгурск.). Только в карачаево-балкарском языке аффикс -lag не имеет конечного г. Загадка происхождения аффикса множественного числа -lag давно привлекала внимание исследователей. По этому вопросу накопилась значительная литература. В рамках небольшой статьи вряд ли возможно перечислить абсолютно все высказывания, касающиеся происхождения аффикса мн. числа -lag, тем более что многие из них нельзя назвать удачными. Отметим только наиболее плодотворную линию исследований в этом плане, которая исходит из предположения о сложности структуры аффикса -lag, состоящего из двух показателей собирательной множественности: -l и -g.

Начало исследований этого плана было положено Отто Бётлингом, впервые попытавшимся связать первый составной элемент аффикса -lag -l с аффиксом отглагольных существительных -la в якутском языке¹. В дальнейшем эта идея была развита В. Котвичем. В одной из своих ранних работ „Les pronoms dans les langues altaïques“ В. Котвич, полемизируя с М. Мункачи, выведившим -lag из личного местоимения 3-го л. мн. ч. olag, считал более целесообразным связывать первый элемент l с l в окончаниях тюркского комитатива -lan, -län².

В более поздней работе „Studia nad jzykami altajskimi“ В. Котвич значительно расширяет этимологические связи первого составного элемента l в аффиксе мн. числа -lag. Он связывается не только со сходнозвучающим l в аффиксах совместного падежа -luun в якутском, но также с l в аффиксе творительного падежа -la, -lan и с аффиксами прилагательных -ly, -lyk, -laax (якут.), собирательных числительных -a (γ) и -la, сравнительной степени существительных, прилагательных и наречий -la, -ly и т. д. К сравнению привлекаются материалы из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков³.

Действительно, все эти аффиксы связывает известная общность значения. Комитатив или совместный падеж выражает идею совместного пребывания, ср. якут. суффиксы комитатива -luun, -lary, -lan; твори-

¹ Otto Böhling. Über die Sprache der Jakuten. St.-Petersburg, 1851, стр. 159.

² W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, стр. 30.

³ В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, стр. 110 (русс. перевод).

тельный падеж также очень часто имеет параллельное значение комитатива. Аффикс прилагательных *-ly, -lyk*, якут. *-laax* в древности явно имел комитативное и собирательное значение. Татар. *kõc-le*, турец. *güç-lü* «сильный» могли иметь первоначальное значение «с силой», т. е. «наделенный силой» или «обладающий силой». Значение обладания легко могло развиться из первоначального значения совместного пребывания. Ср. якут. *ogoloox* «с детьми» или «имеющий детей».

Собирательное значение аффикса *-lyk* также отчетливо прослеживается в некоторых тюркских языках, ср. татар. *paḡat-lyk* «сосняк» (от *paḡat* «сосна»), чуваш. *хиган-ла̋х* «березняк» от *хиган* «береза». Конечное *-к* в аффиксе *-lyk* представляет также древний аффикс собирательной множественности *-q*.

Г. Рамстедт предполагал, что тюркский аффикс мн. числа *-lag* возник из первоначального *-paḡ*⁴. Однако в своей работе «Введение в алтайское языкознание» он приводит многочисленные примеры, подтверждающие первоначальное комитативное значение форманта *l*.

В древних тюркских языках (уйг., ср. тюркск., чаг.), замечает Рамстедт, имелось некое *li*, которое встречалось обычно при двух стоящих рядом именах и должно переводиться как «и», «как, так и», «и...и»: древнетюркск. *inili ācili* «как младшие, так и старшие братья, младшие и старшие братья»; уйг. *ünli künli* «ночь и день», *tāḡrill jirli* «небо и земля»; ср. тюркск. *bāgli budunly* «князя и народ». В татарском, казахском, чувашском, якутском и многих других языках и диалектах этот оборот встречается еще довольно часто. По-казахски говорят, например, *erteli kes* «день и ночь», *erli qatyn* «муж и жена, супружеская чета»⁵. Формант прилагательного *-lyq*, по Рамстедту, представляет дальнейшее развитие этого падежного *-ly, -li*⁶.

К этому ряду образований, содержащих формант *l*, следует также отнести и ставший во многих современных тюркских языках редким послелог *lig-lä* «вместе, заодно, воедино».

Второй составной компонент аффикса *-lag* г также в настоящее время рассматривается как особый показатель собирательной множественности.

Идея двухморфемного состава аффикса *-lag* была выдвинута алтаистами Н. Поппе⁷ и Д. Синором.

Д. Синор, однако, не считал элемент *г* в аффиксе *-lag* прямым продолжением общеалтайского аффикса собирательной множественности *г*. Исходя из гипотезы о первичности *-г* и вторичности *-z* в тюркских языках, Синор утверждает, что отражением алтайского показателя множественности *-г* в тюркских языках является показатель множественности *-z*⁸. По этой причине он склоняется к гипотезе М. Рясянена, который связывал формант *-г* с тюркским *āg* «человек, мужчина»⁹.

И. Маркварт находит показатель собирательности-множественности *-г* в этнониме *tatar—tata+г*¹⁰.

А. Н. Кононов, который также исходит из гипотезы о первичности *-г* и вторичности *-z* в тюркских языках, утверждает, что пока-

⁴ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 60 (русск. перевод).

⁵ Там же, стр. 46—47.

⁶ Там же, стр. 47.

⁷ N. Poppe. Plural Suffixes in the Altaic Languages. UAJ, XXIV, № 3—4, 1952, стр. 73, 75—76.

⁸ D. Sinor. On some Ural-Altai Plural Suffixes. Asia Minor, N. S., vol. II, стр. 221.

⁹ M. Räsänen. Aus der türkischen Formenlehre, JSFOu, L., 1939, 7, стр. 1—6.

¹⁰ J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen. В кн.: W. B a n g und J. M a r q u a r t. Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914, стр. 96.

затель собирательности-коллективности -г пережиточно сохраняется в чувашском языке, ср. чуваш. эрĕ -г, эрĕ -г „мы“, эсе -г „вы“.¹¹

По мнению А. Н. Кононова, аффикс -г—показатель множественности (аналог афф.—2) пережиточно сохраняется также в составе аффикса принадлежности 2 л. мн. ч.: алт., урянхайск. -ʔag/-ger < °ʔ (-пʔ / -ng) + ag / -er: ada -ʔag „ваш отец“; тувин., хакас., кирг. -°ʔag / -°ʔer < °ʔ + ag / -er: ata -ʔag „ваш отец“. Для объяснения происхождения второго элемента этого аффикса (°-г) должен быть привлечен афф. -lag, -leg > -ag / -er. Аффикс -г как показатель собирательности-множественности обнаруживается в составе старого тюркского заимствования в русский язык—слова боляр-ин bol'ag < boila+г. Аффикс -г как показатель собирательности-коллективности-множественности широко используется в тунгусских и в монгольских языках.¹²

В конечном итоге Н. А. Кононов также приходит к выводу, что аффикс -lag образовался в результате фузионного сплавления двух общеалтайских показателей собирательности-коллективности-множественности — l+г.

В этой концепции остается неясным, однако, один вопрос: почему в тех тюркских языках, где, по мнению А. Н. Кононова, -г перешло в -z, в аффиксе -lag как бы пережиточно сохраняется старое -г?

Каковы бы ни были толкования частных деталей, гипотеза о двусоставности тюркского аффикса мн. числа -lag в настоящее время является господствующей, и она, по-видимому, наиболее близка к истине.

Как будто бы сама идея о наличии в составе аффикса мн. числа -lag двух древних аффиксов собирательности-множественности -l и -г не вызывает каких-либо сомнений.

Недосказанным, однако, остается одно: почему к аффиксу собирательной множественности -l присоединился второй показатель собирательной множественности -г.

В языке ничего не бывает немотивированного. Если к одному аффиксу собирательной множественности присоединяется другой аффикс собирательной множественности, то это означает, что в данном случае действовала какая-то причина. Учитывая некоторые общие закономерности сочетания аффиксов в агглютинативных языках, можно предположить, что присоединение второго аффикса было вызвано необходимостью уточнения значения первого аффикса в целях выражения особого оттенка значения.

Однако, если подвергнуть такое допущение логическому анализу, то оно само собой отпадет. Присоединение второго аффикса в целях выражения специфического оттенка значения могло иметь место в отдельных случаях. Но ведь в тюркских языках сочетание двух аффиксов получило тотальное распространение. Очевидно, причина здесь другая.

Мы имеем основание предполагать, что предшественником современного аффикса мн. ч. -lag в тюркских языках был когда-то аффикс собирательной множественности -la, например: agaç-la „деревья“, kuz-la „девушки“, baluk-la „рыбы“ и т. д. Возможно, что остатком его является аффикс мн. числа -la (-le) в современном балкарском языке, например: at-la „лошади“, juj-le „дома“ и т. д. Перед притяжательными суффиксами появляется аффикс -lag, -leg, ср. atlagu „их лошади“, eşikleri „их двери“ и т. д.¹³ Любопытно, однако, то, что в балкарском языке не было фонетического закона отпадания г в аб-

¹¹ А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках, Л., 1969, стр. 7.

¹² Там же, стр. 8.

¹³ И. В. Филоенко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 31.

солютом исходе слова, ср. такие примеры, как *biġ* „один“, *zēg* „земля“, *ig* „бей“, *zūg* „песня“, *aṣag* „он будет есть“ и т. д. Это свидетельствует о том, что некогда в балкарском языке существовало два варианта аффикса мн. числа: *-la* и *-laġ*. Последний был использован в склонении имен существительных с притяжательными суффиксами, тогда как первый, наиболее древний вариант, пережиточно сохранился в склонении без притяжательных суффиксов.

В то же время в тюркских языках существовал совместный падеж, характеризовавшийся особым падежным аффиксом *-la*. О былом существовании совместного падежа с аффиксом *-la* свидетельствуют его реликты в тюркских языках. К этим реликтам прежде всего следует отнести послелог *biġ-lä* «вместе, воедино». Этот аффикс мог осложняться аффиксом другого совместного падежа *-п* или *-п*, откуда такие образования, как татарский послелог *be-lä-p* «с». Аффикс *-la* содержится в аффиксе якутского совместного падежа *-lap*, например: *Аппа-lap* «с Анной», а также в аффиксе балкарских собирательных числительных *-lep*, например: *ек'еи-lep* «вдвоем».

Таким образом, древний показатель собирательной множественности *la* совпадал по форме с аффиксом совместного падежа. Стремление устранить омонимию суффиксов, очевидно, и послужило главной причиной того, что к древнему аффиксу собирательной множественности присоединился второй аффикс собирательной множественности *-ġ*, откуда современный аффикс *-laġ*.

В более позднее время в некоторых тюркских языках, например в казахском, киргизском, башкирском, алтайском, шорском и якутском, возникли варианты аффикса *-laġ* с начальным *t* или *d*, ср. казах. *zoldas* „товарищ“, *zoldas-tar* „товарищи“, *kolhoz-dar* „колхозы“; кирг. *šart* „условие“, *šart-tar* „условия“, *kyrgyz* „киргиз“, *kyrgyz-dar* „киргизы“; алт. *at* „лошадь“, *at-tar* „лошади“, *kul* „раб“, *kul-dar* „рабы“; башк. *jeget* „молодой человек“, *jeget-tär* „молодые люди“, *jyl* „год“, *jyl-dar* „годы“ и т. д. Исконное *l* сохраняется в этих языках обычно в интервокальном положении, ср. казах. *enbekšiler* „трудящиеся“ от *enbekši* „трудящийся“; кирг. *okuucu-lar* „ученики“; алт. *bala* „ребенок“ *balalar* „дети“; башк. *kala* „город“, *kalalar* „города“ и т. д.

Основную причину происхождения этих вариантов найти нетрудно: начальные *t* и *d* вариантов аффикса мн. числа *-laġ* — *-tar* и *-dar* возникли в результате ассимиляции *l* конечному гласному основы слова, например казах., кирг., башк. *at* «лошадь», *atlar > attar* «лошади». Затем вариант *-tar* был обобщен для всех основ, оканчивающихся на глухой согласный. После основ с конечными звонкими согласными, а также с сонорными и носовыми, закономерно стал употребляться вариант аффикса с начальным *d*, ср. казах. *kuz* «девушка» — *kuz-dar* «девушки». Однако проблема этим не исчерпывается. Естественно, возникают следующие вопросы: почему ассимиляция первоначально ограничилась только основами с конечным *t*; почему она не распространилась дальше и не захватила основы с другими согласными (в вышеупомянутых языках нет ассимиляций типа *каггаг* «снега» от *каг* «снег», *балуккаг* «рыбы» от *балук* «рыба», *аҕассаг* «деревья» от *аҕас* «дерево» и т. д.). Эти вопросы специальному исследованию, насколько нам известно, не подвергались. Может быть, причина заключается в каких-то особых свойствах согласного *t*. Может показаться, что основы с конечным согласным *t* обладают в вышеуказанных языках особенно высокой степенью частотности.

В действительности это не так. В казахско-русском словаре Х. Махмудова и Г. Мусабаева, насчитывающем примерно 16000 слов,

нами обнаружено всего два с половиной десятка казахских слов, оканчивающихся на гласный *t*, например: *arat* „бедствие“, *art* „зад“, *ast* „низ“, *at* „лошадь“, *at* „имя“, *auyt* „верблюжье седло“, *auk*, *at* „положение“, *bet* „лицо“, *bit* „вошь“, *burk'it* „беркут“, *but* „нога, бедро“, *dat* „месть“, *et* „мясо“, *zurt* „место стоянки“, *it* „собака“, *kunt* „забота“, *kurt* „червяк“, *ot* „огонь“, *ot* „трава“, *syrt* „внешняя сторона“, *uyt* „противоядие“, *sabyt* „желание“, *set* „край“, *ot* „пожар“. Всего 24 слова на 16 тысяч. Такое же явление наблюдается и в башкирском языке. В башкирско-русском словаре, составленном коллективом авторов из Башкирского филиала АН СССР, содержится около 22000 слов. На долю основ с конечным *t* приходится 18 слов¹⁴: *art* „зад“, *ast* „низ“, *at* „имя“, *at* „лошадь“, *bit* „лицо, страница“, *bot* „идол“, *bot* „бедро“, *börköt* „орел“, *jeget* „парень“, *et* „мясо“, *jort* „дом“, *kat* „слой“, *kot* „душа“, *syrt* „навес“, *tat* „сладость“, *tut* „ржавчина“, *ut* „огонь“, *it* „собака“.

Отсюда можно сделать вывод, что низкая частотность основ с конечным *t* не может быть причиной выбора *t* в качестве начального варианта аффикса мн. числа. Остается выяснить, какие фонемы из ряда согласных могли быть конкурентами *t*. Прежде всего из этого ряда следует исключить все звонкие смычные согласные типа *b*, *g*, *d*, *z*, которые в кыпчакских тюркских языках в конце основ практически не встречаются. Не типично для перечисленных выше языков и конечное *ç*. В казахском и ойротском языках ему соответствует *š*, а в башкирском *s*. Аффриката *ž* в конечном положении также не встречается. В конце слова могут встречаться главным образом спиранты типа *s*, *š*, *z*, носовые *m*, *n*, и плавные *g*, *l*. Они также не могли быть серьезными конкурентами *t*, ибо для языков чисто агглютинативного типа, какими являются тюркские языки, геминация согласных не является типичной. В корнях слов нет геминат типа *ss*, *šš*, *zz*, *mm*, *nn*, *gg*, *ll*. Нет также аффиксов, начинающихся с *z* и *g*.

Наиболее высокой степенью частотности является стечение двух *t*, ср., например, такие башкирские и казахские глагольные формы 3-го л. ед. числа, как *bit-ti*, *bet-ti* „окончился“, *k'it-ti*, *k'et-ti* „ушел“, *jet-ti*, *žet-ti* „достиг“, *sat-ty* „он продал“, *ukyt-ty*, *okyt-ty* „обучил“ и т. д.

Это обстоятельство, по-видимому, и послужило основной причиной, почему в вышеперечисленных языках форма мн. числа типа *atlar* „лошади“ превратилась в *attar*. Процессу ассимиляции также способствовала тенденция к устранению труднопроизносимых групп согласных, поскольку сочетания конечных глухих смычных и начального *l* аффикса мн. числа *-lar* типа *atlar* „лошади“; *k'itarlar* „книги“, *aǰaklar* „чашки“ и т. д. не являются удобопроизносимыми. Не особенно удобопроизносимы и сочетания спирантов типа *z*, *š*, а также носовых и плавных с начальным *l* аффикса, например: *kuz-lar* „девушки“, *baš-lar* „головы“, *žer-ler* „земли“ и т. п.

Все эти факторы, вместе взятые, привели в конечном итоге к тому, что в таких языках, как башкирский, казахский, киргизский, алтайский, шорский и якутский наряду с аффиксом мн. числа *-lar* появились варианты *-tar* и *-dar*.

¹⁴ Слова арабского и персидского происхождения с конечным *t* в приведенные нами списки слов не включаются (Б. С.).

ПРИЧИНЫ НАРУШЕНИЙ СИММЕТРИИ В СИСТЕМЕ КИРГИЗСКИХ ГЛАСНЫХ

Материалы древних маньчжурских, монгольских и тюркских памятников позволяют обнаружить полное совпадение и удивительную стройность и симметричность систем гласных в этих языках. Но наиболее полное развитие и, по-видимому, в связи с этим — устойчивость, получила эта система лишь в тюркских языках. Современный киргизский литературный язык относится к числу тех из них, в которых поражающая исследователей стройность и симметричность вокализма не нарушалась даже после возникновения в нем нового фонологического противопоставления гласных — оппозиции по признаку длительности. Если пока не учитывать наличие этого признака, то симметричность в восьмерке киргизских гласных А, Е, О, Ө, Ы, И, У, Ү можно усмотреть в следующем:

1) Каждому гласному верхнего подъема (узкому) фонологически противопоставлен только один гласный нижнего подъема (широкий), имеющий с узким одинаковые прочие фонологические признаки.

2) Каждому гласному заднего ряда (твердому) фонологически противопоставлен только один гласный переднего ряда (мягкий), имеющий с твердым одинаковые прочие фонологические признаки.

3) Каждому огубленному (губному) гласному фонологически противопоставлен только один гласный неогубленный (негубной), имеющий с огубленным одинаковые прочие фонологические признаки.

Все перечисленные утверждения остаются справедливыми и для обратного перечня противопоставляемых гласных. Наличие такой симметричности в вокализме и служит, как известно, базой для соблюдения законов тюркской гармонии гласных, причем в киргизском языке она в настоящее время проявляется наиболее последовательно, особенно в огласовке аффиксов. Анализ сингармонических вариантов аффиксов дает возможность продолжить перечень симметричных явлений в области киргизского вокализма.

4) Подавляющее большинство киргизских аффиксов симметрично разбито на два класса: аффиксы «узкие» (с узкими гласными) и аффиксы «широкие» (с широкими гласными), причем два семантически различных аффикса внешне могут различаться только по признаку подъема гласных.

5) В пределах каждого из указанных классов любой самостоятельный по семантике аффикс разбит на два сингармонических варианта: твердый и мягкий.

6) В пределах каждого из этих сингармонических вариантов любой аффикс представлен двумя сингармоническими разновидностями: губным и негубным вариантом.

Таковы, в общих чертах, проявления симметричности киргизского вокализма, причем 5 из перечисленных 6 показателей симметричности справедливы для подавляющего большинства современных тюркских языков. Поэтому тюркский вокализм, с его наглядной стройностью, всегда служил отличным объектом для проверки эффективности новейших методов описания и анализа лингвистических явлений (причем сами тюркологи нередко оказывались создателями этих методов). Знаменитая радловская «тройная» классификация тюркских гласных (использованная и в данном случае) явилась первым и совершенным образцом чисто фонологического подхода к явлениям звукового строя языка¹, тогда как в индоевропейском языкознании еще много десятилетий не прекращались споры о том, правомерно и полезно ли для практики и теории отделение фонологической «надстройки» от звуковой субстанции языка.

В. А. Богородицкий как индоевропеист, не очень сочувственно относившийся к фонологическим теориям, обогатил тюркологию и общее языкознание замечательными работами по тюркскому вокализму, в которых фактически проявил тонкое фонологическое чутье, наполнив понятие фонемы новым, более глубоким и конкретным содержанием².

Развивая и совершенствуя теорию фонологии, не раз обращался к тюркскому вокализму и А. А. Реформатский³.

Методика описания фонологических противопоставлений с помощью наглядных геометрических моделей, получившая за последние годы широкое распространение в тюркологии, ведет свое начало от «тюркского куба гласных», предложенного более 20 лет назад американским тюркологом Джоном Лотцем⁴. Позже этот знаменитый куб был использован в работах Ж. Дени и Г. Глисона⁵ и послужил отправной точкой для формализации законов гармонии тюркских гласных в работах М. А. Черкасского⁶. Этот же куб оказался необходимым при разработке сингармонической огласовки тюркских аффиксов, когда потребовалось представить эти правила в виде формул математической логики, пригодных для осуществления автоматизации процесса огласовки с помощью вычислительной машины⁷. Анализ гармонии гласных в тюркских языках позволил

¹ W. Radloff. Zur Geschichte des türkisches Vokalsystem, ИАН, 1901, т. XIV, № 4, стр. 428.

² В. А. Богородицкий. Законы сингармонизма в тюркских языках. «Вестник научного общества татароведения», 1927, № 6; его же. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 82—117.

³ А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). В сб.: «Вопросы грамматического строя», М., 1955; его же. К вопросу о фоно-морфологической делимитации слова. В сб.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 60; его же. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. В сб.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965, стр. 64.

⁴ John Lotz. Notes on Structural Analysis in Metrics. Helicon, 4, 1942, стр. 123.

⁵ Jean Deny. Principes de grammaire turque („türk“ de Turquie). Paris, 1955, стр. 57; Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

⁶ М. А. Черкасский. О фонологических отношениях в системе тюркских гласных. «Уч. зап. Алма-Атинского пед. ин-та иностр. языков», т. II, вып. 5, 1957, стр. 58; его же. Об особенностях фонологического строения тюркского вокализма. «Народы Азии и Африки», 1962, № 5, стр. 148; его же. Опыт формального описания гармонии гласных в тюркских языках. ВЯ, 1961, № 5; его же. Тюркский вокализм и сингармонизм, М., 1955.

⁷ Г. П. Мельников. Математические формулы и блок-схемы электронных автоматов для описания и моделирования взаимодействия дифференциальных признаков фонем при сингармонизме. М., 1961; его же. Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках. ВЯ, 1962, № 6.

выявить информационную сущность сингармонизма и понять некоторые взаимосвязи между фонологическим и морфологическим уровнями языков⁶.

Во всех перечисленных работах главное внимание уделялось тем свойствам тюркских гласных фонем, в которых проявляется симметричность тюркского вокализма. Отклонения от симметричности в лучшем случае констатировались, но причины их не выяснялись, если не брать в расчет некоторых мелко брошенных предположений. Сказанное в полной мере относится и к работам по киргизскому вокализму. Однако совершенно очевидно, что если будет найдено достаточно убедительное объяснение причин возникновения асимметричных отношений в области тюркского вокализма, то это будет свидетельством углубления нашего понимания динамики развития фонологических систем в тюркских языках. Прежде чем перейти к анализу этих причин, приведем примеры наиболее ярких отклонений от симметрии, имеющих место в киргизской системе гласных и законах огласовки киргизских аффиксов. При перечислении этих примеров совершенно необходимо учитывать тот факт, что в киргизском языке гласные противопоставляются по четвертому фонологическому признаку — длительности.

Именно в этом противопоставлении и обнаруживается одна из главных асимметричностей киргизского вокализма:

1) Каждой краткой гласной фонеме киргизского языка противопоставлена долгая фонема; однако гласные И, Ы представлены лишь в краткой разновидности.

Следовательно, вместо 16 гласных фонем, что можно было бы ожидать, исходя из симметричности киргизского вокализма, мы находим их только 14: 8 кратких и 6 долгих.

2) Огубление гласного узкого или широкого аффикса происходит под влиянием наличия огубленного гласного в предшествующем слоге. Но если этот слог содержит гласный У, то следующий за ним широкий аффикс не огубляется.

3) Хотя огубление широкого или узкого аффикса есть результат действия губной гармонии гласных, — в киргизском языке существует несколько достаточно продуктивных аффиксов, выступающих только в огубленном виде, независимо от того, содержится или не содержится огубленный гласный в предшествующем слоге. К числу таких независимо огубленных аффиксов относится, например, узкий аффикс прилагательных на -ЛУУ/-ЛҮҮ (во всех его вариантах) и широкий аффикс собирательных числительных на -ОО/-ӨӨ.

4) Существует еще один независимо огубленный аффикс — аффикс имени действия на -УУ/-ҮҮ, который нарушает симметричность киргизского вокализма в другом отношении: являясь, с точки зрения огласовки, четырехвариантным, он одновременно входит и в класс узких, и в класс широких аффиксов, т. е. представлен в виде вариантов -УУ/-ҮҮ и -ОО/-ӨӨ.

Таким образом, почти все нарушения симметрии киргизского вокализма так или иначе связаны с отступлениями от закона губной гармо-

⁶ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 311—313; А. А. Реформатский, указ. соч.; А. Е. Супрун. По поводу избыточности языковой информации. «Тезисы докладов и сообщений на 7-й научной конференции профессорско-преподават. состава (филол. фак-та Кирг. гос. ун-та)», Фрунзе, 1959, стр. 8; Г. П. Мельников. О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту. «Народы Азии и Африки», 1962, № 6; его же. Морфологический строй языка и средства словоразграничения. Доклад на конференции по структурной лингвистике, посвященной базисным проблемам фонологии. Ин-т русского языка АН СССР, май 1963 г. В сб.: «Исследования по фонологии», М., 1966. Тезисы доклада в сборнике конференции, М., 1963, стр. 41—46; его же. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма. В сб.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965.

нии гласных, в результате чего огубление гласных в последовательных слогах слова может на каком-то слоге прерваться, несмотря на наличие огубленности в предшествующем слоге, или, наоборот, возникнуть, хотя предшествующий слог не содержит огубленного гласного.

Едва ли можно объяснить эти факты отступления от последовательного соблюдения законов гармонии гласных тем, что иначе в каждом слове содержались бы только гласные А, Ы, О, У или только гласные Е, И, Э, У, что «было бы очень однообразно», как полагает В. Котвич⁹. Желательно найти объективные факторы, которые способствуют формированию симметричности тюркской системы гласных, после чего легче понять и причины нарушения этой симметрии.

Более или менее полный статистический анализ основных тенденций тюркского вокализма в области нарушения губной гармонии был изложен в работе, посвященной описанию правил огласовки тюркских аффиксов в виде формул алгебры логики¹⁰. Там же было показано, что для объяснения этих тенденций уже недостаточен только фонологический подход: необходим учет и фонетических, артикуляционных факторов. В связи с этим потребовалось усовершенствовать классический куб тюркских гласных, введя в модель понятие артикуляционно-акустического расстояния. Первые удовлетворительные результаты применения этой модели были получены в 1962 г. В начале 1963 г. в Москве на конференции, посвященной базисным проблемам фонологии, был сделан доклад, в котором с помощью новой модели объяснялись причины основных асимметричных явлений вокализма ряда урало-алтайских языков, в том числе и некоторых тюркских¹¹. Позже эта методика была применена к объяснению особенностей татарско-башкирского вокализма, к описанию эволюции монгольских языков¹², к разрешению частных проблем тюркской орфографии¹³. Она оказалась полезной и при обсуждении вопроса о происхождении отдельных народов¹⁴. Следовательно, можно надеяться, что использование этой методики будет небесполезным и при исследовании вопроса о нарушении симметричности киргизского вокализма, специально не поднимавшегося ни в общей тюркологии, ни в киргизском языкознании. Методика анализа вокализма основана на одновременном учете фонологических противопоставлений и фонетических особенностей гласных, для чего используются особые геометрические, так называемые пирамидальные, модели системных гласных. Описание этих моделей из-

⁹ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 83.

¹⁰ Г. П. Мельников. Некоторые способы описания...

¹¹ Г. П. Мельников. Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков. Доклад на конференции по структурной лингвистике, посвященной базисным проблемам фонологии. Ин-т русского языка АН СССР, май 1963 г. В сб.: «Исследования по фонологии», М., 1966; Тезисы доклада в сборнике конференции; М., 1963, стр. 122—126.

¹² Г. П. Мельников. Классификация гласных, способы их описания и причины перебора татаро-башкирских гласных. «Тезисы научной конференции аспирантов Института языкознания АН СССР: некоторые вопросы фонологического, грамматического и лексико-семантического анализа (на материале языков разных систем)»; М., 1963, стр. 24—28; его же. Геометрические модели вокализма и перебой башкирско-татарских гласных. В сб.: «Проблемы лингвистического анализа (фонология, грамматика, лексикология)», М., 1966, стр. 26—33; его же. Анализ особенностей вокализма монгольских языков. В сб.: «Тезисы конференции аспирантов и молодых научных работников Института народов Азии АН СССР», М., «Наука», 1964, стр. 100—103.

¹³ Г. П. Мельников. Фонетические особенности и орфография тюркского аффикса имени действия -У/-Ў. В сб.: «Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, 1964, стр. 242—247.

¹⁴ Г. П. Мельников. Антропофонический подход к исследованию звукового строя языка и этногенез нанайцев. Сб. материалов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, М., 1964.

ложено в специальных работах¹⁵, а также в упомянутых выше докладах. Однако поскольку есть опасения, что перечисленные материалы еще не известны широкому кругу лингвистов, ниже кратко будут изложены основные принципы построения пирамидальных моделей вокализма, с помощью которых и будут анализироваться причины нарушения симметрии в киргизской системе гласных.

Как известно, при описании вокализма широко пользуются так называемыми треугольниками гласных. На рис. 1 представлен, например, треугольник венгерских гласных, на котором отражена степень подъема каждого гласного и степень продвинутости языка вперед или назад при произнесении этого гласного. Более полно и точно артикуляционные характеристики гласных отражены в «кардинальном треугольнике» Международной фонетической ассоциации (МФА), рис. 2. С помощью карди-

Рис. 1. Наиболее распространенный способ изображения системы гласных (на примере венгерского вокализма)

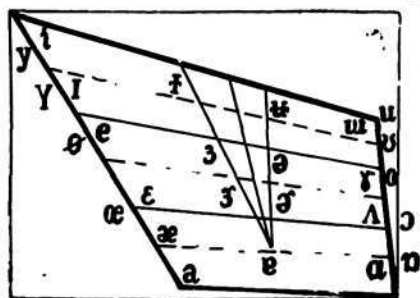

Рис. 2. «Кардинальный треугольник» гласных МФА

нального треугольника описываются артикуляционные характеристики систем гласных конкретных языков. На рис. 3 приведен пример использования треугольника МФА для описания системы английских гласных. Наиболее точно место каждого гласного на треугольнике определяется с помощью рентгено съемки. Таким образом, расстояния между гласными на треугольной модели вокализма соответствуют степени артикуляционного различия между гласными, «артикуляционному расстоянию» между ними.

Однако, как показали акустические исследования последних десятилетий, частотный анализ гласных, основанный на выявлении формантных областей, позволяет обнаружить, что степень акустического различия между гласными, их взаимные «акустические расстояния» полностью соответствуют «артикуляционным расстояниям». Для примера можно сопоставить картину «акустических расстояний» между английскими гласными (рис. 4) с картиной соотношения «артикуляционных расстояний» для этих же гласных (рис. 3). Полное совпадение этих картин дает нам право называть расстояния между гласными на треугольнике МФА артикуляционно-акустическим расстоянием. Учет как наличия фонологической противопоставленности гласных системы, так и артикуляционно-акустического расстояния между ними дает возможность понять некоторые закономерности в области вокализма, вытекающие из физической (артикуляционной и акустической) природы гласных зву-

¹⁵ Г. П. Мельников. Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем. М., 1965; его же. Усовершенствование «треугольника» Международного фонетического алфавита (МФА) для отражения степени акустической противопоставленности гласных. Доклад на VI Международном конгрессе фонетических наук. Прага, 1967. В. сб.: „Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung“, Band 21, Heft 6, Berlin, 1968, стр. 540—557.

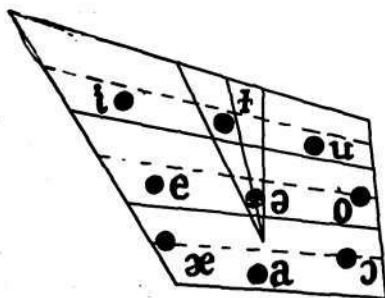

Рис. 3. Система английских гласных, представленная на треугольнике МФА

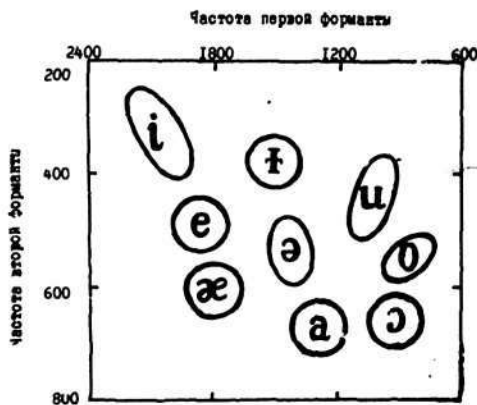

Рис. 4. «Треугольник» основных английских гласных, построенный на основе спектральных данных с учетом двух первых формант (F_1 и F_2)

ков. Так, например, как указывал Л. В. Щерба¹⁶, становится понятным тот факт, что, как правило, число гласных нижнего подъема не больше (а чаще всего — меньше) числа гласных верхнего подъема; в области широких гласных слишком малы артикуляционно-акустические расстояния, и при большом числе широких гласных не могла бы быть обеспечена достаточная четкость их распознавания и артикуляции.

Однако треугольник МФА имеет один серьезный недостаток: он не позволяет отразить артикуляционно-акустические расстояния между парами гласных, противопоставленными только по признаку огубленности. В связи с этим гласные \bar{O} и \bar{E} , например, или \bar{I} и \bar{U} (рис. 1) оказываются на треугольнике неразличимыми. Построение двух разных треугольников, отдельно для огубленных и неогубленных гласных, также не является выходом из положения, так как артикуляционно-акустическое расстояние между гласными, противопоставляемыми по огубленности, все равно оказывается неотраженным.

Поэтому в практике русской лингвистики в прошлом веке использовался «квадрат гласных». На нем отражалась степень противопоставлен-

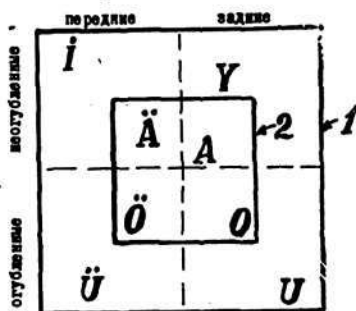

Рис. 5. «Квадрат» тюркских гласных по В. Радлову:

1—плоскость гласных верхнего подъема;
2—плоскость гласных нижнего подъема

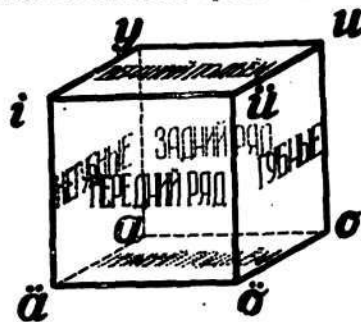

Рис. 6. Фонологический куб тюркских гласных (истинные артикуляционно-акустические расстояния между гласными не отражены)

ности гласных по признаку ряда и по признаку огубленности, но зато оказывался неотраженным важный признак степени подъема гласного. На рис. 5 представлен пример «квадрата гласных», составленного В. Радловым, для описания тюркского вокализма¹⁷.

¹⁶ М. И. Матусевич. Щерба как фонетик. В сб.: «Памяти акад. Л. В. Щербы», Л., 1951.

¹⁷ В. В. Радлов. Указ. соч.

Когда в фонологии потребовалось отразить систему противопоставлений гласных по их дифференциальным признакам, а степень физической противопоставленности гласных перестала интересовать фонологов, то в это время в тюркологии был предложен Дж. Лотцем¹⁸ «куб» тюркских гласных (рис. 6). На нем наглядно отражалась система фонологических противопоставлений и по признаку подъема, и по признаку ряда, и по признаку огубленности. А так как для фонологии важен только факт наличия противопоставления, а не степень противопоставленности, то новая модель приобрела идеальную симметричную кубическую форму. Если же на модели, учитывая данные артикуляционного рентгенографического и акустического анализа, соблюсти все артикуляционно-акустические расстояния, то получится не столь симметричная объемная геометрическая фигура. С некоторыми упрощениями ее можно представить как усеченную пирамиду неправильной формы (рис. 7). Эта пирамидальная модель¹⁹ может служить основой для описания тюркского вокализма и, в частности, системы киргизских гласных. Заранее можно сказать, что асимметрия, наблюдающаяся в области киргизского и вообще тюркского вокализма, в значительной мере объясняется асимметрией пирамидальной модели вокализма, отражающей особенности артикуляционных и слуховых органов. Тенденция же к симметричности в тюркских языках возникает под влиянием «давления» их фонологической системы, обеспечивающей, при сложившемся грамматическом строе языка, нормальное функционирование звучащей речи как надежного средства коммуникации. Таким образом, для объяснения своеобразия киргизского вокализма мы не будем ограничиваться выявлением только структуры, только сети фонологических отношений между гласными, как это принято при чисто структуралистском подходе к подобным задачам. Мы не намерены также ограничиться учетом только чисто физических, субстанциальных условий, влияющих на звуковые чередования, что весьма часто делается в применении к тюркскому вокализму. Наш метод основан на принципах системной лингвистики, раскрывающей специфику исследуемых систем на основе выявления взаимодействия структурных «запросов» и субстантных «возможностей» системы после уточнения ее функции²⁰.

Поскольку это важно для дальнейшего, необходимо остановиться на функциональной роли основных закономерностей в области тюркского

¹⁸ Дж. Лотц. Указ. соч. Следует, однако, отметить, что кубическая модель вокализма впервые была предложена в русистике Тукумцевым. См.: Г. Р. Тукумцев. Звуки и буквы. «Русский язык в школе», 1938, № 4.

¹⁹ Метод описания систем гласных с помощью пирамидальных моделей начал использоваться в различных странах независимо. Автор данной работы, как уже отмечалось, стал применять пирамидальные модели с 1962 г. и впервые докладывал об этом на конференции по фонологии, проходившей в начале 1963 г.; позже стало известно, что к мысли о возможности отражения артикуляционно-акустических расстояний на геометрической модели тюркского вокализма пришел и Дж. Лотц (США): John Lotz. Thoughts on Phonology as Applied to the Turkish Vowels. American Studies in the Altaic Linguistics. Indiana University Publication. Uralic and Altaic Series, 1962. Vol. 13 стр. 350. Еще позже обнаружилось, что в 1959 г. подобная модель предлагалась для описания турецкого вокализма: Özgan Başkan. Some phonological remarks with special reference to turkish phonemics. University of Istanbul, 1959. И, наконец, было выяснено, что приоритет использования пирамидальных моделей вокализма должен быть закреплен за Чехословакией. A. Lamprecht. Vývoj hláskového systému českého jazyka se zvláštním zretelem k nářecím na Moravě a ve Slezsku. Slovo a slovesnost, 17, 1956, стр. 65—78. Правда, все зарубежные лингвисты использовали пирамидальные модели лишь как средство описания, а не для объяснения особенностей системных гласных.

²⁰ Подробнее об этом см.: Г. П. Мельников. Системная лингвистика и ее отношение к структурной. В сб.: «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов». М., 1967; его же. Языковая стратификация и классификация языков. В сб.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия»; М., 1969; его же. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. «Народы Азии и Африки», 1969, № 6.

вокализма. Сведения о киргизском вокализме будут черпаться в основном из замечательных работ И. А. Батманова, наиболее полно и последовательно отражающих грамматический строй киргизского языка²¹. Однако не со всеми теоретическими положениями, получившими распространение в киргизском языкознании под влиянием указанных работ, можно в настоящее время согласиться. Поэтому при толковании функциональной роли звуковых изменений в тюркских языках излагаемая точка зрения будет сопоставляться с мнением И. А. Батманова.

Одним из важнейших вопросов тюркской грамматики является вопрос о природе гармонии гласных. В настоящее время подавляющее большинство лингвистов, в том числе и тюркологов, разделяет точку зрения И. А. Бодуэна де Куртенэ и В. В. Радлова, состоящую в том, что гармония гласных является специальным средством «цементирования» морфем в единое, цельнооформленное агглютинативное слово²². Следовательно, гармония гласных есть следствие агглютинативного строя языков определенного типа. Н. С. Трубецкой указал на связь средств функции оформления слова с функцией словоразграничения, и это положение получило дальнейшее развитие в фонологических работах А. А. Реформатского и М. А. Черкасского²³. Такому взгляду не противоречит и толкование гармонии гласных как одного из эффективных средств обеспечения высокой помехоустойчивости речевого общения на языке с агглютинативным строем. Специально анализировался вопрос о способах обеспечения помехоустойчивости при различных типах агглютинации²⁴ и о влиянии морфологического строя на звуковые закономерности языка²⁵. Таким образом, в настоящее время уже нет оснований придерживаться гипотезы о том, что гармония гласных в киргизском языке, с типичным урало-алтайским агглютинативным строем, сохраняется лишь в силу традиции. Однако И. А. Батманов продолжает стоять на этой точке зрения²⁶.

Какие же выводы можно сделать из признания функциональной роли гармонии гласных в тюркских языках? Во-первых, совершенно ясно, что функции связывания морфем с корнем или разграничения слов в потоке речи и обеспечения помехоустойчивости речи — все это выражение разновидностей некоторой вспомогательной функции. Важнейшей же функцией в языке является смыслоразличение, поэтому при формировании звукового строя агглютинативного языка должен был произойти «естественный отбор» физических средств по степени важности выполняемых с помощью этих средств языковых функций. Средства, дающие менее надежные акустические и артикуляционные противопоставления, могли использоваться в первую очередь для выполнения вспомогательных функций, таких как словоразграничение, а в данном случае гармония гласных. Поскольку таким наименее различающим признаком является противопоставление гласных по ряду, что отражается на пирамидальной модели (рис. 7) как незначительность артикуляционно-акустического

²¹ И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946; его же. Современный киргизский язык, ч. I. Фонетика. Фрунзе, 1953; его же. Современный киргизский язык. Вып. I. Изд. IV. Фрунзе, 1963.

²² И. А. Бодуэн де Куртенэ. Кое-что по поводу резьянской гармонии (созвучия) гласных. «Глоттологические (лингвистические) заметки». I. Воронеж, 1877, стр. 4; W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 50.

²³ Н. С. Трубецкой. Указ. соч.; А. А. Реформатский. Указ. соч.; М. А. Черкасский. Указ. соч.

²⁴ А. Е. Супрун. Указ. соч.; Г. П. Мельников. О некоторых типах...; его же. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма.

²⁵ А. А. Реформатский. Указ. соч.; Г. П. Мельников. Морфологический строй языка и средства словоразграничения. Усовершенствование треугольника.

²⁶ И. А. Батманов. Фонетическая система..., стр. 77; его же. Современный киргизский язык, 1963, стр. 72.

расстояния между гласными, противопоставляемыми по признаку твердости — мягкости, то естественно, что наиболее развитым и устойчивым средством обеспечения гармонии гласных является их согласованность по ряду в пределах слова.

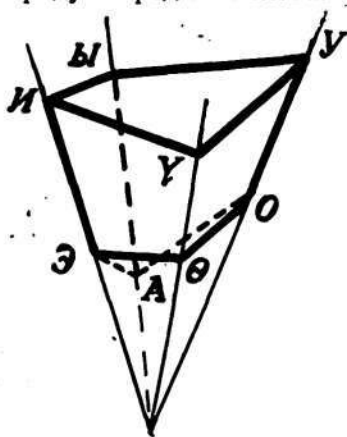

Рис. 7. Пирамидальная модель системы тюркских гласных

тельный признак (в аффиксах с независимым от гармонии огублением).

Следует еще напомнить, что если соблюдение гармонии по признаку ряда обеспечивает акустическое разграничение примерно для половины слов в потоке речи, то одновременно соблюдение идеальной губной гармонии добавляет к этой половине всего одну четверть отмеченных границ. Следовательно, и эффективность губной гармонии как средства слово-разграничения в два раза ниже, чем эффективность гармонии по признаку ряда. Поэтому так легко возникают во всех тюркских языках отступления от губной гармонии (вплоть до полного ее исчезновения), если такой ценой система вокализма реализует другие, важные в определенном отношении, тенденции.

Так, например, из рассмотренной пирамидальной модели непосредственно можно заключить, что для обеспечения надежной противопоставленности гласных аффиксов по признаку подъема (от чего зависит их различие по смыслу), использование гласных -О/-Ө в аффиксах нежелательно, так как они находятся на слишком близком артикуляционно-акустическом расстоянии от гласных -У/-Ү. Следовательно, в данном случае потребность в сохранении надежности смыслового противопоставления может пересилить потребность в последовательном соблюдении губной гармонии гласных для подчеркивания границ слова. Это положение и отражается в том, что общетюркской тенденцией является ограничение сферы употребления огубленных гласных среднего подъема О-Ө в первых слогах тюркских слов, т. е. в первую очередь — в аффиксах. Эта тенденция, хотя и в слабой форме, проявляется даже в киргизском языке. Следовательно, уже нельзя считать, что «причина этого явления до сих пор не выяснена»²⁷. В свете сказанного ясно, что гипотеза О. Бетлинга о сравнительно позднем развитии губной гармонии в тюркских языках полностью согласуется с данными о функциях и о физических свойствах тюркских гласных. Играя меньшую функциональную роль и встречая некоторые ограничения со стороны артикуляционно-акустических возможностей, губная гармония развивалась значительно медленнее гармонии палатальной. Наивысшего уровня она достигла, по-видимому, только в киргизском языке. Но если во времена Н. Ф. Катанова этот

²⁷ В. Котвич. Указ. соч., стр. 82.

уровень был таким, что еще возможно было огубление широких киргизских аффиксов после У²⁸, то вскоре губная гармония пошла на убыль, и, как указывает И. А. Батманов, огубления широких аффиксов после У в настоящее время не обнаруживается²⁹.

Анализ пирамидальной модели гласных и кардинального треугольника позволяет понять еще одно важное свойство тюркского вокализма.

Для наиболее последовательного соблюдения законов гармонии желательно, чтобы артикуляционно-акустические расстояния между гласными по признаку огубленности и по признаку ряда были примерно одинаковыми в плоскости широких и узких гласных. Эти расстояния не должны быть слишком большими, чтобы не могло утеряться ощущение сингармонического родства соответствующих гласных, но они не должны быть и слишком близкими, так как это привело бы к слабой акустической противопоставленности сингармонирующих гласных, и сингармоническая окраска слова перестала бы улавливаться. Для получения достаточного различия между широкими гласными Э, О и Ө смещаются вверх по отношению к А. Но расстояние между И и Ы очень невелико и не может быть значительным. Объясняется это следующим. Смещение Ы в сторону большой заднерядной артикуляции привело бы к увеличению переднего ротового резонатора, характерного для У, и звучание Ы приблизилось бы к звучанию У. Смещение Ы вверх до уровня И и дальше — тоже осложнено, так как средняя выгнутая часть спинки языка создает при этом затруднение для притока воздуха, и Ы начинает превращаться во фрикативный согласный. Следовательно, Ы выступает как гласный среднего ряда верхне-среднего подъема (И. А. Батманов относит его даже к среднему подъему), слабо противопоставленный гласному И. По этой причине, если в каком-либо языке начинает разрушаться гармония по признаку ряда, то именно гласный И превращается в первую очередь в сингармонически нейтральный гласный.

Таким образом, с помощью пирамидальной модели облегчается проблема объяснения основных закономерностей и тенденций в области тюркского (в том числе и киргизского) вокализма. Но для понимания индивидуальных особенностей системы киргизских гласных и причин нарушения симметрии в проявлении ее звуковых закономерностей необходимо учесть такую важную особенность киргизского вокализма, как наличие в нем долгих гласных, отсутствующих в большинстве других тюркских языков. Учет долготы потребует уточнения пирамидальной модели киргизского вокализма.

В подсистеме кратких гласных, как в киргизском, так и в других тюркских языках, наблюдается следующая фонетическая закономерность: чем больше степень закрытости гласного, тем он короче³⁰. Это свойство объясняется универсальной физиологической закономерностью: чем выше необходимо поднимать челюсть и массу языка вверх, тем больше времени тратится на само перемещение органов артикуляции и меньше времени остается на произнесение гласного. Если же гласный ненижнего подъема имеет фонологическую длительность, то за большее время челюсть и масса языка успевают подняться выше к нёбу, следовательно, более долгий гласный ненижнего подъема имеет не совсем такие же артикуляционные и акустические характеристики, какие имеет соответствующий краткий гласный: он несколько более закрыт³¹.

²⁸ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 241—275.

²⁹ И. А. Батманов. Фонетическая система..., стр. 76.

³⁰ Там же, стр. 34.

³¹ Глубокий анализ указанных закономерностей изложен в книгах С. Рогозина, ни разу не переиздававшихся и поэтому незаслуженно забытых. См., например: О звуковых изменениях речи в зависимости от органов произношения. Сенгилен, 1925.

Отмеченная закономерность экспериментально доказана на материале многих индоевропейских языков³², венгерского языка³³. Об этом же говорит известный специалист по экспериментальной фонетике тюркских языков У. Ш. Байчур³⁴.

Правда, при описании конкретных финно-угорских и тюркских языков этот факт обычно не учитывается. Даже, наоборот, нередко специально подчеркивается, что соответствующие краткие и долгие гласные произносятся при одинаковом укладе органов артикуляции³⁵. В частности, так же охарактеризовано произношение и киргизских гласных³⁶. Однако данные рентгенографического и акустического анализа при этом, естественно, не приводятся. Когда же такие экспериментальные исследования предпринимаются, то обнаруживается, что гласные ненижнего подъема в долгих вариантах действительно являются более закрытыми, чем соответствующие краткие гласные. Подобное явление совсем недавно было обнаружено в якутском языке, одном из наиболее близких к киргизскому по особенностям вокализма. Рентгенографический анализ, проведенный Н. Д. Дьячковским, показал, что вопреки привычному мнению проявляется четкое различие в положении органов артикуляции при произнесении долгих и кратких якутских гласных³⁷. И, наконец, такие же результаты получены Т. А. Ахматовым при непосредственном экспериментальном анализе киргизского вокализма³⁸. Учет функциональной роли основных различительных признаков тюркских фонем и зависимости степени противопоставленности гласных по этим признакам от длительности гласного позволяет сделать ряд выводов, важных для понимания особенностей киргизского и вообще тюркского вокализма и, в частности, выявить причины нарушений симметрии киргизского вокализма, сформулированных ранее.

В тюркских языках существует тенденция избегать слишком узкой артикуляции гласных верхнего подъема, так как это приводит к перемещению узких гласных вверх по раструбу пирамиды, что может вызвать чрезмерное увеличение артикуляционно-акустического расстояния между ними и, следовательно, утрату возможности быть близкородственными сингармоническими вариантами. А так как удлинение гласных приводит к увеличению уровня их подъема, то общетюркской тенденцией должно быть противодействие развитию долготы гласных. Подавляющее большинство тюркских языков действительно не использует признак долготы в системе гласных фонем³⁹. Но в тех языках, где долгота все-таки развивается, наибольшее противодействие ее распространению должно проявиться в гласных И—Ы. Причины этого, после всего сказанного, легко понять. Увеличение уровня подъема Ы, которое связано с появлением долготы, артикуляционно наиболее затруднено. На гласный И не наложено таких ограничений, но если он удлинится и сузится, то между И и Ы возникнет слишком большое различие по уровню подъема: Ы «оторвется» от своего сингармонического противочлена, и нарушится важнейшая закономерность тюркского вокализма — палатальная гармония,

³² О. И. Никонова. Фонетика немецкого языка. М., 1948, стр. 30—40.

³³ К. Е. Майтинская. Венгерский язык (фонетика и морфология). М., 1955, стр. 61.

³⁴ У. Ш. Байчур. Звуковой строй татарского языка, ч. I. Казань, 1959, стр. 44.

³⁵ См., напр.: P. Ariste. Hiin Murrle Häälikud. Tartu, 1939.

³⁶ И. А. Батманов. Указ. соч.

³⁷ Н. Д. Дьячковский. Долгие и краткие формы гласных якутского языка. «Труды Института языка, литературы и истории». Вып. 4(9), Якутск, 1963, стр. 23—40.

³⁸ Т. А. Ахматов. Звуковой строй современного киргизского литературного языка (экспериментально-фонетические исследования), ч. I. Фрунзе, 1968, стр. 41—42.

³⁹ См., напр.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. М., 1955.

а И станет сингармонически нейтральным гласным. Чтобы этого не произошло, в киргизском языке противопоставление по длительности на гласные И—Ы не распространялось.

Таким образом, получен прямой ответ на вопрос о причине отсутствия долгих И—Ы в киргизском языке.

В якутском же, несмотря на действие указанных факторов, долгие И—Ы развились. Но, как показывают данные якутской диалектологии, именно в паре ЫЫ—ИИ наблюдается нейтрализация сингармонического противопоставления, и в речи выступает только долгий ИИ в словах и переднего и заднего ряда⁴⁰.

В других урало-алтайских языках, например в монгольском, венгерском, финском, где фонематическая долгота распространилась на Ы—И, в результате остался только нейтральный И, и даже долгий (и следовательно, закрытый) Е, наиболее близкий к И, превращается в нейтральный⁴¹.

На рис. 8 приведена пирамидальная модель киргизских гласных, на которой учтено изменение артикуляционно-акустических расстояний между гласными в зависимости от их длительности⁴².

Из рассмотрения пирамидальной модели видно, что если развиваются долгие УУ—ҮҮ, то и они, становясь более закрытыми, чем краткие У—Ү, оказываются на слишком далеком расстоянии от плоскости неогубленных узких гласных и перестают восприниматься как родственные этим гласным, поэтому могут выступать лишь как самостоятельная пара, огубленная независимо от наличия огубленности гласного в предшествующем слове. Таким образом, если пара кратких У—Ү является парой узких гласных, то гласные пары УУ—ҮҮ следует называть сверхузкими. Причем в тех тюркских языках, где, как в южных киргизских диалектах, процесс образования долгих УУ остановился на стадии дифтонгов УҮ—ҮҮ, первый компонент все равно является сверхузким, более

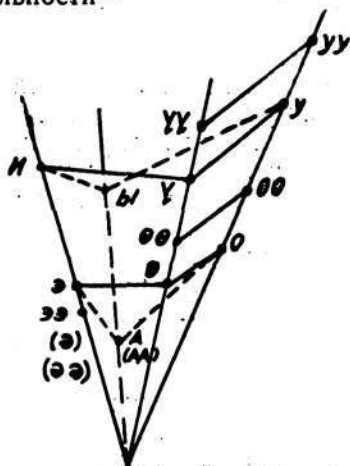

Рис. 8. Пирамидальная модель системы киргизских гласных

долгим, и поведение аффиксов с такими гласными не только в киргизском, но и в татарском, башкирском, азербайджанском и многих других тюркских языках совершенно аналогично: аффиксы являются независимо огубленными. Фактически здесь речь идет о развитии новых сверхузких фонем, но самостоятельными фонемами они пока что не признаются лингвистами⁴³.

Итак, вопрос о нарушении симметрии узкими киргизскими аффиксами типа -ЛУУ/-ЛУҮ тоже ясен: они ведут себя необычным образом по-

⁴⁰ М. С. Воронкин. Фонетические особенности говора енисейских якутов. Сб.: «Доклады XIV научной сессии» (АН СССР, Сиб. отд., Якутский филиал). Якутск, 1964.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Г. П. Мельников. Анализ особенностей вокализма монгольских языков; его же. Объемные геометрические модели...

⁴² К сожалению, в нашем распоряжении нет специальных экспериментальных исследований по количественному сравнению подъема и ряда долгих и кратких киргизских гласных. В частности, нет этих данных в указ. соч. Т. А. Ахматова. Поэтому размещение гласных на пирамидальной модели производилось на основании косвенных указаний. Хотелось бы надеяться, что киргизские гласные будут вскоре подвергнуты рентгенографическому и спектральному анализу и с этих позиций.

⁴³ Этот вопрос специально рассмотрен в работе: Г. П. Мельников. Фонетические особенности и орфография тюркского аффикса имени действия У/Ү.

Тому, что это не обычные узкие, а сверхузкие аффиксы. Точно также аффиксы собирательных числительных, например типа -ОО/-ӨӨ, содержат долгие и, следовательно, более узкие гласные, чем краткие О—Ө, а поскольку, как отмечалось, наиболее широкие гласные А и Э ведут себя при увеличении длительности не совсем так, как гласные ненижнего подъема: они более открыты, чем соответствующие краткие⁴⁴, то для долгих -ОО/-ӨӨ не находится неогубленной сингармонической пары, и они остаются независимо огубленными.

Таким образом, становится ясно, почему симметрия киргизского вокализма нарушается в основном в пределах долгих гласных УУ—ҮҮ и ОО—ӨӨ. Теперь нетрудно ответить и на вопрос, почему киргизский аффикс имени действия представлен и узкими (УУ—ҮҮ), и широкими (ОО—ӨӨ) гласными. Под сингармоническими вариантами аффиксов понимаются такие их разновидности, которые, несмотря на различие в огласовке (а также и в звучании некоторых согласных), в семантическом отношении тождественны. В этом смысле — УУ/-ҮҮ и -ОО/-ӨӨ — различные аффиксы, хотя и являются оба средством оформления имен действия. -ОО/-ӨӨ, как известно, появляется только тогда, когда основа глагола оканчивается на А—Е. Добавление аффикса -УУ/-ҮҮ к этим гласным должно было бы дать АУУ или ЕҮҮ, но такие сочетания в киргизском давно превратились в -ОО и -ӨӨ. Таким образом, превращение аффикса имени действия -УУ/-ҮҮ в аффикс более широкий -ОО/-ӨӨ необходимо для сохранения информации о том, что в этом аффиксе растворился широкий гласный основы глагола, в результате чего появился аффикс с новым значением.

Общая тенденция к ограничению использования гласных -О/-Ө в аффиксах тюркских языков уже была объяснена с помощью анализа свойств пирамидальной модели гласных. Остается ответить на вопрос: почему эта тенденция наиболее заметно проявляется в словах заднего ряда, тогда как в словах переднего ряда губная гармония более устойчива?⁴⁵

Нарушения фонологических закономерностей происходят лишь в том случае, если соблюдение этих закономерностей либо потеряло функциональное значение, либо трудно в артикуляционном отношении. Следовательно, в противоречии между стремлением к системным отношениям и к артикуляционным удобствам отступления от системности могут возникнуть в первую очередь в том звене, где в результате этого отступления артикуляционный выигрыш будет максимальным. Рассмотрим с этих позиций различие между поведением органов артикуляции при огласовке широких аффиксов в случае слов заднего и переднего ряда.

Если бы губная гармония в широком аффиксе не соблюдалась после О, то для произнесения гласного Э в этом аффиксе требовалось бы расслабление огубляющих мышц. Для произнесения А после О необходимо было бы, кроме того, и некоторое расслабление мышц, задающих уровень подъема гласного, так как А шире О. Сохранение губной гармонии после Ө и О не требует таких «переключений артикуляционных регистров».

Если предыдущий слог содержит гласный Ү или У, смена уровня подъема широких аффиксов принципиально необходима. При соблюдении закона губной гармонии после Ү органы артикуляции могут просто «отменить» подъем и, раскрывшись до предела, занимают позицию Ө. Нарушение губной гармонии после Ү требует, кроме того, и команды на снятие огубленности.

⁴⁴ Указ. соч., стр. 42.

⁴⁵ В. А. Богородицкий. Указ. соч.; Г. П. Мельников. Некоторые способы описания и анализа...

Но когда широкий аффикс оказывается в позиции после У, то необходимое расслабление органов артикуляции по направлению подъема, при сохранении огубленности, не может быть основано на простой команде переключения уровня подъема на предельно широкий среди гласных заднего ряда. При расширении рта из позиции У необходимо было бы затормозить органы артикуляции на полпути на уровне О, что связано с дополнительными затратами усилий. Следовательно, соблюдение губной гармонии широких аффиксов после У — наиболее неблагоприятно, трудно в артикуляционном отношении, поэтому ни один из тюркских языков, в том числе и киргизский, не может преодолеть этого препятствия и жертвует системностью сингармонических отношений ради артикуляционной «экономии»⁴⁶. В якутском языке, где переднерядный широкий неогубленный шире, чем киргизский Э, широкие аффиксы не огубляются и после У, а большинство тюркских языков вообще не использует огубленные варианты широких аффиксов⁴⁷.

Из вышеизложенного следует также, что поскольку долгие гласные более закрыты, чем соответствующие краткие, то в некотором отношении долгие гласные должны вести себя подобно тому, как ведут себя гласные следующей ступени подъема. По нарастанию уровня подъема задние огубленные гласные расположены на модели (рис. 8) следующим образом: О, ОО, У, УУ. Так как для У, по выясненным причинам, характерным является то, что после него не огубляются широкие гласные, — после более закрытого УУ эта закономерность должна соблюдаться еще более последовательно. Как известно, в киргизском языке дело обстоит именно таким образом. Но из приведенного анализа вытекает еще одно предположение: поскольку ОО приближается по уровню подъема к У, то и после ОО может наблюдаться отсутствие огубления широких аффиксов, т. е. вместо «тоодо», например, должно произноситься «тоода». После ЭЭ огубленность должна сохраняться, так как она соблюдается даже для более закрытого У, т. е. вместо «төөдө» не должно встречаться «төөде». Действительно, изложенные предположения подтверждаются фактами киргизского разговорного языка, о чем свидетельствуют данные, приводимые И. А. Батмановым⁴⁸.

Рассмотрение пирамидальной модели тюркского вокализма позволяет затронуть причины еще одного нарушения симметрии в киргизской системе гласных. Речь пойдет о возникновении самого широкого переднерядного гласного Э, не укладывающегося в кубическую модель гласных. Поскольку это явление присуще только южным диалектам киргизского языка и не встречается в литературном языке и в его северных диалектах⁴⁹, то в перечне асимметрий киргизского вокализма оно не упоминалось.

Как известно, в вопросе о возникновении киргизского Э мнения ученых расходятся. И. А. Батманов и многие его последователи склонны считать, что Э в южных киргизских диалектах развивается под непосредственным влиянием узбекского языка, тогда как другая часть киргизских лингвистов разделяет точку зрения К. К. Юдахина о том, что

⁴⁶ Этот переход гласного У с полуширокого О до предельно широкого А был назван ранее «динамическим расширением». См.: Г. П. Мельников. Некоторые способы описания и анализа..., стр. 45.

⁴⁷ Большая степень раствора широких якутских гласных по сравнению с киргизскими отмечена в работе: Ф. Г. Исханов. Общая характеристика тюркского вокализма. В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фonetика. М., 1955.

⁴⁸ И. А. Батманов. Современный киргизский язык, 1963, стр. 72.

⁴⁹ Там же, стр. 23. См. также авторефераты кандидатских диссертаций: М. Турджанова. Тулекенский говор киргизского языка. Фрунзе, 1959; Г. Бакинова. Киргизский говор Октябрьского района. Фрунзе, 1953; Э. Абдулаев. Читкальский говор киргизского языка. Фрунзе, 1957.

гласный Э в киргизских диалектах мог развиваться самостоятельно. Не исключено также, что здесь мы имеем дело не с развитием, а с сохранением более древнего противопоставления Э—Е.

Если использовать при решении этой проблемы пирамидальную модель тюркского вокализма, то можно сделать следующие выводы о свойствах и природе гласного Э. Поскольку признак подъема гласных используется в тюркских языках как смысловозначительный, то желательно, чтобы сингармонические варианты гласных имели по возможности одинаковый уровень подъема. Если это условие более или менее выполнимо для узких гласных И, Ы, У, Ү, то в области широких гласных этому препятствует «теснота» артикуляционно-акустического пространства в направлении вниз к вершине пирамиды. Поэтому если бы все широкие гласные имели одинаковый уровень подъема, артикуляционно-акустические расстояния между ними были бы слишком малы. Для увеличения расстояния между огубленными и неогубленными широкими гласными, как уже отмечалось, О и Ө смещены несколько вверх. Но в результате этого они становятся менее надежными звуками для смыслового противопоставления и в аффиксах часто вообще не употребляются (либо употребляются с ограничениями, как в киргизском языке). Следовательно, возрастает функциональная нагрузка на неогубленную пару А—Э как на основных представителей широких сингармонических аффиксальных гласных. Поэтому в выборе сингармонического противочлена для А в тюркских языках в целом, и в каждом языке в частности, начинают браться две противоположные тенденции. С одной стороны, лучше, если мягкий широкий неогубленный гласный будет на достаточном расстоянии от А. Но тогда этот гласный типа Е и гласный А имеют различные уровни подъема, а смысловая противопоставленность между мягким широким Е и мягким узким гласным И акустически оказывается выраженной слабее. Если же мягкий неогубленный стремится к уровню подъема гласного А, т. е. становится гласным типа Э, то тем самым надежнее оказывается противопоставление между Э и И, однако артикуляционно-акустическое расстояние между А и Э уменьшается, акустически их противопоставленность оказывается выраженной слабее. Поэтому становится возможным переход из одного сингармонического ряда в другой. Именно эти процессы и наблюдаются в южных киргизских диалектах, где существует самый широкий мягкий неогубленный Э⁵⁰. И в других тюркских языках наблюдаются колебания между Е и Э. Хотя в турецком, например, имеется единственная переднерядная широкая фонема Е, однако в различных позициях ее реализация колеблется от Е до Э, а в ближайшем родственном ему языке — азербайджанском — в аффиксах используется только Э, а Е закрепилось (или сохранилось) лишь в корнях отдельных слов⁵¹.

Таким образом, можно сделать заключение, что еще один пример нарушения симметричности киргизского вокализма — появление в диалектах гласного Э; наряду с общекиргизским Э, объясняется внутренними возможностями киргизской системы гласных, а соседство узбекского языка могло лишь несколько активизировать этот процесс возникновения или сохранения гласного Э. Этот вывод полностью согласуется с точкой зрения К. К. Юдакина.

Итак, системный подход, основанный на постоянном учете как функциональной роли основных закономерностей в области системы киргизских гласных, так и физических возможностей для реализации этих закономерностей, а также использование новой геометрической методики

⁵⁰ Г. Бакинова. Указ. соч., стр. 7.

⁵¹ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 23; Ф. А. Кязимов. Азербайджанские гласные в сравнении с английскими. 1954. (Канд. диссерт.).

для наглядного представления отношений между звуковыми элементами языка позволяют с некоторых единых позиций рассмотреть и понять тенденции киргизского (и вообще — тюркского) вокализма к симметрии и выявить причины нарушения симметричности. Легкость четкого выделения тех явлений, которые следует считать нарушением симметрии, объясняется тем, что тенденции к симметричности, стройности и, как говорил Бодуэн де Куртенэ, к «трезвости» системы в вокализме киргизского языка оказываются явно преобладающими. Поэтому анализ явлений асимметрии (как практически анализ любого грамматического явления в тюркских языках), наполняет конкретным материальным содержанием такие весьма абстрактные теоретические понятия, как принцип экономии при формировании фонологических систем, давление системы, связь между различными ярусами языка. Без этого невозможно ни углубление теории, ни решение многих практических задач, которые постоянно встают перед языковедами. Одной из таких задач современности является проблема создания автоматов для распознавания человеческой речи. Нет сомнения, что практически эта проблема может быть решена в первую очередь не для русского, например, языка, с его необъясненными и пока не поддающимися дискретному описанию законами редукации гласных, а для такого языка, как киргизский, в котором даже отступления от закономерностей подчиняются строгим и ясным законам.

КОНВЕРСИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

О конверсии среди тюркологов существуют самые разные мнения. Одни считают конверсию функциональным явлением грамматического порядка, не затрагивающим ни исконной категориальной принадлежности слова, ни его тождества. Другие усматривают в ней рудиментарное проявление былого синкретизма тюркских корневых морфем, оставившее незначительное число омонимов и идущее на убыль. Видя несогласованность упомянутых точек зрения как между собой, так и с действительными размерами и характером конверсии, наблюдаемой в современных тюркских языках, Н. К. Дмитриев квалифицирует конверсию как регулярное явление перехода одной части речи в другую, при котором возникают двоякофункциональные слова типа прилагательно-существительных, существительно-прилагательных и т. п., но, как и сторонники первой точки зрения, он такой гибрид относит только к какой-либо одной из этих двух частей речи, исходя исключительно из его этимологии, хотя формально и ссылается при этом на учет его значения или функций¹.

Начиная с 50-х годов некоторые грамматисты характеризуют конверсию как спонтанную лексико-грамматическую омонимию. Многие признают это, частично разделяя в то же время какое-либо из противоположных воззрений. Чаще всего грамматисты по возможности стараются не затрагивать этого трудного и насущного вопроса, чего никак не могут себе позволить лексикографы, перед которыми он встает в их работе на каждом шагу и которые за отсутствием каких бы то ни было ясных теоретических установок вынуждены решать его по своему усмотрению в соответствии с какой-либо из приведенных точек зрения.

Беда в том, что исследователи не обременяют себя критической оценкой ни существующих противоречивых воззрений по данному вопросу, ни накопленных фактических материалов, содержащихся в грамматических описаниях и особенно словарях, ни отражения предлагаемых ими теорий в словарях, а довольствуются лишь убежденностью в правоте своего понимания конверсии, которая предоставляет действительно широкие возможности для постулирования далеко идущих обобщений, если пользоваться выборочным материалом, подтверждающим только данную теорию, сознательно или произвольно игнорируя остальной материал или его часть, идущую с выдвигаемым постулатом вразрез. Отсутствие единства в понимании вопроса усугубляется, кроме того, противоречивым осмысливанием одним и тем же исследователем сходных по своему существу явлений, подлежащих лингвистической квалификации под еди-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.

ным углом зрения. Например, все тюркологи, расценивающие конверсию как функциональное явление, не нарушающее тождества лексической единицы, а то и исконной категориальной принадлежности слова, характеризуют так называемые служебные имена, отчасти и служебные глаголы, обычно как омонимы к соответствующим знаменательным словам, хотя для этого и нет достаточных оснований; те грамматисты, которые квалифицируют результаты конверсии как омонимию, оставляют неясным вопрос об остальных случаях конверсии, где не может быть и речи об омонимии; лексикографы, признавая омонимию, возникающую на почве полисемии, нередко принципиально отрицают возможность нарушения тождества слова при конверсии. Признание качественного преобразования слова под воздействием его функций в одних случаях и отрицание этого в аналогичных других случаях при отсутствии единства мнений как по частным аспектам проблемы, так и в целом, а также при недостаточной обоснованности этих разнородных мнений и разрозненных решений приводит к невообразимому разнобою в лексикографировании и грамматическом описании огромного слоя лексики.

При данном состоянии осмысления конверсии остается спорным даже вопрос о принципиальной возможности слова функционировать на равных началах в рядах двух или трех частей речи одновременно, не говоря уже о его тождестве как лексической единицы и о грамматической или же словообразовательной сущности самого явления конверсии.

Некоторые грамматисты это широко распространенное в тюркских языках явление сводят к полифункциональности данной части речи, произвольно ревизуя и расширяя состав ее функций за счет состава функций полифункционального слова, которое они относят к данной части речи, исходя исключительно из его этимологии, а то и из субъективных соображений.

В целом конверсия чаще всего рассматривается как грамматическое явление, т. е. как регулярное использование слов в ряду двух или трех частей речи, безотносительно к его лексико-грамматическому тождеству.

И первое, и второе решение фактически опирается на этимологическое тождество слова. Этот подход, между тем, практически пригоден для решения данного вопроса лишь применительно к части полифункциональных слов, поддающихся этимологизации. Установление этимологического тождества остальных полифункциональных слов и определение на этом основании былой их принадлежности только к одной части речи нередко превращается в самостоятельную задачу, которую за отсутствием надежных данных очень часто невозможно решить однозначно. Главное — критерий этимологического тождества слова в оценке его современной двоякой природы неприемлем принципиально. Не только этимология слова, но и вся его история, нередко даже ближайшее его прошлое, вовсе необязательно обуславливают его современную природу, хотя обычно предопределяют ее (ср. башк. кујук «косой» (наклонный по отношению к чему-либо) и кујук «крыша» (наклонная к вертикали в виде сруба и т. п.), где этимологическое тождество очевидно, и тем не менее оно не имеет никакого отношения к современной его природе, к его бытованию в рядах существительных). Иначе и немислимо возникновение и формирование каких бы то ни было семасиологических инноваций, которые так или иначе мотивируются генетическими признаками значащей единицы, но возникают и формируются исключительно благодаря условиям новой реализации этой значащей единицы, в нашем случае благодаря принципиально новому словоупотреблению, противоречащему категориальным свойствам данного слова. Употребление слова по новому назначению в принципиально новой синтаксической позиции не является самоцелью и произвольным актом, если оно, конечно, не

вызвано незнанием правил словоупотребления. Им для того и пользуются, чтобы выразить потенциально возможное, ранее не фиксировавшееся знание слова, отличное от обычных его значений, связанных с иными условиями функционирования этого слова. А этим целям словоупотребление может служить лишь при условии, если оно исключает возможность привычного осмысливания данного слова, если оно надежно изолирует вновь обозначаемое или обновленное значение этого слова от всех остальных его значений, в том числе и этимологических. Такую изоляцию обеспечивает здесь целый ряд средств, из которых главную роль играет сама новая функция слова. Синтаксическая позиция, в которой выступает данное слово вопреки своим исконным категориальным свойствам, предполагает иные категориальные свойства, которыми обладают слова, используемые в этой позиции, в полном соответствии со стабильными нормами. Противоречие между новым словоупотреблением и привычными синтаксическими функциями слова выравнивается по аналогии с теми словами, которые выступают в этой позиции регулярно. Так, согласно нормам башкирского словоупотребления обстоятельство образа действия может быть выражено либо наречием, либо деепричастием, либо соответствующей формой существительного. И, естественно, прилагательное здесь воспринимается как их аналог, в частности как аналог наречия (а не деепричастия или существительного, поскольку последние два разряда слов в этой позиции не могут быть морфологически неформальными). И если слово в этой своей новой функции употребляется столь же регулярно, что и в исконном своем назначении, то это приводит обычно к закреплению этой функции за данным словом вопреки его этимологическим данным. Употребляясь в своем новом значении регулярно, слово отрывается от своих прежних функций и значений, сохранившихся в нем, от прежних связей с другими словами, и постепенно приобретает новые конструктивные связи, не совместимые с прежними и характеризующие по нормам данного языка совершенно иной класс слов, чем тот, к которому оно принадлежит по происхождению. По мере стабилизации своих связей слово в новых условиях функционирования соотносится с тем кругом слов, которые здесь выступают на «законном» основании уже не как некий их аналог, а как равноправное с ними слово, обладающее одинаковыми с ними основаниями для использования по определенному синтаксическому назначению при различии лишь индивидуального лексического значения и зависящей от него сочетаемости с другими словами. Затем идет синтаксическое освоение этого слова в остальных позициях, закрепленных за данной частью речи. Соответственно происходит и морфологическое его освоение, зависящее от условий данной позиции, примером чего может служить формообразование имен существительных, возникающих по конверсии от прилагательных. По мере синтаксического освоения слова происходит и морфологическое его освоение, не зависящее от синтаксиса. Так, башк. *кајпаг* «горячий», восходящее к причастию, в отличие от исходного слова, выступает как прилагательное в обеих возможных для этой части речи позициях и обладает к тому же формой интенсива, свойственной этой части речи и не закрепленной синтаксически: ср. башк. *кајпагугак* «горячее».

Одновременно с адаптацией грамматических свойств слова происходит приравнивание и лексического его значения к новым условиям реализации. Оно тоже протекает под давлением синтаксических норм, но зависит от собственных семантических потенций слова и носит поэтому самый различный характер. В приведенном примере *кајпаг* лексическая адаптация минимальна, можно сказать, что слово реализует свое собственное лексическое значение, не нарушая семантического единства. И тем не менее эту явственную смысловую связь условия реализации заслоняют настолько, что она попросту игнорируется, и по нормам башкирского

языка кајпаг в обеих своих функциях осмысливается отдельно. Даже такая очевидная сильная связь не может противостоять их разрыву под давлением грамматических норм. Еще более наглядно прослеживается такой разрыв в многочисленных случаях, когда производное образование имеет с исходным более отдаленную смысловую связь: ср. башк. кага «черный» и кага «чернила», которые по всем данным, исключая лишь звуковое тождество, грамматически и лексически отграничены друг от друга таким образом, что могут выступать в двух разных качествах; даже находясь рядом, в одной и той же атрибутивной конструкции: ср. башк. кага кага «черные чернила», где они, имея одну и ту же фонетическую структуру, однозначно осмысливаются независимо друг от друга; исключительно благодаря своим функциям. Ничто, кроме функций, формально выраженных местоположением этих слов, не указывает нам на то, что первое из них прилагательное, а второе существительное.

Функции слова играют насущно важную роль в его осмысливании вообще, в осмысливании его категориальной принадлежности в особенности. Подобно тому, как в выявлении и трактовке синтаксически обусловленных и закрепленных лексических значений многозначного слова основным мерилom служит контекст, в котором проявляются эти лексические значения и по которому можно их контролировать, синтаксические функции слова являются если не гарантией против превратного осмысливания его категориальной принадлежности, то во всяком случае одним из существенных формальных признаков, обуславливающих его вхождение в состав той или иной части речи, или препятствующих этому. Употребление одной части речи в роли другой, представляющее собой поначалу функциональное явление, один из типов нового словоупотребления, по мере своего вхождения в обиход и стабилизации перерастает в процесс синтаксического освоения слова с последующим его переходом в данную часть речи. Переход начинается именно с его синтаксического освоения, которое сопровождается и лексико-морфологическим освоением, завершающим этот процесс. У нас нет никаких оснований считать полифункциональное слово одной и той же частью речи, если оно в каждой из своих функций полностью освоено синтаксически и морфологически в соответствии с общепринятыми нормами распределения слов по частям речи, если слово в каждой из своих функций на равных началах регулярно выступает в рядах двух различных частей речи, пользуясь на общих основаниях синтаксическими позициями, конструктивными свойствами и формами, закрепленными за данными двумя частями речи.

Принципиальный спор по данному вопросу уместен поэтому лишь постольку, поскольку оспоримо само выделение частей речи и их синтаксических и морфологических признаков. Деление тюркской лексики по частям речи и морфологическое различие знаменательных частей речи ныне сомнений не вызывает. Этого нельзя сказать о закрепленности синтаксических функций за определенными частями речи. Под синтаксическими функциями среди тюркологов принято понимать употребление слова в качестве того или иного члена предложения. В связи с этим распространено мнение, что тюркские части речи синтаксически полифункциональны и что их синтаксические характеристики поэтому непригодны для определения категориальной принадлежности слова.

Синтаксическая полифункциональность частей речи даже в этом упрощенном понимании синтаксической функции слова занимает на самом деле гораздо менее значительное место, чем это представляют себе многие грамматисты, произвольно пересматривая распределение функций между частями речи или имея в виду полифункциональные слова. Вопреки распространенному мнению прилагательное, например, ни в одной позиции члена предложения не совпадает с наречием. В позиции опре-

Деления прилагательной совпадает с существительным, но последовательно отличается от него по своим конструктивным свойствам (см. об этом ниже), не говоря уже о факультативной специфике морфологического оформления этих двух частей речи в данной позиции. В позиции сказуемого совпадают глагол (который однозначно охарактеризован морфологически и обладает специфическими конструктивными признаками, — факультативно пользуется дополнением и обстоятельством), прилагательное и существительное (которые здесь действительно могут не иметь формальных различительных признаков и которые, однако, в других позициях четко ограничены друг от друга как семасиологически, так и морфологически, а также и по конструктивным своим признакам). В позиции обстоятельства совпадают наречия, деепричастия и существительные, которые, однако, последовательно отличаются здесь друг от друга по своему морфологическому оформлению. Синтаксические функции слова далеко не исчерпываются его использованием в качестве члена предложения, а представляют собой сложную систему его взаимодействия с другими словами на грамматических началах, включая морфологию, закрепленную синтаксически, а также позиционную групповую морфологическую детерминацию и синтаксическую интонацию. Синтаксическая функция слова — это, помимо всего, отношение его как члена предложения с другими членами предложения, взаимодействующими с ним по местоположению, морфологическому оформлению и конструктивным свойствам в соответствии с действующими нормами словосочетания. Если исходить из такого понимания синтаксической функции слова или, говоря о ней, иметь в виду по крайней мере его конструктивные свойства, то нельзя не заметить, что она является едва ли не основным универсальным формальным признаком отнесения слова к той или иной части речи, тем более, что категориальная принадлежность слова генетически производна от его синтаксических функций, как это совершенно справедливо утверждает Н. А. Баскаков, прослеживающий это на обширном убедительном материале².

Поскольку невозможно отрицать ни деления лексики на части речи без остатка, ни закрепленности за частями речи синтаксических функций и форм слова, нельзя, очевидно, отказать полифункциональным словам в их принадлежности к двум или более частям речи одновременно, если они обладают их синтаксическими и морфологическими признаками.

На том же основании едва ли правомерно считать полифункциональное слово, освоенное синтаксически и морфологически, одной и той же лексической единицей, если оно вдобавок обладает следующими двумя признаками:

1. В каждой из своих функций проявляет различные лексические значения: ср. башк. *kaısu* „против, напротив, наперекор кому-чему“: *kaısu* „противный, встречный“; *sit* „чужой, чуждый“: *sit* „край, сторона, чужбина“; *Janu* „свежий, новый“: *Janu* „только что“; *Jaı* „удобный момент, удобный случай, лад, подход“: *Jaı* „медленный, неторопливый, медлительный, тихий“; *asuk* „открытый, отворенный, раскрытый, открытый (о замке), внятный, отчетливый, ясный, яркий, гласный, доступный“: *asuk* „внятно, отчетливо, ясно, ярко“; *alama* „плохой, дурной, изорванный, рваный, изодранный“: *alama* „плохо“; *auug* „тяжелый (по весу), трудный, тяжелый (перен.)“: *auug* „тяжело, трудно (перен.)“; *baıka* „иной, прочий“: *baıka* „порознь, раздельно“; *eıel* „легкий (по весу), легкий, нетрудный (по сложности)“: *eıel* „легко, нетрудно, просто“; *ıus* „часто, нередко“: *ıus* „частый, густой, плотный“; *ıg'ep* „просторный, привольный, свободный“: *ıg'ep* „просторно, свободно,

² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II; Фонетика и морфология, часть I. М., 1952, стр. 173, 216 и др.

вольно, обеспеченно, состоятельно“; tar „тесный, узкий“: tar „тесно, узко (перен.), мало, недостаточно“; sār „быстро“: sār „быстрый, беглый, хороший, замечательный“, juḡ „дешевый, недорогой“: juḡ „средство, способ, способность, толк“ и т. п.³

2. Все рассмотренные общие и частные факторы, свидетельствующие о словообразовательной сущности конверсии и способствующие разделению осмысливанию конвертированного слова и его постепенному отходу от прежней своей семасиологической и грамматической системы и закреплению в составе другой части речи в качестве стабильной самостоятельной лексической единицы, — так или иначе действуют в совокупности и в соответствии с нормами языка, регулирующими этот процесс с самого его начала до завершения. Нет конверсии как словообразовательного процесса вне реальных норм языка. Каждое ее частное проявление и признание за таковое есть прежде всего история превращения этого процесса в социальное осознанное действие, история его принятия или отклонения действующими языковыми нормами. Даже самое возникновение конверсии как словообразовательного процесса и каждого частного ее проявления в конечном итоге регламентируется существующим режимом использования соответствующих языковых единиц, нормами, а завершение частного ее проявления вообще немислимо вне вмешательства норм языка. В. В. Виноградов справедливо считал социальную осознанность акта перехода слова из одной части речи в другую, его канонизацию нормами языка одним из основных признаков омонимии⁴. Быть может, именно потому, что это разумеется само собой, специалисты, говоря о конверсии, впрочем, равно как и о собственно лексической омонимии, основанной на полисемии, обычно упускают из виду этот существенный фактор⁵, представляющий собой едва ли не основное мерило омонимии как следствия становления, формирования и развития новой семасиологической системы во главе с новым значением слова и ее постепенного размежевания, отрыва от его, слова, прежней семасиологической системы, как следствия этой причины, которую почему-то принято считать за следствие. Если к тому же учесть, что нормы языка объективны и, как это показывают отдельные исследователи, поддаются даже формализации, то необходимость их учета при решении вопросов конверсии и связанного с ней разрушения тождества слова, как и собственно лексической омонимии, можно надеяться, станет очевидной. При условии учета норм языка постановка и решение этой сложной проблематики приобретает, как кажется, более прочную и здравую основу. Остальные выявленные и общеизвестные признаки собственно лексической

³ Трансформация одной части в другую касается обычно многозначных слов. Редко бывает так, чтобы такое слово перешло из одной части речи в другую во всех своих лексических значениях. Оно обычно обратимо в одном из своих лексических значений в лучшем случае в части своих значений: ср. башк. tōr 1) пень, пенек, корень дерева, 2) дно, донышко, 3) перен. корень, основа, база: tōr «основной, главный». Поэтому с самого начала раздвоения его функции устанавливается разница в составе лексических значений, которая по мере дальнейшего развития последних в каждом из функций слова все более возрастает. И если развившиеся значения не имеют между собой тесной связи, то слово в каждом из этих значений может иметь раздельное осмысливание, создающее предпосылки для последующего его раздвоения: ср. башк. kük «небо»: kük «синий, голубой»: [kük «сивый» (о масти лошади)], где между вторичным и третичным значениями наблюдается даже больший разрыв, чем между первыми двумя значениями.

⁴ В. В. Виноградов. О грамматической омонимии. «Русский язык в школе», М., 1940, № 1, стр. 11 и сл.

⁵ Показателен тот факт, что попытки А. П. Евгеньевой и А. А. Реформатского обратить внимание исследователей на эту сторону проблемы омонимии остались фактически незамеченными (см. их выступления на специальной дискуссии по омонимии. «Материалы дискуссии по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР». «Лексикографический сборник». М., 1960, вып. IV, стр. 86, 90, 92).

омонимии, при всей их важности, отражают в сущности либо предварительную причину возникновения омонимии (в частности, смысловой разрыв между развившимися лексическими значениями вследствие их вхождения в разные семасиологические системы), либо сопутствующие ей формальные данные (специфику конструктивных свойств, сочетаемости и формообразования слова в новом его значении, его способность возглавлять новое словарное гнездо и т. п.), которые вовсе необязательны при омонимии. Подобно этому и конверсия необязательно характеризуется всеми сопутствующими ей формальными признаками⁶, которые действуют в совокупности с описанными главными ее показателями. Социальная осознанность акта конверсии, его принятия как такового или отклонения нормами языка, как и предшествующее этому синтаксическое и морфологическое освоение конверсии, составляет, по-видимому, основное ее мерило. Сдвиги в собственно лексическом содержании конвертированного слова, показательные для осмысления назначения и градаций конверсии, в частности для определения соотношения этого слова с его производящей основой, едва ли относятся к числу обязательных признаков омонимии, возникающих при конверсии: ср. соотношение между башк., с одной стороны, *кайнаг* (*кайнагугак*) «горячий»: *кайнаг* — причастие от *кайна* «кипеть», с другой — *карт* «старый»: *карт* «старик, старец», ирон. «супруг, молодой человек», где при минимальной лексикализации этимологически тождественные слова, резко различающиеся и синтаксически и морфологически, по нормам этого языка представляют собой самостоятельные лексические единицы.

Таким образом, в конверсии кроется отнюдь не функциональное явление, а словообразование.

Это подтверждается, помимо всего прочего, следующими фактами: 1) если не принимать во внимание незначительное число общетюркских и межтюркских синкретичных (глагольных и именных) корневых морфем, происхождение которых остается пока неясным, конверсия не идет на убыль, как это утверждают отдельные исследователи, а наоборот, по мере обогащения словаря новыми лексическими единицами вовлекает в словообразование и заимствования и производные слова; 2) как и результаты других способов словообразования, состав конвертированных слов по языкам далеко не совпадает, а расходится все больше и больше, 3) в числе неоспоримых омонимов, засвидетельствованных и в специальных словарях омонимов, и в общих переводных тюркско-русских словарях, а также в толковых словарях тюркских языков, значительную часть составляют пары типа башк. *бид* «серый, сизый»: *бид* *уст.* «сокол»; *к'üs* «переселяться, перекочевывать»: *к'üs* «рой»; *анга* «глупый»: *анга* «глупец»; *хгот* «хром (название кожи)»: *хгот* «хромовый» (*хгот к'ип* «хромовые сапоги»), безусловно, относящиеся к сравнительно позднему периоду развития тюркских языков и имеющие между собой с точки зрения лексической мало общего; 4) как и любой способ словообразования и каждый его тип конверсия вовлекает в словообразование в качестве производящей основы лишь строго определенный разряд слов в зависи-

⁶ К их числу относятся, к примеру: 1) изоляция и постепенная лексикализация отдельных форм конвертированного значения, происходящая на общем основании развития семантики слов. (Так, от башк. *јају* «новый, свежий» изолирована его форма падежа на -дан (*јајупан*), которая бытует как полнокровное наречие с лексическим значением «снова», а от производного явно вторичного межтюркского наречия *јају* «только что, недавно», возникающего по конверсии, на общих основаниях образуется форма интенсива *јапугак* «недавно, совсем недавно», которую башкирские лексикографы с полным основанием считают самостоятельной лексической единицей); 2) наблюдаемая нередко последующая конверсия конвертированного слова: ср. башк., с одной стороны, *кага* «черный»: *кага* «черное» (сущ.), с другой — *кага* «чернила»: *кага* (*порогогу*) «чернильный» (порошок), *кага* (*тату, тару*) «чернильное» (пятно).

мости от их индивидуальных семасиологических потенций и потребности языка в лингвистическом освоении вновь возникающих понятий собственно лексическим путем, в связи с чем ни одна часть речи ни в одном из тюркских языков не может быть конвертирована сколько-нибудь широко, тем более полностью, исключая разве только ocasionальную или визуальную субстантивацию, распространенную в тюркских языках примерно так же, как и в других типах языков, если не считать несколько более частую субстантивацию причастий. Например, вопреки распространенному мнению в позиции определения в роли прилагательного может выступать далеко не всякое существительное, а лишь те из них, которые могут быть осмыслены как прилагательные, в частности имена, обозначающие материал (типа башк. *altyn* «золото», *balny* «воск», *bujala* «стекло», *kömbös* «серебро», *kuğtaş* «свинец», *sür* «сор», *dağuy* «лекарство»)⁷, названия свойства (типа башк. *tışek* «дыра», *sit* «край»), названия живых существ по свойству (типа башк. *ukuysu* «ученик», «учащийся», *bala* «детеныш», *ata* «самец», *inä* «самка», *juğta* «иноходец»), названия времен года (типа башк. *jäl* «лето», *köb* «осень», *kuş* «зима», *jad* «весна»), некоторые названия частей тела (типа башк. *baş* «голова», *ağak* «нога», *jağak* «щека»), отдельные названия действия (вроде башк. *eş* «работа») и т. п. Существительные же с ярко выраженным предметным значением (например, названия инструментов типа башк. *bysak* «нож», *byrau* «сверло», *beläü* «селок», *kajsy* «ножницы», *kamsy* «плеть», *töjgös* «пест, толкуша», *joğak* «замок», *tujuysak* «ошейник», *synjuğ* «цеп», *buğau* «кандалы, оковы», *daya* «подкова», *kuğus* «скребница», *ejäg* «седло», *şnur* «шнур», *şöğör* «шурп»), названия абстрактных понятий (типа башк. *uğ* «мысль», *xäjjä* «хитрость», *sama* «мера», *zağag* «вред») и т. п. вовсе немислимы как прилагательные.

Конверсия наречия в прилагательное, как и прилагательного в наречие, хотя она и осуществляется в более широких масштабах, чем переход существительного в прилагательное, в конечном итоге тоже зависит от семантических свойств слова. При всей семантической близости этих двух частей речи они значительно отличаются друг от друга. В силу этого основной фонд имен прилагательных, выражающих признак или свойство, соотносенный исключительно с предметом или лицом, вовсе не может быть использован в качестве производящей основы для образования наречия путем непосредственного переосмысления; таковы, например, многочисленные названия свойств лиц и предметов типа башк. *ölkäit* «старший», *kese* «младший», *pädek* «тонкий», названия цвета типа башк. *kuđul* «красный» и т. п. семантические разряды, а также морфологически характеризованные прилагательные типа башк. *äđäbi* «литературный», *demokratik* «демократический» и т. п. Точно также наречие, выражающее исключительно признак действия, никак не может быть использовано в роли прилагательного. Таковы, например, многочисленные грамматически однозначно характеризованные слова типа башк. *кугун* «косо, боком, набок», *bersä* «сразу», *beğauk* «немного, некоторое время», *bergä* «вместе», *bağa* «недавно, давеча»⁸. Периферийные разряды этих частей речи, соприкасающиеся семантически, наоборот, обладают настолько регулярной взаимной обратимостью, что мы с одинаковым основанием можем относить их и к прилагательным, и к наречиям: ср. башк. *matug* «красивый, красиво», *hiğäk* «редкий, нечастый, редко, нечасто», *pasag* «плохой, плохо», *anhat* «легкий, нетрудный, легко, нетрудно», *агуу* «неплохой, сносный, неплохо, сносно», *başkaşa* «по-другому, по-ин-

⁷ См. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 224.

⁸ О других структурных типах данного рода наречий см.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 82—83 и особенно стр. 225.

му, иной», tıyeđ «ровный, ровно», tıđ «быстро, скоро, быстрый, скорый», tıđok «исправный, исправно», hılrān «вялый, медлительный, неповоротливый, вяло, медлительно», alama «плохой, дурной, плохо», tınyz «тихий, спокойный, мирный, тихо, спокойно, мирно», кујун «трудный, затруднительный, трудно, тяжело», alyz «далеко, далекий», југак «далекий, дальний, далеко», акугун «медленно, медлительный, тихий, тихо», агдан «дешевый, недорогой, дешево, недорого», јулу «теплый, тепло», јуѕ «часто, нередко, частый, густой, плотный», јабай «простой, просто», јакун «близкий, близко», јаксу «хороший, хорошо» и мн. др.

Словообразовательную сущность конверсии отражает еще один доказательный фактор — наличие сложившихся моделей, специально предназначенных для организованной конверсии слов определенного семантического профиля. Нередко разрозненные поначалу явления единичного раздвоения и переосмысления слов, протекающие непосредственно под давлением синтаксиса, перерастают со временем в определенную тенденцию. Так, в башкирском языке спорадическое переосмысление глагольных форм на -(ы, е) ѕ перешло в свое время в сравнительно активный организованный прием создания новых имен типа atyѕ «перестрелка» (от atyѕ «перестреливаться»), beles «знакомый (сущ.)», butalyѕ «путаница, суматоха», јујулуѕ «собрание», tabyѕ «прибыль, находка, взятка (у пчел)», talas «ссора, раздор», tanyѕ «знакомый (прил. и сущ.)», известной, tartyѕ «ссора, спор», tıbes «биение (напр., сердца)», totas «сплошное, слитное, соединенное», туруѕ «прилежный, усердный», ибуѕ «состязание в беге», übes «поцелуй», hike-es «прыжок», јајулуѕ «неправильный, ошибочный» (от јајулуѕ «ошибаться, заблуждаться») и т. п. по этим моделям и ныне создаются новые имена, ср. башк. јујулуѕ «собрание» (от јујулуѕ «собираться»), ölgäs «успеваемость» (от ölgäs «достигать, успевать»), taralyѕ «распространение» (от taralyѕ «расходиться, разбредаться»), höjläs «говор, диалект» (от höjläs «разговаривать, говорить»). По единому образцу с определенным типовым значением образованы также башк.: 1) kabalan «спешный, торопливый» (от kabalan «спешить, торопиться»), јäšeren «тайный» (от јäšeren «прятаться») и т. п., 2) vojok «печальный» (от vojok «быть печальным, грустным»), кудук «интересный, забавный, удивительный» (от кудук «интересоваться, соблазняться») и т. п. Можно указать на явно осознанный организованный процесс преобразования сравнительно больших групп слов определенного профиля, например на трансформацию названий лиц по свойству, представленную в башкирском и других тюркских языках многочисленным пластом слов; ср. башк. aljot «бестолковый, глупец», алга «глупый, глупец», үärip «уродливый, урод, калека», diçana «юродивый, сумасшедший», ilak «плаксивый, плакса», iðäg «глупый, бестолковый, глупец, безумец», јомакај «угодливый, угодник, подхалим», кагун «жадный, скупой, скряга, скупец», котһоđ «жадный, алчный, ненасытный, жадина, рвач», ку-lansyk «кокетливый, кокетка», mik'gäu «глупый, пустоголовый, бестолковый, глупец», mut «хитрый, плутоватый, хитрец, плут», sibär «красивый, красавец», tađ «паршивый, паршивец», tintäk «глупый, бестолковый, глупец», һакау «картавый, косноязычный, немой», һулу «красивый, красавец», matıg «красивый, красавец», хäjläkär «хитрый, хитрец», хäšarat «мерзкий, отвратительный, гадина, мерзавец», хäjerse «нищий, попрошайка», јalkau «ленивый, лентяй», јаууđ «злой, зловерный, свирепый, злодей, изверг», јuläg «глупый, глупец, дурак» и т. п., которые в каждом из своих грамматических значений воссоздаются и воспринимаются как разные слова, отличающиеся друг от друга своей парадигмой, лексически, а также грамматически регламентированными конструктивными связями. Данная традиция имеет вполне сложившуюся частную разновидность, где явно прослеживается осознанность

словообразовательного процесса, ср. башк. *oǰathıǰ* «бесстыдный, бесстыдник», *ımanıǰ* «неверующий, дурной, жестокий», *telheǰ* «немой», *tuǰpakıǰ* «непослушный, озорной, озорник», *ǰǰǰrheǰ* «невоспитанный, дерзкий», *ıunheǰ* «бестолковый, дурной» и т. п., которые объединяются по своей словообразовательной структуре и типовым значениям «лишенные того свойства, которое названо производящей основой». Гораздо реже встречается преобразование названий свойств на *-ly* в названиях лиц по свойству, хотя их состав более обширен, чем число имен на *-ıǰ* сходного профиля. Причем регулярным двояким наполнением своего лексико-грамматического содержания обладают обычно лишь слова, словообразовательная структура которых затемнена, например башк. *ǰarly* «бедный, бедняк». В противном случае название свойства на *-ly* при «переходе» в название лица по свойству нуждается в оформлении, предопределяющим его синтаксическое назначение; например, башк. *akıllı* «умный» в значении «умник» в исходной своей форме встречается очень редко (по преимуществу в пословицах и поговорках), более или менее регулярно выступает в косвенных падежах в позиции дополнения, регулярно применяется также в позиции обращения в форме *akıllıǰı* «умница мой (моя)», т. е. это слово конструктивными признаками и морфологической изменяемостью существительного обладает лишь частично, в силу чего его принадлежность к существительному весьма спорна. На базе сходных слов ныне развивается вполне самостоятельная словообразовательная модель, вовлекающая в словообразование заимствованные производящие основы и поставляющая слова, которые за редким исключением употребляются только как названия лиц по свойству: ср. башк. *partıǰaly* «партийный, партиец, член партии», *avstriǰaly* «австриец», *avstralıǰaly* «австралиец». С другой стороны, в современных тюркских языках, в частности в башкирском и татарском, активизируется встречная тенденция — преобразование собственных названий лиц по свойству в название свойств, в результате которого слово приобретает регулярное двоякое лексико-грамматическое наполнение, приводящее нередко к его раздвоению: ср. башк. *baǰkort* «башкир, башкирский», *gıǰ* «русский», *tatar* «татарин, татарка, татарский», *batıǰ* «герой, храбрый, мужественный», *doǰmaǰ* «враг, вражеский», *duǰ* «друг, дружеский, дружественный» и т. п.

В приведенных группах слов прослеживается не единичная эволюция значений, как это наблюдаем в словах типа башк. *tuǰan* «родной человек» (< *tuǰan* «родной, родственник», *ber tuǰan* «родной по крови» < *tuǰan* «родившийся»), а целенаправленный, осознанный процесс создания слов с производным значением по стереотипному образцу, минуя синтаксис.

Здесь с полным основанием можно говорить о становлении и развитии словообразовательной модели на базе готовых производных слов, возникших в индивидуальном порядке в ходе постепенного раздвоения слова. Широко практикуемая в тюркских языках трансформация наречия в прилагательное, прилагательного в наречие (реже) и в существительное (примерно столь же часто, что и в языках других семей), существительного в прилагательное (гораздо реже, чем это представляло себе многие), глагола в существительное (имеется в виду имя действия) и в прилагательное (причастных форм), отчасти и в наречие (форм деэпричастия) на деле производится, по-видимому, по определенным образцам, сложившимся в некую словообразовательную модель; производится по подобию тех слов, в которых такая трансформация завершена и которые отражают эту модель при различии своего облика и индивидуального лексического значения. Прецедент перерастает в регулярную модель, которая регламентирует и словообразовательный

процесс, и принадлежность новообразования к той или иной части речи, и его общие конструктивные свойства. Новообразование и по своей функции идет по предопределенному пути. Поскольку такое использование слов, принадлежащих к одной и той же модели, принимается как прецедент, то слово, созданное по этой модели, вновь применяется по аналогии с ними в тех же синтаксических функциях и позициях, что и они. По аналогии с другими словами данной модели происходит и само образование и изоляция новообразования в производном значении от его собственных истоков. Принадлежность новообразования к модели «обращения» одной части речи в другую сама по себе способствует его осмыслению сообразно с принятыми нормами осмысления остальных слов данной модели.

Изложенного, представляется, вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что конверсия по своему существу представляет собой сознательное словообразование и что она, стало быть, подлежит обязательному отражению в грамматических описаниях, и в особенности—словарях. Это хорошо понимают все современные лексикографы, которые, поправляя многих грамматистов, в том числе Радлова, отметившего в своем знаменитом словаре лишь конверсию, сопровождаемую семантическими сдвигами, по возможности стараются охватить в своих словарях конвертированные значения слова наравне с его исходными лексическими значениями и функцией. Но многие лексикографы впадают при этом в две непростительные крайности—умышленный недобор словарного материала (1) и произвольный его перебор (2).

1. По традиции, связанной с именем Радлова, существительные типа таš «камень», в конвертированном значении типа башк. таš (öj) «каменный (дом)», проявляемом только в синтаксической позиции приименного определения по аналогии с прилагательными, за которыми эта позиция закреплена как норма, в некоторых словарях, например в казахско-русском словаре Г. Г. Мусабаева и Х. Х. Махмудова, — обычно не отмечались. Со временем это перестало быть типичным явлением. Но отдельные лексикографы, особенно К. К. Юдахин, упорно придерживаются данной традиции. Разделяя, очевидно, точку зрения В. В. Радлова и его последователей, К. К. Юдахин все слова типа таš «камень», алтын «золото» считает существительными, и только. Оставляя эту принципиальную сторону вопроса, нужно заметить, что конверсия существительного в прилагательное в этой позиции ни в одном из современных тюркских языков сколько-либо значительного развития не получила. (Она по-прежнему касается здесь строго ограниченного числа существительных, ни состав, ни общие типовые смысловые свойства которых практически не выявлены). Существительные, регулярно выступающие в названной синтаксической позиции в роли прилагательных, никак не могут демонстрироваться в словарях на правах действительно монофункциональных слов. Можно спорить лишь об их категориальных свойствах и об их семантическом тождестве, но не об их способности регулярно выступать в данной синтаксической позиции, совмещая роль прилагательного.

2. В своем стремлении к возможно полному показу конверсии составители некоторых современных словарей, в особенности башкирско-русского, отчасти туркменско-русского и других словарей, несколько перестарались, — возвели в разряд конверсии явления, которые к ней отношения не имеют, в частности наравне с полифункциональными словами, которые в каждой из своих функций действительно соотносятся с разными частями речи, обильно зафиксировали и одинаковым техническим способом разработали в своих словарях первый компонент второго изафета типа башк. mäktär (binahy) «школьное (здание)», отчасти же и типа башк. karluças üläne «бот. частичка», karluças (üläne) «ласточкина (травя)», где в первом случае конверсию можно усмотреть с точки зре-

ния конвергенций, т. е. переводимости тюркского существительного русским прилагательным, а во втором для этого нет и такого повода, ибо здесь мы имеем дело с первым компонентом сложного слова, который вообще не обладает признаками самостоятельного слова, в том числе и лексическим значением и какими бы то ни было смысловыми отношениями с другими значащими единицами языка, кроме генетических связей, базирующихся на изафете. Неправомерность отнесения первого компонента собственно изафета к конверсии убедительно показал Э. В. Севортян, который справедливо считает его существительным на том основании, что определяемое существительное здесь снабжается аффиксом принадлежности, одинаково однозначно характеризующим оба компонента изафета именно как существительное⁹. Этот веский довод косвенно подтверждается наблюдаемым в тюркских языках групповым оформлением компонентов некоторых синтаксических конструкций, при котором аффикс замыкающего их компонента играет роль знаменателя, вынесенного как бы за скобки¹⁰. Действием этого явления можно объяснить тот факт, что в некоторых современных тюркских языках, например в башкирском и татарском, аффиксальный элемент первого компонента изафета без всякого ущерба опускается, если этот компонент выражен существительным, однозначно охарактеризованным таковым, ср. башк. *Axmät küdü* «дочь Ахмета» и *ипуң күдү* «его (ее) дочь», *student kitabı* «книга студента» и *ипуң kitabı* «его (ее) книга», а также *baškort tele grammatikası* «грамматика башкирского языка» вместо ожидаемого *baškort teleneñ grammatikası*.

В принципе разделяя указанную точку зрения Э. В. Севортяна, заметим, что нередко в зависимости от семасиологических свойств сочетающихся компонентов изафета данного типа первый из них, сохраняя конструктивные свойства существительного, все-таки конвертируется в прилагательное: ср. башк. *öj* (*adrese, aşı* и т. п.) «домашний (адрес, обед и т. п.)», где его едва ли можно безоговорочно считать существительным (или же компонентом сложного слова, поскольку второй компонент обладает хотя и ограниченной, но регулярной заменяемостью, свойственной компоненту свободного словосочетания, остающемуся и лексически и грамматически самим собой).

За вычетом всех таких индивидуальных случаев, подлежащих обязательному учету и регистрации в словарях, отнесение первого компонента изафета к конверсии и его лексикографирование, конечно, лишены основания.

⁹ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 207.

¹⁰ А. А. Юлдашев. Проблема анализизма в тюркских языках. ВЯ, 1965, № 2, стр. 58—59.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ЧАГАТАЙСКОГО ЯЗЫКА РАННЕГО ПЕРИОДА

До недавнего времени ничего определенного о старых саларских книгах и их языке, кроме глухого упоминания у Г. Н. Потанина¹, не было известно.

Во время пребывания автора этих строк у саларов ему представлялась возможность познакомиться с такого рода книгами, весьма почитаемыми населением. Книги эти все рукописные, выполнены арабским шрифтом, большей частью мусульманско-вероучительного содержания, реже — светского. Нам удалось привезти фотокопии двух книг и единственной уцелевшей у салар страницы из книги по древней истории народа. Условно они именуется нами «Ibadet», «Qyssa-i Qurban», «История саларов».

По первому впечатлению язык этих книг — сплав книжного среднеазиатско-тюркского языка с саларскими элементами, которые выражены довольно отчетливо. Примесь последних колеблется: ее может быть меньше или больше. В зависимости от этого варьируют и стили — архаический и новый, почти сливающийся с современным саларским языком.

При сравнении же с языком старых рукописных книг синьцзянских уйгуров или узбеков сразу ощущается разница, хотя и языки подобных книг имеют почти единую основу — среднеазиатско-тюркский письменный литературный язык.

По теории Самойловича — Экмана², он прошел три периода: первый — караханидско-уйгурский, второй — хорезмский и третий — чагатайский.

Классическая пора последнего связана с именем Алишера Навои (1441—1501 гг.)³. Основа узбекских и уйгурских книг — типично чагатайская, отражающая язык сочинений Навои и его школы с локальными языковыми чертами. Салары отделились от огузской среды в последней четверти XIV в. — до рождения Навои — и сохранили у себя образцы более старого языка.

В лексике рукописных книг саларов можно встретить довольно древние тюркские слова: *adgū* „хороший, хорошо“ (в рукоп. اذكو, хотя и следовало бы ожидать اذكو, первый вариант свойствен боль-

¹ Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, ч. II, СПб., 1893, стр. 174.

² А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-тюркского языка. Сб. «Мир Али Шир», Л., 1928, стр. 23; J. Eckmann. Das Tschaghataische. „Philologiae Turcicae Fundamenta“, 1959, I, стр. 139; там же. Chagatay Manual, The Hague, 1966.

³ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 6, стр. 475—480.

ше восточно-тюркскому, а второй—западно-тюркскому языковому миру; но поскольку в языке современных саларов встречаются слова и с *d* (*jalaŋgadaх* „босой“, *atyx* „медведь“), возможность *ādǵū* совершенно отвергать нельзя); *qamıŋ* „все“; *uluŋ* „большой, великий“; *türlüg* „вид, сорт“: *on iki türlüg* „двенадцать видов“; *öz* *возвратн. местом.* „сам, сама“: *öz birle* „с собой“.

Родительный падеж—саларского типа—с афф. *-nigi*: *düşmenler-nigi tili* „язык врагов“, винительный падеж *-nu/ni*: *sekil-ni* „образ“, исходный падеж *-dyn/din*: *qylyc-dyn* „от меча“, *ot-dyn* „из огня“, *su-dyn* „из воды“. Форма будущего-категорического времени—с афф. *yar* (саларского типа): *bol-yar* „будет“, *aminin tut-yar* „спасет“, будущего с оттенком неопределенности *-ur*: *ajt-ur lar* „скажут (возможно)“, будущего с оттенком желания *-yaj*: *baçalan-yaj!* „да будет связан!“, повелительное наклонение 3-го л. *-sun*: *baçala-sun!* „пусть чтут!“, условное наклонение *-sa/se*: *tut-sa* „если держит“, *te-se* „если говорит“. Характерны сочетания с формами недостаточного глагола *er-*: *erdi* и *erken*, долженствовательный оборот *-mys kerek*: *tutmys kerek* „надо придерживаться“.

Как видим, язык саларских книг довольно архаичен. Природная обособленность саларов обусловила культурно-историческую изоляцию их в течение многих веков от соседних уйгуров и других западных тюрков. Все это явилось причиной того, что саларам остались не известны ни имя, ни сочинения Навои⁴.

От эпохи, которая непосредственно предшествовала Навои, сохранились лишь поэтические произведения (*Sakkāki*, *Lutfi*, *Amiri*, *Jaquny*, *Āta'i* и др.), поэтому, говоря о языке, который мог питать творения Навои, имеют в виду главным образом язык поэзии, естественно ограниченный в жанровом отношении.

Лингвистический материал саларских книг в данном случае в какой-то мере восполняет недостающее звено — дает образец прозаического языка, углубляя наши представления о языке раннечагатайской поры⁵.

В связи с этим язык саларских книг, будучи уникальным, должен привлечь внимание исследователей. Исследование его, думается, может развиваться в двух направлениях — как в сравнении со старым среднеазиатско-тюркским литературным языком, так и в сопоставлении с современным народным саларским языком.

⁴ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 480.

⁵ J. Eckstapn. *Das Tschaghataische*, стр. 141.

К ИСТОРИИ ОДНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА ИЗ СЛОВАРЯ В. В. РАДЛОВА

«Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова содержит наряду с богатым лексическим материалом большое количество фразеологизмов. Эти фразеологизмы, хотя и не выделены в словаре в силу лексикографической традиции того времени, представляют определенный интерес для исторической фразеологии тюркских языков.

Под словом *jüs* «лицо» В. В. Радлов приводит в качестве примера фразеологизм *jüz subu* из «Кутадгу билиг», памятника XI в.: *жалбач жабус полза кыпчак кобы, сәзіксіс тбрәр анда жүзі сұбы* «если посланник дурной и пустой, тогда блеск (вода) его лица теряется»¹.

Предложенный В. В. Радловым перевод не очень правилен из-за неясности значения фразеологизма *jüz subu* «блеск (вода) лица».

Наблюдения за этим фразеологизмом в разных языках показывают, что он имеет значение «честь», «репутация», «авторитет». С учетом этого значения перевод становится более ясным и понятным: «если посланник дурной и пустой, тогда, без сомнения, он теряет (роняет) авторитет [бека]».

Древнейшим крупным памятником, в котором много раз приводится фразеологизм *„jüz subu ≈ suvu“*, является «Кутадгу билиг»:

*bayusa bedüse yadıla cavı,
kiter men aningdan kiter yüz suvi².*

«Если он разбогатеет, возвеличится, распространится слава о нем, Уйду я от него и он лишится чести».

*bayat kimke birse uvut koz suvi,
angar birdi devlet tukel yüz suvi³.*

«Кому бог даст стыд и совесть,
(Считай, что) дал (ему) все богатства и честь».

В памятниках золотоордынского цикла этот фразеологизм встречается не только в именной форме, но и в глагольной. В «Нахдж-уль-фарадис»: *йүзүм сувын халайик, қатында төкәрмән* «я опозорюсь перед людьми»⁴; в «Гулистане» Сайфи Сараи: *са'нат ах,ли керәк ким бир лук,ма үчүн йүз сувын төкүб йүрүрмәгәй* «людям искусства не следует позорить себя из-за куска (пищи)»⁵.

¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, Санкт-Петербург, 1905, стр. 615.

² Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu billig, I metin, Istanbul, 1947, стр. 90.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Примеры взяты из книги: Э. Фазылов. Староузбекский язык, хорезмийские памятники XIV в., т. I. Ташкент, 1966, стр. 555.

⁵ Там же,

В „Хосрав и Ширин“ Кутба:

gāva mu tōksā ol jūzūm suwuny,
menl jandursa qandursa quwu-ny⁶.

«Хорошо ли утратить честь,
(Хорошо ли), если меня замучают, пресытят счастьем?»

kisilār kōrdi Husrāv jūzi suwluḡ,
qamuḡ kōrmākkā jūzin arzūluḡ⁷.

„Люди увидели, (что) Хосрав преисполнен достоинства,
Все хотят увидеть его лицо“.

Проследим развитие этого общетюркского фразеологизма в современных тюркских языках.

В староузбекском языке он употребляется довольно широко, см., например, у Навои в „Хайрат-ул-аброр“:

ē улус ичра юз суйин сочиб,
ē олибон бошин бир ён кочиб.

„Или среди народа потерять честь,
Или убежать куда-нибудь“.

Но наряду с этим у Навои и у других поэтов, его предшественников и современников, встречается аналогичный по значению фразеологизм с *obru* „честь“: *obruji bortok*, „терять авторитет“, который появился в узбекском языке под влиянием персидского. Пример:

ёшимдин обруйим борди, билдим,
ки равнаксиз килур олтунни сиймоб⁸.

„С молодю я потерял честь, узнал,
что ртуть обесценивает золото“.

Наблюдения над памятниками последующего периода времени показывают, что тюркский фразеологизм постепенно вышел из употребления в узбекском языке и его место прочно занял персидский эквивалент. Этот персидский фразеологизм настолько проник в узбекский язык, что стал употребляться в разных лексических вариантах: *obruji tūkilmok*, *obruji tušmok*, *obruji ketmok*. Махдум ака, у одам билан тенг келиб буладими, обруни тукади, холос (Р. Файзий. „Раянинг арчаси“) „Дядя Махдум, разве можно с тем человеком тягаться“.

...Рахбарнинг гап бўлиб кетгани—обрусини тушгани (И. Рах, им. „Ихлос“)⁹ „...Если распространяются о руководителе слухи. [это признак того], что он потерял авторитет“.

В современном азербайджанском языке мы встретили только лексические варианты персидского фразеологизма, но не обнаружили собственно тюркского фразеологического сочетания: *abru g'etmāk'*, *abru tōk'ūlmāk'*, *abru dūšmāk'*. Пример: (Жетэр:) Аға, белә сөһбәтдән мәним абрым төкүлдү¹⁰. „Господин, от этой беседы мне стало очень стыдно“.

⁶ A. Zajączkowski. Najstarsza wersja turecka Husrāv u Sirin Qutba, Czesc I, tekst. Warszawa, 1958, стр. 152.

⁷ Указ. соч., стр. 79.

⁸ Алишер Навоий. Хазойин-ул-маоний, т. III, Бадоеъ-ул-васат. Тошкент, 1960. 50-бет.

⁹ Ш. Рахматуллаев. Ўзбек тилининг кискача фразеологик луғати. Тошкент, 1964, 125-бет.

¹⁰ Азербайжан дилинин изаһлы луғәти. Бақы, 1964, сәһ. 27.

В киргизском языке К. К. Юдахиным отмечены следующие варианты фразеологизма:

*калкым кетти чачылып,
Абийирим калды ачылып*¹¹.

„Народ мой рассеялся,
Я (правитель) опозорен“.

Казахи употребляют: *abroyu togılu, abroyu ajrandaj togılu*¹².

У туркмен зафиксирована следующая форма фразеологизма: *abrajdan salmak*¹³, *abrajdan düşmek (gасmak)*¹⁴.

Интересные формы встречаются в уйгурском языке. С. Е. Маловым в кучарском наречии Синьцзяна была отмечена полутюркская—полуперсидская форма: *üzavi* „честь, репутация, достоинство“¹⁵. Наряду с этим в уйгурском языке встречаются и персидские варианты: *abroj tökmäk, abrojı tökülmäk, abrojı cüşmäk*.

Интересно проследить развитие фразеологизма в татарском, башкирском и турецком языках, где он сохранил свою старую тюркскую форму. В татарском и башкирском языках данный фразеологизм был заменен персидским эквивалентом: татар. *abrujen toşerü* „подрывать чей-либо авторитет“, *abruj tcsü* „терять авторитет“, башк. *abruj toşü* „терять честь“. Общетюркский же фразеологизм в этих языках употребляется теперь в значении „унижаться“: татар. бусагаларына барып йөз суынни туккәнче, тыныч веждан белен жан бируен мен өлеш артык¹⁶.

„Чем унижаться перед ним, лучше с чистой совестью умереть тысячу раз“; башк. *jöđ һуну түгеј* „унижаться, унизиться перед кем“. Только в турецком языке общетюркский фразеологизм не изменился ни в семантическом, ни в структурном плане. Он и сейчас широко употребляется здесь в своей старой форме: *yüz suyu* „честь, репутация“¹⁷, *yüz suyu dökmek* „терять авторитет“¹⁸, *ictiğın üzüm suyu mı, döktüğün üzün suyu mı?* „выпил ли вино, потерял ли авторитет“¹⁹.

Как видно из примеров, развитие фразеологизма *jüz suvi* в тюркских языках происходило в двух направлениях: в языках, оказавшихся под сильным персидским влиянием, он либо исчез совсем, уступив место персидскому эквиваленту, либо изменил свое значение, как, например, в татарском и башкирском языках. В других языках он подвергался указанным выше изменениям, а в современном турецком языке он сокращался в своей старой форме.

¹¹ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 18—19.

¹² Казак тілінің тусіндірме сөздігі, т. I. Алматы, 1959, 9-бет.

¹³ Туркмен дилинин сөзлүгі. Ашгабат, 1959, 12-сах.

¹⁴ Туркменско-русский словарь. М., 1968, стр. 16.

¹⁵ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, стр. 167.

¹⁶ Татар теленен фразеологияси, мәкаль һәм әйтемнәре. Казан, 1957, 181-бит.

¹⁷ Л. Н. Долганов. Пути развития идиоматики в современном турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 11.

¹⁸ Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve deyimler. Ankara, 1965, стр. 285.

¹⁹ Ata sözleri ve özlü sözler. Sofya, 1960, стр. 86.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Э. Н. ПАДЖИП

О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ И СМЕШАННЫХ ПИСЬМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Изучение истории современных тюркских языков, изучение языка тех или иных тюркоязычных письменных памятников в сравнительно-сопоставительном аспекте, их научная классификация невозможны без учета исторических факторов: исторической и географической обстановки, в которой они сложились или были созданы, состава населения данной территории в данную эпоху, передвижения через эту территорию народов и племен, возникновения новых культурных очагов, переселения разноплеменных ученых, писателей и поэтов из одних культурных очагов в другие, из одной среды в другую, а в связи с этим и неизбежного привнесения в язык письменного памятника, созданного на данной территории, иноплеменных языковых элементов и т. д. Без знания всех этих исторических, географических, этнических факторов, без необходимого историко-сравнительного изучения языка памятников поспешные заявления, какие у нас нередко делаются, о принадлежности данного памятника тому или иному из современных тюркских народов неизбежно приводят к ошибочным выводам.

Языки почти всех тюркоязычных письменных памятников средневековья являются смешанными. В основе языка одних из этих памятников лежит уйгурский язык, а другие, тоже будучи уйгурскими, испытали на себе сильное влияние смешанного уйгуро-карлуко-кыпчакского языка. В языке памятников, созданных в последующие века на уйгурской основе, явно можно видеть влияние огузо-туркменского или кыпчакского языков. В дальнейшем, во второй половине XIII и в XIV вв., уйгурская языковая основа постепенно уступает место уже огузо-туркменской или кыпчакской основе. Так возникают совершенно новые смешанные языки, в которых при огузской или кыпчакской основе уйгурские языковые элементы сохраняются уже лишь в качестве дани старой уйгурской, вернее уйгуро-карлуко-кыпчакской литературной традиции. Фактически в этот период, главным образом в XIV в., и появились зачатки ряда современных тюркских литературных языков. На смешанной уйгуро-огузо-кыпчакской основе в дальнейшем, одни раньше, другие позже, сформировались современные литературные языки: узбекский, казахский, туркменский, татарский, крымско-татарский и другие.

При изучении языка тюркоязычных памятников Средней Азии и Поволжья обычно принято говорить о влиянии литературных традиций периода караханидов или просто о влиянии уйгурской литературной традиции. Однако при этом зачастую забывается существование, почти параллельно с этой традицией, и огузо-туркменской литературной традиции, которая тоже, в свою очередь, на разных этапах своего развития

испытала в той или иной мере влияние уйгуро-карлукской литературной традиции. В результате изучения языка ряда письменных памятников тюркоязычных народов Средней Азии к такому же выводу пришел и А. К. Боровков. Он утверждает, что в Средней Азии существовала древняя литературная огузо-туркменская традиция наряду с восточно-тюркской или караханидской¹. Нам только думается, что здесь не следовало пользоваться термином «древняя». Далее он отмечает, что огузо-туркменская традиция в XI—XIV вв. имела для Средней Азии очень большое значение. В эту эпоху в Средней Азии с достаточной четкостью определились диалектальные источники караханидско-тюркского, огузо-туркменского и староузбекского литературных языков². Исследователь считает, что огузо-туркменская диалектальная основа литературного языка, нашедшая довольно широкое распространение в памятниках XII—XIV вв., получила свое развитие в Хорезме³. А. К. Боровков, констатируя большое значение огузо-туркменских элементов в языке памятников XII—XIV вв., считает, что здесь издавна сложилась диалектальная основа местного литературного языка, связывая это с огузо-туркменской периферией в низовьях Сыр-Дарьи⁴.

На самом деле эта огузо-туркменская литературная традиция, которая с самого начала составляла только основу местной литературной традиции и исторически восходила не к древнему периоду, а к средневековой, достигла значительного развития в XII в. в низовьях Сыр-Дарьи, перекинувшись в дальнейшем на Северный Хорезм и на Нижнее Поволжье. В языке ряда письменных памятников времен Золотой Орды эта традиция в значительной мере вытеснила уйгурскую.

В дальнейшем на разных территориях, в разной среде, у разных авторов влияние этой традиции проявляло себя по-разному. Если одни авторы все еще придерживались уйгурской традиции, испытывая в то же время сильное влияние огузо-туркменской литературной традиции, то у других в XIV в. преобладающей уже была огузо-туркменская литературная традиция. Этому, безусловно, способствовала и туркменская среда, в которой создавались упомянутые памятники. Оказавшись в будущем в кыпчакской среде, носители этих литературных традиций, в свою очередь, испытали, хотя и в разной степени, влияние этой новой среды, что привело к смешению компонентов этих языков. Влияние кыпчакских языков было значительным, по-видимому, у тех авторов, которые, продолжая уйгуро-карлукскую и огузо-туркменскую литературные традиции, не могли не вносить в создаваемые ими литературные произведения языковые элементы своего родного языка. Уйгурские элементы сохранялись в письменных памятниках даже позднего средневековья, что было, с одной стороны, данью существовавшей литературной традиции, а с другой — в меньшей степени — результатом того, что писцы-уйгуры вносили их при переписке многочисленных рукописей того периода. Что касается огузо-туркменской литературной традиции, то она на разной территории и в разной среде проявляла себя по-разному. На такой территории, как Северный Хорезм, где туркменские племена жили компактно, она обогащалась за счет новых огузских элементов, а в кыпчакской среде — за счет вытеснения огузских элементов кыпчакскими элементами. Таким именно образом и создавались в различных культурных очагах огромного тюркоязычного мира в XIV в. многочисленные письменные памятники на смешанных тюркских языках. Если литера-

¹ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1943, стр. 10.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 22.

турная традиция с **уйгурской** или, вернее, с **уйгуро-карлукской** основой еще держалась в XII—XIV вв. в Средней Азии, то в низовьях Сыр-Дарьи, Северном Хорезме и Нижнем Поволжье она в XIV в. уже уступила свое место **огузо-туркменской** литературной традиции. Если в XV в. при تیمоридах в Средней Азии на основе этих двух литературных традиций возникает и развивается, а при Навои достигает своего дальнейшего развития и расцвета качественно совершенно новый литературный язык, который получил в свое время известность как **чагатайский**, а в наши дни как **староузбекский**, то на северной территории, на бывшей территории Золотой Орды, а в последующие века и на территории современной Татарии и Башкирии **огузо-туркменская** литературная традиция с незначительной модернизацией сохраняет свои позиции, как мы увидим ниже, даже после формирования современного татарского литературного языка как второго письменного языка.

В этом развитии и формировании средневековых смешанных тюркских письменных языков особое место занимает письменный язык крымских татар, в основе которого лежит, несомненно, письменный **кыпчакско-огузский** язык, сложившийся в низовьях Волги и Северном Хорезме в XIV в. Однако у потомков половцев, т. е. у крымских татар, на первых этапах формирования этого языка преобладающую роль сыграл диалект западных **кыпчаков**. Кыпчакских элементов в этом смешанном письменном языке было гораздо больше, чем в кыпчакско-огузском письменном языке низовьев Сыр-Дарьи. Так было в средние века. В последующие века в развитии этого языка большую роль сыграл уже османско-турецкий язык.

Влияния **огузо-туркменской** традиции не избежали в начале нашего века даже наиболее крупные татарские поэты. Если у одних из них эти **огузские** элементы являлись по существу турецкими и внесены были под влиянием современной турецкой литературы, то у других они были главным образом результатом влияния все еще продолжающейся **огузо-туркменской** литературной традиции. Таким образом, даже после формирования современного татарского литературного языка этот смешанный **огузо-кыпчакский** письменный язык продолжал параллельно существовать как второй письменный язык религиозно-дидактических и **историко-повествовательных** эпических произведений. Сложный путь возникновения, формирования и развития, пройденный рядом тюркских письменных языков, обязывает языковедов-тюркологов при исследовании языка того или иного памятника строго учитывать эти весьма сложные исторические перипетии.

Если подходить к решению вопроса о генеалогии языка, о принадлежности того или иного письменного памятника, созданного в разное время на смешанных языках, тому или иному из современных тюркских народов без учета указанных выше исторических факторов, то легко впасть в ошибку. Письменный памятник, созданный представителем одного народа, можно ошибочно приписать представителю другого. Вот почему, если не представляет сравнительно большой сложности определение языка того или иного памятника, то очень сложно установить его национальную принадлежность. Приведем отдельные примеры из недавнего прошлого. Язык многочисленных поэтических произведений, созданных где-нибудь в Акмолле или Троицком, или даже в каком-либо селеении этого района человеком, никогда не бывавшим в Бухаре или вообще в Средней Азии, было принято считать **чагатайским**. На самом же деле он мог сложиться и слагался в результате естественного продолжения и развития литературной традиции, существовавшей на этой территории с XIII—XIV вв.

Например, в *كسيك باش* „k'isik' baš“ Али, опубликованном в 1880 г. в Казани, читаем:

على آيتور يارسول باري سرم
باشمه نه يازميشين كوريسرم
Āli äjtür, ja Räsul barysarym
Başyma na jazmysyn k'örisärim

Али говорит: „О, посланник, пойду я.
Что суждено будет мне увидеть,
увиджу я“.

Форму „barysarym“ мы встречаем в памятнике XIV в. „Мухаббат-наме“ и в ряде огузских, в частности турецких и азербайджанских памятников. Там же: *ايدكايلا* *yöğäjlär* „отправят“; *آداق* *adaq* „нога“; *قذغو* *kađu* „печаль“ и т. д.

В *كيسا ايكي بلبل* „Kyssa-i ik'i bylbyl“, изданном в Казани в 1900 г., такие архаические элементы и сочетания, как *بر كيم ايرسا* *birk'im ersä'* „кто-то“; *آيدى* *ajdy* „он сказал“; чисто огузские *ويردى* *verdi* „он дал“; *بو بولمهده اولغان ايكي قزلار* *bu bölmädä olğan ik'i kyzlar* „две девушки, которые находились в этой комнате“; *اورمانده* *ormanda* *تاماک* *duar* „живет он в лесу“ и т. д.

В *عبرت نامه* „Ibrät namä“, изданном в Казани в 1903 г., наряду с архаизмами немаловажное место занимают чисто огузские элементы. Здесь также встречаем средневековое буд. время *كيديسر* *k'edisär* „он уйдет“; *اولا داستان قومودله* *ola dästan kamu dildä* „на всяком языке будет дастан“; *صقين* *säqun* „берегись“ *دوست سانمه* *dost sanma* „не считай (его) другом“; *دون كون* *dün-kün* „днем и ночью“; *طولسر* *tolysär* „наполнится“; *كيمي مجنون كيمي اوصلو* *k'imi mäñnun, k'imi uslu* „одни безумные, другие разумные“; *جهانده كيم كليسر در، قوموسى هپ* *žehanda k'im kälisärdir, kamu su häp* „кто придет на этот свет, все неизбежно умрут“ и т. д. Как видно, язык очень архаичен и испытал очень сильное влияние огузских элементов.

В медицинской книге, изданной в 1803 г. в СПб. с пометой на татарском языке, — *بوزمانه تيكرو* *bu zämanä tek'rü* „до этого времени“; *هيچ قندان* *heç kändän* „ниоткуда“; *کنولری* *k'ändüläri* „они сами“; *اوشانداغ* *ošandağ* „так“ и т. д.

В *كتاب مستطاب* „K'itab-i müstätab“, изданной в Казани в 1845 г.: *معلوم اولا* *mälum ola* „да будет известен“; *كوجاماتا دكين* *kujamätä dekin* „до дня страшного суда“; *ديرگوزسه* *dirgüzsä* „если оживит“; *دورلو* *dürlü* „разные“ и т. д.

В *دنیا ایچره* „täky äžäb“, изданном в 1912 г. в Казани: *دنيا ايچره* *dünja içrä mänmän tejü k'ök'sin k'ergaj* „в

мире гордо выставит вперед свою грудь"; اوغانم uḡanım „мой бог“; تموغ صارى tēmuḡ ṣarī „все души“; سۇكۇبەن sūkubān „выходя“; تەۋەگەن tēwēgēn „в сторону ада“; ايدىم idim „мой бог“ и т. д.

Архаические и огузские элементы занимают значительное место и в миссионерских книгах, изданных в Казани в 1806, 1815, 1816 гг. и т. д. для татар. Там на каждом шагу можно встретить اىچرە سىندە içräsindä „внутри его“; كەندۈسىندە kändüsindä „у себя“; دىرى اولانلار diri olanlar „живые“; ھەممىسىنىڭ ھەممىسى hāp adāmlār „все люди“; كەندە kändä „где“ и т. д.

Значительное количество архаических чисто уйгурских и огузских элементов встречается и в лирических стихах, опубликованных татарскими поэтами в 1910 и в последующие годы в журнале «Шуро», который издавался в Оренбурге.

Иное положение сложилось в Узбекистане, о чем свидетельствуют произведения, издававшиеся литографским способом в Ташкенте, Самарканде и в Бухаре во второй половине прошлого и в начале нашего века. Язык узбекских поэтов и писателей уже в прошлом веке был в значительной мере очищен от архаических элементов, заметно уменьшилось в нем и количество огузо-туркменских элементов.

Что касается языка татарских историко-повествовательных и религиозно-дидактических эпических произведений, то он, как видно из вышеприведенных примеров, оказался более архаичным. Этот архаический письменный литературный язык, испытавший сильное влияние уйгуро-карлукской литературной традиции, вобравший в себя гораздо больше огузских элементов, чем языки Средней Азии, восходит не к так называемому чагатайскому языку, а всеми своими корнями уходит в гораздо ранее сформировавшийся письменный литературный язык Золотой Орды. Как правильно указал в свое время А. Н. Кононов, основой, на которой развился и совершенствовался «чагатайский» язык, литературный язык Чагатаева улуса (владения тимуридов, XVI в.), в свою очередь легший в основу староузбекского литературного языка, явился наряду с литературным языком караханидского государства и возникший на его базе литературный язык Джучиева улуса (восточная часть Золотой Орды)⁵. В дальнейшем своем развитии этот язык благодаря ряду благоприятных культурно-литературных условий, сложившихся в Средней Азии, довольно быстро очистился от значительной части архаических элементов и стал классическим староузбекским литературным языком. С другой стороны, этот язык значительно обогатился за счет арабских и персидских элементов. При Навои он достиг своего высшего расцвета.

Что касается литературного письменного языка Золотой Орды, то он в связи с рядом неблагоприятных исторических обстоятельств, особенно после потери таких культурных территорий, как низовья Сыр-Дарьи и Хорезм, утраты связей с новым культурным центром в Египте — со временем теряет свое значение. Художественная литература постепенно вытесняется религиозно-мистической и историко- (вернее мифическо-) повествовательной эпической литературой с архаическим языком.

Из всего вышесказанного видно, что наиболее сложным периодом в истории нашей культурной жизни, в истории нашей литературы и литературного языка является XIV в., после которого начинается зарож-

⁵ А. Н. Кононов. Важный труд по грамматике староузбекского языка, рец. на «Грамматику староузбекского языка» А. М. Щербака. Журн. «Общественные науки». УзССР, 1963, № 8, стр. 65.

дение новых письменных языков, дальнейшее развитие которых привело к созданию современных тюркских литературных языков.

Поэтому, думается, при публикации письменных памятников нельзя без учета многочисленных не только языковых, но и историко-географических факторов, без глубокого сопоставительного изучения языка этих памятников делать категорические заявления о принадлежности того или иного памятника предкам того или иного из современных тюркоязычных народов. К сожалению, такие случаи известны. Не целесообразнее ли было воздерживаться от того. Пока не будут исследованы и опубликованы многочисленные памятники, пока не возникнет возможность сопоставительного изучения языков уже исследованных памятников, до создания обобщающих работ по этой проблеме — целесообразно пользоваться такими нейтральными терминами, как **огузо-кыпчакский, кыпчакско-огузский** памятник и т. д. Кстати, начало этому уже положено в недавно вышедшей вторым изданием работе Н. А. Баскакова «Введение в изучение тюркских языков». Наряду с этим можно было бы пользоваться названиями территорий, на которых создавался тот или иной памятник. Так, «Мухаббат-наме» Хорезми видные русские тюркологи называли золотоордынским. При этом учитывалось, кроме языка, и то, что памятник, созданный в низовьях Сыр-Дарьи, которые в то время входили в состав золотоордынского государства, можно было бы по составу языковых компонентов назвать **кыпчакско-огузским**. «Хосрау и Ширин» Кутба — золотоордынским или **огузо-кыпчакским**, испытавшим сильное влияние уйгурской литературной традиции, относящимся к 3-группе тюркских языков. «Диван Хикмет» Ахмеда Есеви — **сыр-дарьинским** или **кыпчакско-огузским** — к j-группе тюркских языков. «Гулистан» Сейфа Сарай — **кыпчакско-огузским** или **золотоордынско-египетским** и т. д.

РИФМА В ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ XI ВЕКА

К XI в., когда появилось первое произведение классической тюркоязычной поэзии — поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, арабо-персидская теория рифмы, так же как и теория метров аруза, была подробно разработана и сформулирована. Толкование рифмы, как и учение о метрах, основывалось на графическом принципе.

Главной буквой рифмы является буква *рави*, которая должна входить в корень или в основу слова. Кроме буквы *рави* при образовании рифмы могут участвовать в разных вариантах еще восемь букв. Четыре из них занимают место впереди *рави*, четыре — позади. Кроме букв, в рифме участвуют еще шесть огласовок. При этом стихотворная форма считается правильной, если на протяжении всего стихотворения буква *рави* занимает ритмически равнозначную позицию, а это, в свою очередь, определяет ритмически равнозначную позицию всех других букв и огласовок, которые употребляются в данном варианте рифмы.

Расположение букв и их огласовок предусматривает возможные комбинации согласного звука с гласным, слогов закрытых и открытых, содержащих долгие и краткие гласные. Основная буква рифмы — *рави* — обязательно входит в долгий слог, и эта позиция буквы *рави* обеспечивается употреблением других букв и огласовок перед *рави* и сразу после нее¹.

В составе долгого слога буква *рави* может находиться в любом слоге слова, а в стихотворной строке практически может помещаться в любом слове полустишия: в последнем, где она будет замыкать полустишие, или с помощью следующих за ней букв рифмы и редифа, может быть продвинута глубоко внутрь строки.

Таким образом, арабо-персидская теория рифмы была теорией точной рифмы. Рифмующиеся слова должны были иметь одинаковый состав согласных и гласных ритмообразующего долгого слога, равное количество слогов, следующих после долгого слога, и их одинаковый звуковой состав.

Ранние образцы классической тюркоязычной поэзии, к которым относятся «Кутадгу билиг» и стихи из «Диван лугат ат-тюрк», показывают, что традиция точной рифмы в поэзии на тюркских языках имеет свой закономерный путь развития. Теоретические правила, выработанные на основе нетюркской поэзии, при перенесении их на тюркоязычный материал на первых порах неизбежно должны были в чем-то нарушать-

¹ Подробнее см.: И. В. Стеблева. Арабо-персидская теория рифмы и тюркоязычная поэзия. — «Тюркологический сборник», М., 1966, стр. 246—254.

ся. Следуя буквенной теории рифмы, авторы ранних тюркоязычных поэтических сочинений стремились прежде всего к графической правильности рифмы. Нарушение теоретических правил рифмы совершалось главным образом в области вокализма, вследствие пренебрежения акустическим тождеством рифмы. Но именно благодаря графическому принципу построения рифм в языке, где арабская графика не отражала в полной мере вокализм, можно было как бы скрыть подлинную неточность ранней тюркской рифмы. По сравнению с практикой рифмовки одного и того же слова, что считалось недопустимым, или злоупотреблением суффиксальной рифмой, имевшим место у всех ранних тюркоязычных авторов, разный состав гласных (переднего или заднего рядов) в рифмующихся словах был недостатком наименьшим, так как графически не выражался.

Юсуф Баласагунский при написании своей пространной поэмы, потребовавшей большого количества разных рифм, использовал все возможности тюркского языка, реализуя теорию девяти букв арабо-персидской рифмы в тех вариантах буквенных сочетаний, которые соответствовали фонологической структуре тюркского слова и морфологии языка. При этом наряду с примерами рифмы, построенной совершенно правильно, есть и определенные отступления от необходимых правил. И надо сказать, что погрешности в рифме представляют больший интерес, чем правильно построенная рифма, ибо именно они показывают путь преодоления технических трудностей, а значит, и путь становления тюркоязычной точной рифмы. Среди нарушений правил арабо-персидской рифмы в поэме «Кутадгу билиг» наиболее распространено: 1) несовпадение гласных перед буквой *рави* в составе краткого слога; 2) несовпадение гласных перед буквой *рави* в составе долгого слога; 3) несовпадение гласных после буквы *рави*. В этих случаях большая или меньшая степень звукового несоответствия либо отражена графически, либо скрыта за одинаковыми буквами, или за отсутствием вообще любых обозначений гласных, и тогда погрешность в рифме, хотя и существует, но графически не проявлена².

Следующими видами ошибок в рифме «Кутадгу билиг» являются: 4) помещение буквы *рави* в аффиксе и 5) рифмовка одного и того же слова, что, впрочем, встречается редко³. Юсуф Баласагунский, строя рифму, прежде всего стремился к тождеству в области согласных, так как неточность в области гласных скрывалась арабской графикой. Кроме того, теория девяти букв рифмы позволяла наращивать к корням и основам слов, где помещалась буква *рави*, аффиксы словоизменения, и таким образом сохранялся, хотя и ограниченный пределами букв, следующих за *рави*, агглютинативный строй тюркского языка. Эти условия позволили арабо-персидской теории рифмы найти для себя опору в тюркоязычной поэзии.

Поиски путей для воплощения теории рифмы на материале тюркского языка привели Юсуфа Баласагунского к использованию в рифме пар слов с гласными разных сингармонических рядов: *kizledi—azladı* (3234)⁴; *tengledim—tangladım* (5691); *başlasa—işlese* (2330); омонимов

² Известно, что арабская графика не отражала особенностей тюркского вокализма, и гласные переднего и заднего рядов, если они обозначались, то передавались одинаковым способом.

³ Примеры, а также более подробное описание особенностей рифмы в поэме «Кутадгу билиг» см. в кн.: И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI в., гл. 3 (в печати).

⁴ Цифрами в скобках обозначен номер бейта по сводному тексту «Кутадгу билиг», изданному Р. Аратом. (Reşid Rahmeti Arat, *Kutadgu bilig*, I. Metin, İstanbul, 1947). Здесь и далее буква *рави* подчеркнута одной чертой. Транскрипция Р. А р а т а,

и разных значений одного и того же слова (получался одинаковый набор букв рифмы при разном смысловом содержании): *hakku'l-yakip* 'боже праведный'—*yakip* 'близко' (11); *ay* 'скажи'—*ay* 'месяц' (5685); *agig* 'благородный'—*agig* 'совсем' (4289) и редифа, бывшего главным подспорьем при затруднениях в выборе рифм.

В рифме Юсуфа Баласагунского необходимо отметить одно любопытное явление, которое не относится непосредственно к теории арабо-персидской рифмы, но характерно для раннего периода тюркоязычной рифмы. Если буква *рави* находится в аффиксе, что по теории считается нежелательным, то такая рифма часто подкреплена аллитерацией в других слогах, не имеющих отношения к собственно рифме. В рифмующихся парах слов как бы дополнительно используется сходство подобиозвучающих слов. Иногда аллитерирование прослеживается с начала слова: *körmedim—külmedim* (1587); *tirgeli—tutgali* (3619); *sokmasa—saçmasa* (708).

Анализ поэмы «Кутадгу билиг» показывает, что Юсуф Баласагунский в достаточно высокой степени владел арабо-персидской теорией рифмы. А встречающиеся в его рифме недостатки являются свидетельством наличия закономерных ограничений в возможностях создания правильной рифмы, поставленных особенностями тюркского языка. Одновременно с этим рифма в поэме «Кутадгу билиг» совершенно ясно показывает конкретные пути создания в тюркской поэзии точной рифмы. Поэтому рифма в «Кутадгу билиг» является как бы показателем уровня техники арабо-персидской рифмы в тюркской поэзии для XI в.

При рассмотрении рифмы в стихах из «Диван лугат ат-тюрк» в плане арабо-персидской теории⁵ обнаруживается, что она обладает теми же особенностями, какие наблюдаются в рифме «Кутадгу билиг»: те же отступления от правил и тот же путь преодоления технических трудностей

Наряду с этим рифма в „Диване“ дает примеры полного соответствия теоретическим правилам, и хотя рифма часто глагольная, что выглядит несколько монотонно, все же буква *рави* большей частью помещается в корень или основу глагола, и наращение последующих аффиксов в глагольных формах вполне согласуется с правилами о четырех буквах после *рави*, например: *oḡradım—kōkrādım—toḡradım* (I,125)⁶, где *гайн* и *каф*—*рави*⁷, огласовка перед *рави*—*тауджих*, *ра*—*васл*, *дал*—*хурудж*, *мим*—*мазид*, огласовка после *рави*—*нафаз*; *qasṡadıḡ—kāsṡādīḡ—sāsṡādīḡ* (I,79), где *джим*—*рави*, огласовка перед *рави*—*тауджих*, *мим*—*васл*, *дал*—*хурудж*, *в*—*мазид*, огласовка после *рави*—*нафаз*.

Употребление глаголов в рифме не нарушает нормального строения тюркского предложения, но для того, чтобы рифмовать *azaq*—

⁵ Анализ метров аруза, усматриваемых нами в поэтических текстах «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари, см. в упомянутой книге: И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI в., гл. 2.

⁶ Римские и арабские цифры в скобках при примерах из «Диван лугат ат-тюрк» означают соответственно номера тома и страницы турецкого издания Б. Аталая (Divanü Lûgat it-Türk tercümesi. Çeviren: Besim Atalay, cilt I—III, Ankara, 1939 — 1941). Транскрипция моя.

⁷ Сочетать в *рави* буквы *гайн*, *каф* и *каф*, а также *та* и *дал* в тюркских словах считалось допустимым и в значительно более позднее время. См. об этом свидетельство Захираддина Мухаммада Бабура (Бабер-наме или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. Ильминским), Казань, 1857, стр. 122).

tuzaq—uzaq—tuzaq (I,380), где зал и за—рави, огласовка перед рави—тауджих, огласовка рави—маджра, кафвасл; оугау—тугау—оугау (III,65), где гайн—рави, огласовка перед рави—тауджих, ра—васл, второй гайн—хурудж, йа—мазид, огласовка после рави—нафаз: kбz—jнz—туz (1,60), где за—рави, огласовка перед рави—тауджих, необходима инверсия, которая дает возможность сочетать требования метра аруза с требованиями рифмы. Иными словами, указанная выше инверсия ради рифмы связана с ритмико-композиционной функцией последней.

Таков же, как и в „Кутадгу билиг“, путь преодоления технических трудностей в рифме. Употребляется рифмовка слов с разным по месту образования составом гласных, например: qacmaduŋ—kacmadiŋ (I,79); kacursadim—qacursadum (III,247); jamlady—amladi (III,84—85); katar—qatar (I,440).

Так же как в поэме Юсуфа Баласагунского, в стихах из «Дивана» используются в рифме омонимы, например: aŋdu 'поблденло' (III, 327) — aŋdu 'поднялся' (III, 219)⁸; ot 'огонь' — ot 'трава' (II, 133); tuzaq 'силок'—tuzaq 'любимая' (I, 380); atar 'прогоняет' — atar 'называет' (III, 374).

Так же как в поэме „Кутадгу билиг“, в стихах из „Дивана“ используется редиф: sбkа turdu—sбkа turdu—bкkа turdu (III, 230—231).

В стихах из „Дивана“, так же как в „Кутадгу билиг“, при случаях грамматической рифмы (буква рави в аффиксе) недостаточность ее как бы компенсируется аллитерацией в слогах, не относящихся непосредственно к рифме: kлlgсuz—bаlgсuz—kаlgсuz; буква рави—син, так как все рифмуется с kлrgсuz и аzgсuz (I, 96, 354, 119; III, 5—6, 160—161).

Иногда аллитерирование согласных начинается с первого слога слов; qоŋmaŋuz—qаŋmaŋuz рифмуется с tаŋiz (II, 45—46), kаcаg—kаvаg (III, 288).

Одинаковый характер рифмы в ранних произведениях классической тюркоязычной поэзии определяется прежде всего общим состоянием лексики языка и уже в последнюю очередь более низким сравнительно с периодом расцвета классической поэзии уровнем поэтической техники по новым для тюрков правилам арабо-персидской поэтики. Для построения рифмы, в равной степени как и для реализации в тюркской языковой среде метров аруза, имел большое значение факт обогащения поэтического словаря арабо-персидской лексикой, изменившей фонологическую структуру языка. Теория рифмы, разработанная применительно к арабскому и персидскому языкам, в тюркоязычной поэзии нашла свое реальное воплощение в значительной степени благодаря арабским и персидским заимствованиям. К периоду расцвета классической поэзии (конец XV — начало XVI в.) аруз и арабо-персидская теория рифмы были тюрками настолько усвоены, что отступления от правил в той и другой области следует рассматривать в аспекте индивидуальных особенностей творчества поэтов, и только во вторую очередь они связаны с особенно-

⁸ Рифмуются четвертые строки четверостиший, образующих единую строфическую композицию. Новая подборка текстов приводится нами в книге «Развитие тюркских поэтических форм в XI в.»

стями языка. Таким образом, исследование тюркоязычной поэзии XI в. подтверждает известное положение, что рифма — явление исторического порядка. Даже в пределах одной определенной теории рифмы последняя отражает закономерные ступени своего развития, связанные с развитием языковой структуры на всех уровнях: лексическом, фонологическом, морфологическом, синтаксическом.

Историю появления и развития тюркской рифмы целесообразно рассматривать только в связи с определенной системой стихосложения (что в тюркологической литературе делается отнюдь не всегда), потому что созвучия на концах стихотворных строк могут и не быть рифмой — в том случае, если они находятся вне определенного метра, — но могут и быть рифмой даже тогда, когда рифмуются грамматические формы, как, скажем, в поэме «Кутадгу билиг» и в стихах из «Дивана» Махмуда ал-Кашгари.

Совпадение одинаковых глагольных форм на концах стихотворных строк встречается и в более ранних текстах, и в текстах других культурных ориентаций. Например, в четверостишиях манихейского содержания («Большой гимн к Мани»):

Türk burxanlarta kin intigiz
tüz kärincsiz burxan qutın bultuguz
tük tümän tınlıyları qutqartıgız
tünärig tamutın tözüni ozıurtuguz⁹

Здесь глаголы „рифмуются“ благодаря грамматике, а не по умыслу автора, который своею целью ставил подбор аллитерирующих слов в начале стихотворных строк: türk — tüz — tük — tünärig.

Созвучия в одинаковых глагольных формах и повторение одного и того же глагола на концах строк широко распространено и в орхоно-енисейских текстах, например в надписи с Элегеша:

Kök tägridä kün aj azydım.
Järimä jyta sizimä adyrylytım.
Qanım älimä sizimä jyta bökmädım
qanım älimä jyta adyrylytım¹⁰

Или в Большой надписи в честь Кюль-тегина:

Qağan at bunta biz birtimiz
siqlim quncıjuγ birtimiz
özi jaγylyty, qağany ölti
buduny küñ qul bolty¹¹

Или в надписи в честь Тоньюкука:

Any subuγ baralym.
Ol sub qody bardymyz.
Sanağaly túsürtimiz
atyγ yqa bajur ärtimiz¹²

⁹ W. Bang und A. v. Gabain. Türkische Turfan-Texte III, — „Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften“, 1930, стр. 203.

¹⁰ И. В. Стеблев а. Поэзия тюрков VI—VIII веков, стр. 98, строки 5—8.

¹¹ Там же, стр. 78, строки 147—150.

¹² Там же, стр. 89, строки 149—152.

Приведенные примеры, число которых можно было бы умножить, показывают, что в структуре древнетюркской поэтической формы было заложено основание для развития тюркской рифмы, и, как мы покажем дальше, дело здесь не только в параллельной конструкции, характерной для поэзии любого народа.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в последнем приведенном нами примере в глаголах *bardymyz—tüsürtimiz—ärtimiz* «рифмуются» не только аффиксы, но аллитерация согласных начинается с основ глаголов, и если подходить к данному случаю с позиций арабо-персидской теории рифмы, то можно сказать, что буква *рави* (подчеркнута) стоит здесь согласно правилу в основе слов, несовпадение же гласных перед буквой *рави* встречается и в стихах из «Дивана», и в «Кутадгу билиг», а *d* и *t*, по свидетельству Бабера, рифмовать в тюркских словах допустимо. Таким образом, приведенное четверостишие из надписи в честь Тоньюкука содержит как бы прообраз будущей рифмы из «Диван лугат ат-тюрк».

Однако рифма в поэме «Кутадгу билиг» и в стихах из «Диван лугат ат-тюрк» не только дает фонический эффект, но как явление ритмическое определенным образом фиксирует метр. Так как в древнетюркском стихе последнее условие отсутствует, то и созвучия на концах стихотворных строк не могут считаться рифмой.

Древнетюркский стих был стихом аллитерационным. Приходясь на икт тонико-темпоральных стоп (или на начало слоговых группировок), аллитерация в начале стиха выполняла ритмическую (фиксировала метр) и композиционную (строфическую) функции. В пределах строфы аллитерирующие стопы могли размещаться в любом порядке: следовать одна за другой, находиться в начале и в конце стихотворной строки или — в разных строках.

Но арабо-персидская теория девяти букв рифмы, в свою очередь, предусматривает варианты рифмы, когда буква *рави* замыкает слово, когда она стоит в середине слова и когда она продвинута в начало слова. Последний случай рифмы, построенной согласно арабо-персидской теории, совпадает с аллитерацией в начале стиха. Разные по месту нахождения буквы *рави* варианты рифмы можно проследить на материале стихов из «Дивана» (буква *рави* подчеркнута): *qoşuγ—tabuγ* (I,376) → *jaγmurγn—aq torγn—ol qarγn* (III,39) → *syqyrqan—qysyrqan* (II, 263—264) → *nsiklādi—äliklādi* (I,307) → *bastymyz—pustymyz—kāstimiz* (I,434) → *oγraγγ—oγraγγ* (III,65) → *türkänüm—türkänüm* (II, 209). Следовательно, можно сказать, что арабо-персидская рифма благодаря своей специфике наложилась на древнетюркскую аллитерационную систему.

В любом стихосложении звуковая организация стиха должным образом соотносится с ритмической. Если древнетюркская поэзия создавалась на основе тонико-темпорального стихосложения, при котором разные по количеству слогов стопы (или слоговые группировки) с иктом в начале стоп уравнивались одинаковым временем их произнесения, то аллитерационная система, связывающая звуковыми подобиями корневые смыслоразличительные морфемы агглютинативного языка, была призвана фиксировать сильные доли, т. е. начала стоп.

Арабо-персидская теория рифмы, в свою очередь, построена таким образом, что соотносится с теорией метров аруза. Как явление ритмическое, арабо-персидская рифма действительна только в арузе. Именно сумма разнообразных метров аруза вызвала к жизни известные варианты ара-

бо-персидской рифмы. Но это значит, что при переходе от древнетюркского стихосложения к арузу старый способ звуковой организации стиха — аллитерационная система — неизбежно должен был замениться новым способом, соответствующим новым структурам ритма. Поэтому появление точной рифмы в тюркоязычной поэзии было неизбежно, и переход от аллитерации в начале стиха к конечной рифме вызван переходом к принципиально иному способу стихосложения.

Несмотря на свою чужеродность, аруз и арабо-персидская рифма нашли для себя точки опоры в структуре древнетюркского стиха и утвердились в тюркской языковой среде, преодолев сопротивление языка новой поэтической форме. Начало этому процессу было положено в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и в стихах из «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари, произведения которых ценны и тем, что указывают на связи с древнетюркской поэтической традицией.

Переход от аллитерационной системы к стиху с конечной рифмой совершился в областях, завоеванных исламом. В местах, не подвергшихся влиянию мусульманской культуры, где развитие шло в сфере других культурных традиций, и там, где тюркская поэзия соприкасалась с поэзией неисламизированных народов, аллитерационная система продолжала развиваться и совершенствоваться. Об этом свидетельствуют не только манихейские четверостишия («Большой гимн к Мани»), созданные значительно позднее орхонских и, по-видимому, позднее енисейских текстов, но и другие произведения тюркской поэзии, которые датируются периодом до монгольского завоевания. Важное значение для развития тюркской аллитерационной системы имела общность культурных и литературных связей тюркских народов Алтая и Сибири с монголами во все периоды истории последних. В этом смысле совершенно прав Г. Дёрфер, который утверждает, что на дальнейшее развитие аллитерационного стиха поэзии тюрков Южной Сибири повлияла монгольская поэзия¹³. Можно сказать, что у тюрков существовали два ареала развития стихотворной практики: Средняя и Малая Азия, Закавказье и Поволжье, где тюркоязычная поэзия развивалась под воздействием арабской и персидской литератур; и Алтай, Южная и Восточная Сибирь, где это развитие происходило при взаимосвязи с поэзией монголов.

¹³ G. Doerfer, Die Literatur der Türken Südsibiriens, — „Philologiae Turcicae Fundamenta“, t. II, Wiesbaden, 1964, стр. 862—885.

ОБ УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ «АТ-ТУХФАТ-УЗ-ЗАКИЙЯ ФИЛ-ЛУГАТ-ИТ-ТУРКИЙЯ»¹

Научно-критическое издание памятников тюркской письменности все еще продолжает оставаться отстающим звеном нашей тюркологии. Между тем без этого невозможно систематическое и тщательное изучение истории развития тюркских языков. Все это делает необходимым на первых порах расширение хотя бы факсимильных или фототехнических изданий рукописей, тем более, что печатные издания последних появляются у нас лишь sporadически. Поэтому издание рукописи «Ат-тухфат-уз-закийя фил-лугат-ит-туркийя», переведенной на узбекский язык С. М. Муталлибовым, представляет значительный интерес.

Прежде чем говорить о достоинствах и недостатках упомянутого перевода, дадим читателю некоторые сведения о самой рукописи, не нашедшие своего отражения во вводной статье издания.

Рукопись «Ат-тухфат-уз-закийя...» не датирована. Но из двух строк на первой странице рукописи видно, что она написана до 1426 года. Автор рукописи также неизвестен. Пометы относительно Абуль-Касима Ахмеда ибн Муханна, имеющиеся на той же странице рукописи, пока еще не дают нам основания считать его автором сочинения, так как эти пометы сделаны другой рукой. Однако пока еще можно надеяться, что со временем удастся определить точную дату создания рукописи и установить личность ее автора. Возможно, имеющийся на первой и последней страницах памятника нерасшифрованный текст раскроет нам в будущем дату его написания и имя автора.

Из вступительной части рукописи видно, что неизвестный автор был знаком со словарем «Китаб-ал-идрак, ли-лисан-ал-атрак» Абу Хайяна ал-Гарнати, составленный в 1313 году. Но он почему-то умолчал о своем знакомстве также с известным словарем Махмуда Кашгари (XI в.), тогда как написание отдельных слов и термины, встречающиеся в его работе, свидетельствуют о том, что автор, несомненно, пользовался и этим сочинением. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на следующие особенности рукописи: долгие гласные а; ә, точно так же как и в словаре

Махмуда Кашгари, обозначаются в рукописи двумя алифами (как, напр.: اللها «а:лма», الطى «а:лты», ارد «а:рд», اردى «а:рды» и т. п.), переднеязычный мягкорядный ö , как в словаре «Диван-лугат-ит-тюрк» Кашгари, обозначается термином «мумāли мураққāk».

Нет сомнения в том, что «Ат-тухфат-уз-закийя...» написана в Египте, т. е. там, где в XIII—XIV вв. власть была сосредоточена в руках тюрков, и где государственно-административным языком, как в армии, так и при дворе, был признан тюркский язык. Автор названного сочинения, состоящего из глоссария и грамматического очерка², написал его, возможно, именно в этот период, стремясь способствовать обучению арабов тюркскому языку.

О существовании рукописи «Ат-тухфат-уз-закийя...», хранящейся в библиотеке Веледина Эфенди в Стамбуле, впервые сообщил в европейской печати турецкий ученый Фуад Кёпрюлю³. Позднее многие ученые пытались перевести это сочинение на турецкий и немецкий языки⁴. Впервые это

¹ Тошкент, 1968.

² Тюркским языком в Египте в средние века была посвящена не только одна эта рукопись. Известны и такие сочинения, как «Мукаддимат-ал-адаб» (XII в.), анонимный арабо-персидско-тюркско-монгольский словарь (XIII в.), «Ал-каванин ал-куллияли дапт-ал-лугат-ит-туркийя» Джамаледдина ат-Турки (XV в.), «Булгатул муштаг» (XIV в.), «Аш-шузур-аз захабийя ва ал гат ил-Ахмадийя фил-лугат-ит-туркийя» и т. п.

³ Kőrösi Csoma Archivum, Budapest, 1922, I—III fasztól (цит. по кн. Besim Atalay. Et-tuhfet-üz-zekiyye..., стр. XI), № 15.

⁴ Hikmet Turhan Daglioglu, Şemsettin Sami, hayatı ve eserleri, İstanbul, 1934, s. 58; T. Halasi Kun, İstanbul kütüphanelerinde bulunan kölemenlet devri ve bu devrin dili, Kőrösi Csoma Archivum, Bd: III, Heft 1, 1940, стр. 77—83 (цит. по кн. Besim Atalay. Указ. раб., стр. XI).

произведение было полностью переведено и издано турецким ученым Бесимом Аталалем⁵.

Что же касается узбекского перевода, то он является по счету вторым.

С. М. Муталлибов, в отличие от своего предшественника, ограничился изданием только словарной и грамматической частей памятника, сократив при этом факсимиле. Однако издание С. М. Муталлибова имеет и свои преимущества. Бесим Аталал почему-то имеющиеся в рукописи тюркские слова дал только в транскрипции, опустив их арабские написания. С. М. Муталлибов совершенно справедливо счел необходимым напечатать и арабские написания тюркских слов рукописи.

Перевод на узбекский язык этого сложного сочинения, где имеется довольно много неудобочитаемых слов и выражений, потребовал от С. М. Муталлибова огромного труда. Благодаря ему этот ценный памятник стал доступен широкому кругу исследователей тюркских языков. Вместе с тем, к сожалению, в этом издании имеются и недостатки, о которых нельзя не сказать.

Ограничимся при этом указанием лишь на наиболее характерные недостатки, имеющиеся в этом издании.

Прежде всего следует отметить, что написания слов, приведенные С. М. Муталлибовым на основе арабской графики, в большинстве своем не совпадают с написанием их в тексте оригинала. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с нижеследующей таблицей, где сопоставляются написания слов в оригинале с их искаженными формами в печатном издании.

В тексте	Лист рукописи	В переводе	Стр.
1	2	3	4
хайл	13a	хайк	46
хаве	13a	хав	49
хр'ақи	13a	хр'аф	46
йа'акан	13a	таркан	46
хриш	15a	хрш	47
хасм	15b	хам	58
зқл	18a	змлм	64
збдйе	18a	зндйе	64
зағ	18a	зағ	64
зрдйе	18a	ззйе	64

1	2	3	4
زمى	18a	زحى	65
شجط	18b	شهدا	66
زغزغ	18b	زغزع	66
زارالاسد	18b	زارالاد	66
سها	18b	سهلا	66
سهيل	18b	سهيل	66
قوجا	18b	خواجا	66
سوداوالجرب	19a	سوادايجر	67
سسسم	19a	سعم	67
سنبله	19a	سنيله	67
سعد	19a	سعد	67
گلوکاناك	19a	كاکاناک	68
كون	20a	كوز	71
شتر	20a	شعرا	71
طوطاغ	20b	طوطاق	72
ساقسى	21a	ساقى	73
شر	21a	سر	74
شود	21a	شجيد	74
شالوخل	21a	قتوشق	75
قلا	28b	قلل	97
فقش	28b	ففش	97
قراصيا	29a	قراصا	99
كاب	29b	كار	101
قلا	30a	قلل	102
اوز	22a	اون	77
ماخلا	23a	ماحمد	79
طعن	24a	طحن	83
ظلل	24b	ظل	84

⁵ Et-tuhfet uz-zektyye fi-l-lugāt it-türkīyye.

1	2	3	4
كوفلانميش	25a	كوفلانش	85
عسل	25a	عل	86
سولوك	25b	سولك	87
عابه	26b	غايه	91
غنچ	26b	غنيج	91
كوزيومغى	27a	كوزيومطى	92
سنر	27a	سنى	92
غلا	27a	غلد	92
شتم	21b	شعم	75
بالنار	21b	باناسار	75
كچكاز	21b	كچكان	76
تعايل	10a	تجايل	35
ايلتشتى	10b	ايلديتشتى	36
شجين	11a	شخين	38
جلید	11a	چید	38
ايكشى	11a	ايكى	38
طاو	11a	طاق	39
قابان	11a	قابان	40
حاربوغ	11b	جارموع	40

Одним из серьезных недостатков узбекского перевода «Ат-тухфат-уз-закийя...» является то, что в словарной части издания либо отсутствуют арабские слова и даются только их тюркские переводы, либо приводятся только арабские слова, а переводы их на тюркский язык опускаются. Например:

اعاب (46, стр. 17), اتخا (56, стр. 17), استزاح (56, стр. 18), التام (56, стр. 18), تدهلر (9a, стр. 32), تمنا (9a, стр. 32), طلنطق (156, стр. 54), اختلس (146, стр. 54), صاح، عوش، زور، ايط (57, стр. 65), سنونو (19a, стр. 68), شجط (186, стр. 66), اوساك (46, стр. 15), الدود (196, стр. 68), ان كان (76, стр. 26), اقط (46, стр. 16), جبل (11a, стр. 39), بيل (18a, стр. 65),

سكين (196, стр. 69), سل (20a, стр. 70), غقيق (206, стр. 71), علق (26a, стр. 89), فصیل (276, стр. 95), كرش صاحب (22a, стр. 76), يوب (22a, стр. 77), هر مه (24b, стр. 84), قشر (30a, стр. 103), خيل (30b, стр. 104) и т. д.

Наряду с незафиксированными тюркскими словами, как-то: فوقانى و شوبا, يالغين, «фукани ве шуба» (276, стр. 95), «ялгын» (29a, стр. 99), «узуш болды» (46, стр. 16), «а-бышка» «картаж» (206, стр. 72) и т. д. переводчик почему-то нередко опускает имеющиеся в рукописи сопоставления с туркменским языком, а это представляет значительный интерес с точки зрения современного языкознания. Например, когда в сочинении говорится о слове ياغانا «багана», автор тут же дает ссылку на туркменский язык, утверждая, что туркмены употребляют в этом значении слово چاقال «чакал» (см. 206). То же самое можно сказать и о сопоставлении с туркменским слова تاكاندى «текнеди» (21b, 1—2 строки, имеющиеся на полях указанной страницы), «юкүтти» «жукүтти» (22a, 7 — 8 строки), «бүрүшти, сыхты, бургады» «буршты, сыхты, бургады» (26a, стр. 89), «тулганди, булганди» «тулганди, булганди» (26a, 3 строка, стр. 89), «тоғры» «тоғры» (29b) и т. п.

Более того, С. М. Муталлибов по непонятным причинам оставил непере переведенными целых шестнадцать страниц рукописи (см. от десятой строки 306 до 41 листа). Чтобы иметь представление о важности этих страниц, достаточно сказать, что в приводящихся в «Ат-тухфат-уз-закийя...» из более чем трех тысяч тюркских слов на непере переведенные страницы рукописи приходится около 660 слов.

В книге, как было сказано выше, тюркские слова приводятся в транскрипции и арабским шрифтом. Однако этот принцип почему-то переводчиком до конца не выдерживается: в первой части книги некоторые слова печатаются только в транскрипции, а арабское написание их не приводится, например: саркытты (22a, стр. 79), биркат (23b, стр. 82), ару болды (24a, стр. 83), сајды (25b, стр. 89), кыз болды, кычыды (27a, стр. 92), бырар (27b, стр. 95) и т. д.

Во второй же части перевода переводчик ограничился только тем, что дал тран-

скрипцию тюркских слов (см. стр. 106 — 160).

Нельзя не отметить то, что во многих местах книги нарушен порядок написания слов; например, вместо **ساعد و قيل** «саэд ве гил-мадад ајлады, болушти» (20а, стр. 70) в книге напечатано: **ساعدبولوشتى** «саэд болушти»;

вэ гил маддэд ејлады **قيل ماداد ايندى** или же арабское слово и его тюркский перевод напечатаны так:

شحت قووالادى و قودى ويلاندى, тогда как эти слова следовало печатать в таком порядке: **شәһт-тиләнди**,

تيلاندى، قودى قووالادى-شحت кувды, кувалады (21б, стр. 75). Такого рода технические огрехи на страницах 46, 66, 71, 75, 76, 80, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 97, 102, 103, 104 и т. д.

Несколько слов о транскрипции.

В транскрипции тюркских слов наблюдается большой разноречивостью. Например, в начале книги долгие гласные звуки, а, ä, обозначенные автором сочинения двумя алифами (напр.: **ااىك، ااكا، اوو، اش**), С. М. Муталлибов транскрибировал двумя точками (а:) **اوورجوق** «а:ввурчук» (стр. 37), **ازدى** «а:зды» (стр. 36), **اريق** «а:тгары» (стр. 36), **آاطقارى** «а:рык так» (стр. 38) и т. д. Но после 60-й страницы фиксирование этой языковой особенности почти полностью забывается.

Далее, в индексе книги одни и те же слова в двух разных местах часто транскрибируются совершенно по-разному. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться со следующей таблицей:

В тексте	Лист	Стр.	В индексе	Стр.
1	2	3	4	5
بيش биш	186	44	быш	163
بلطير билтир	196	69	былтыр	183
بير قاط биркат	236	82	быркат	183
بيت бит	29а	100	быт	183
بىتى битти	30а	103	бытты	183
بيچاق бычак	196	69	пычак	183
بىدى бијиди	146	53	бијиди	183
بىلادى быллады	20а	70	билады	184
بىلازوك биләзүк	196	69	билазук	184
بوزولدى бузулды	156	54	бозулди	187
بولاك бәләк	12а	42	болак	187
بولاناک буланак	25а	86	боланак	187
بولوك бәлүк	24а	84	болук	188
يايندى јајинди	56	18	јајинды	195
يالكا јәлка	46	13	јәлка	201

1	2	3	4	5	
يېنىدى	jыjынды	66	22	јијинди	202
جانباز	жанбаз	7а	24	жонбоз	208
جهان	жах,аң	156	55	чыхан	208
جيرا	жоjра	76	25	жира	208
ايلادی	әjләди	16а	57	иләды	209
يېلى صو	jылы сув	13а	47	ылы сув	209
اسنادى	а : снады	9а	32	әснади	178
اسرىك	а : срик	19а	67	әсрик	178
اتاك	ä : тәк	156	56	әтәк	178
اشكاك	ä : шкән	21а	74	әшкан	178
بادانه	баданах,	19а	68	бадана	179
باياندى	бәjәнды	66	22	баjанды	179
بالطر	болтыр	186	67	балтыр	180
بهادر	баһ,адыр	206	72	бах,адур	181
باجىك	бәчик	86	31	бәжик	181
چوكوندور	чукундур	196	69	Жукундур	209
چوملاك	Чөмләк	116	40	жумлак	209
ايار	иjәз	76	26	ыjаз	209
اياردى	иjарди	10а	34	ыjарды	209
ايزدادى	издәди	286	97	ыздады	209

Этот разнобой наблюдается не только в транскрипции, но и в записях арабским шрифтом. Например, слово **مويوز** «муйуз» (296, стр. 101), имеющееся в подлиннике, напечатано в индексе в искаженной форме: **بويز** «боjуз» (стр. 186). Или же слово **دارت** «дарт» (256, стр. 88), имеющееся в тексте, напечатано в индексе **دارد** «дард» (стр. 194); в тексте: **يومورطقا** «жумуртка» (76, стр. 26), в индексе **يومورطقا** «жумуртка» (стр. 207); **بوراچوق** «бувурачук» (196, стр. 68), в индексе **بويورچوق** «буjурчук» (стр. 189); в тексте **بولاناق** «буланак» (26а, стр. 86), в индексе: **بولغاق** «булгак» (стр. 190) и т. д.

Следует отметить, что не все тюркские слова, имеющиеся в рукописи, охвачены в индексе. Примером могут служить слова типа **домры** (156, стр. 56), **јиринди** (6а, стр. 20), и (166, стр. 60), **jури барди** (10а, стр. 35), **jадилар** (41а, стр. 107) и т. п., которые не вошли в индекс. Поэтому несмотря на то, что в индекс вошли слова с непереуведенных страниц рукописи, общее количество всех тюркских слов в нем не превышает 2042. Это означает, что около 1000 слов в упомянутом индексе отсутствует. Относительно же нумерации листов и страниц в книге можно сказать, что они в большинстве своем неверны. Поэтому не всегда удается по номерам, имеющимся в индексе, найти в тексте нужные слова. Например, слова **ايل شاپتى** «әл шапти» (стр. 175), **ايار** «әjар» (стр. 175), **الشايدى** «әлшаjди» (стр. 176), **انوك** «әнук» (стр. 176), **ارتا** «әрта» (стр. 177),

«эрүк» (стр. 177), «баға» (стр. 179), «баша» (стр. 181), «болса» (стр. 188), «буғлатты» (стр. 189), «гәшүр» (стр. 192), «дәпә» (стр. 194), «дәрд» (стр. 194), «дузағ» (стр. 194), «жатак» (стр. 208), «жавурчи» (стр. 208), «жәкман» (стр. 208), «жәрчи» (стр. 208), «жукур» (стр. 209) и т. п. отсутствуют на страницах перевода, на которые даны ссылки.

В заключение хочется обратить внимание автора на имеющуюся неточность в вынесенной на обложку названии рукописи. Название рукописи на обложке книги транскрибировано следующим образом: Аттух-фатуз закнйату филлуғатит туркия, где элемент ту, присоединенный к слову закнйа, отсутствует в подлиннике сочинения (эта неточность имеется и в арабском начертании названия рукописи на титульном листе книги), тогда как на первой странице рукописи название сочинения дано в следующем написании: التحفة الزكية فى اللغة التركيه
Ат-тухфат-уз-закнйя филлу-
гат-ит-туркийя.

А. Шукюрли

О РАБОТЕ III ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

III тюркологическая конференция, организованная ЛО Института востоковедения АН СССР и проходившая 2—4 июня 1969 г. в Ленинграде, была посвящена памяти замечательного русского тюрколога Платона Михайловича Мелиоранского (1868—1906), оставившего за свою недолгую жизнь глубокий след в отечественной тюркологии.

В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Абакана, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Бухары, Казани, Карши, Коканда, Кызыла, Новосибирска, Нукуса, Тарту, Ташкента, Тбилиси, Уфы, Ферганы, Черкесска, Берлина (ГДР), Улан-Батора (МНР).

Программа конференции включала два пленарных заседания, на которых были заслушаны доклады, освещающие разные стороны научной деятельности П. М. Мелиоранского, и симпозиумы по двум темам: филологической — «Памятники тюркской письменности и фольклора (проблемы филологического изучения)» — и исторической — «Раннесредневековая история тюркских народов».

Раскрытие общего значения трудов П. М. Мелиоранского, в основном в области тюркского языкознания, не утративших своего научного значения и до наших дней, был посвящен содержательный доклад А. Н. КОНОНОВА «П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология».

В остальных докладах, прочитанных на пленарных заседаниях, освещались отдельные стороны научной деятельности П. М. Мелиоранского.

Историко-литературное и фольклористическое значение работы П. М. Мелиоранского «Сказание об Едигее и Тохтамыше» было раскрыто в докладе акад. В. М. ЖИРМУНСКОГО (Ленинград) «П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей». Оценка научных достижений П. М. Мелиоранского в области изучения письменных памятников тюркских языков содержалась в докладе А. М. ЩЕРБАКА (Ленинград) «П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюрк-

ской письменности». Научным достоинствам известных работ ученого в области изучения казахского языка был посвящен доклад акад. С. К. КЕНЕСБАЕВА (Алма-Ата) «П. М. Мелиоранский и изучение казахского языка». Э. Р. ТЕНИШЕВ (Москва) в докладе «П. М. Мелиоранский-языковед» подробно осветил круг лингвистических проблем, которыми занимался ученый. Анализ труда П. М. Мелиоранского «Араб-филолог о монгольском языке» и толкование его наблюдений с точки зрения современной монголистики содержался в докладе Д. А. АЛЕКСЕЕВА (Ленинград) «П. М. Мелиоранский-монголист». О высоких научных достоинствах трех известных работ ученого об ориентализмах древнерусского языка домонгольского периода шла речь в докладе А. И. ПОПОВА (Ленинград) «П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке». Анализ затронутых П. М. Мелиоранским вопросов тюркской топонимии содержался в докладе Г. Ф. БЛАГОВОЙ (Москва) «П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии».

Доклады участников филологического симпозиума были посвящены проблемам тюркского языкознания, фольклористики, литературоведения, палеографии, филологического анализа письменных памятников.

Э. Н. НАДЖИП (Москва) («XIV век — век становления тюркских литературных языков») говорил об условиях и путях формирования региональных тюркских литературных языков в XIV в. и об их роли в становлении современных литературных языков. Г. А. АБДУРАХМАНОВ (Ташкент) в докладе «Об изучении памятников старотюркской письменности XI века» подчеркнул необходимость изучения «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Дивана» Махмуда Кашгарского и других памятников для воссоздания истории отдельных языков и отметил отставание разработки вопросов исторического синтаксиса тюркских языков. Проблемы разработки принципов изучения языков, представленных письменными памятниками, и связанные с

ними лингвистические вопросы обсуждались в докладах С. Н. ИВАНОВА (Ленинград) «О некоторых принципах исследования памятников тюркских языков», Д. М. НАСИЛОВА (Ленинград) «К проблеме лингвистического изучения памятников тюркской письменности», Э. А. ГРУНИНОЙ (Москва) «К вопросу о варианте нормы в изучении истории турецкого языка». Доклад Н. Н. ДЖАНАШИИ (Тбилиси) «О каузативе в турецком языке» был посвящен характеристике субъектно-объектных отношений каузативных глаголов и проблеме разработки схемы дистрибуции алломорфов показателя каузатива. В докладе Р. Р. ЮСИПОВОЙ (Москва) «Турецкая фразеология» была предпринята попытка отграничения фразеологических единиц от сложных слов и свободных словосочетаний и разработки структурных моделей фразеологических единиц в турецком языке.

О древнерусских письменных памятниках как о возможных источниках для изучения некоторых проблем сравнительной фонетики тюркских языков говорилось в докладе И. Г. ДОБРОВОДОВА (Москва).

В докладе Г. П. МЕЛЬНИКОВА (Москва) «О специфике тюркского синтаксиса» была предпринята попытка вскрыть сущность предикации на основе анализа механизма отражения внешней действительности в сознании и далее в языке.

Предикация, по мнению докладчика, заключается в мыслительном процессе, представляющем смену образа исходного состояния понятийной единицы образом нового ее состояния. Знаки языка, соответствующие образу исходного состояния, есть тема (Т), знаки, выражающие новый образ — рема (Р). Специфика тюркского синтаксиса заключается в том, что сообщение (С) состоит из темы, ремы, представляющей повторенную тему, и уточнителей (У), выражающих черты, отличающие новый образ от исходного (С = Т + У₁У₂У₃Т).

О научных достоинствах исследований П. М. Мелиоранского в области казахского фольклора речь шла в докладах Н. С. СМЕРНОВОЙ (Алма-Ата) «Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским» и акад. М. С. СИЛЬЧЕНКО (Алма-Ата) «Рецензия П. М. Мелиоранского на казахскую поэзию».

Были отмечены высокие достоинства методики исследований П. М. Мелиоранского и удачное сочетание подходов филологического и этнографического, позволившие исследованиям П. М. Мелиоранского стать образцом для последующих публикаций в этой области. В докладе «Тувинская фольклористика» А. К. КАЛЗАН (Кызыл) рассказал о фольклористической работе в Туве.

В докладе М. А. УСМАНОВА (Казань) «Сюжет эпоса «Едигей» в татарской исторической литературе XVII в.» были приведены новые данные об использовании материалов эпоса «Едигей» в татарской исторической литературе XVII в. и отмечена высокая ценность эпоса как источника по истории тюркских народов СССР.

Вопросам поэзии были посвящены доклады А. М. ЩЕРБАКА (Ленинград) «Трактат Бабура об арузе и его значение для исследования творчества Навои», где было раскрыто значение трактата Бабура как одного из самых обширных и обстоятельных сочинений по теории классического стихосложения и как источника для изучения классической узбекской и таджико-персидской поэзии, и И. В. СТЕБЛЕВОЙ (Москва), посвященный анализу поэтических особенностей сказания «Огуз-наме».

В сообщении Е. И. УБРЯТОВОЙ (Новосибирск) внимание было акцентировано на некоторых злободневных вопросах изучения древнетюркских памятников МНР. Филологический анализ тюркских письменных памятников содержался в докладах З. Б. МУХАМЕДОВОЙ (Ашхабад) «Анонимный рукописный дорожник XIX в., хранящийся на Восточном факультете ЛГУ» и Э. И. ФАЗЫЛОВА (Ташкент) «О неизвестном памятнике XIII—XIV вв.».

На заседаниях исторической секции было прочитано восемь докладов.

С. Г. АГАДЖАНОВ (Ашхабад) осветил проблему этнической взаимосвязи огузов и туркмен на протяжении X—XV вв. Докладчик пришел к выводу о том, что туркмены являются потомками огузов, смешавшихся с другими народами. Разница между огузами и туркменами, отмечаемая как в нарративных источниках, так и в археологическом материале, существовала во внешнем облике, быту и верованиях. Термины «огуз» и «туркмен» претерпели значительные изменения: 1) в I четверти XI в. название «туркмен» прилагалось лишь к части туркмен, 2) во II четверти XI—XII в. название «туркмен» получило широкое распространение, 3) с XII по I четверть XIII в. термин «огуз» вытесняется в Средней Азии названием «туркмен», 4) в XIV—XV вв. термин «огуз» исчезает.

Б. Е. КУМЕКОВ (Алма-Ата) на основании тщательного анализа нарративных источников нашел подтверждение ценным сведениям ал-Идриси о стране кимаков у других средневековых авторов. Докладчик пришел к выводу о наличии у кимаков городской культуры, отождествил озеро Гаган с системой Алакольских озер и нанес на современную карту район расположения кимакских городов в X — начале XI в., в том числе к югу от Прииртышья.

Исследовав лексику местных албанских нарративных источников VI и VII вв. и современных албанско-дагестанских языков, В. Л. ГУКАСЯН (Баку) пришел к выводу о том, что турки селились на территории современного Азербайджана задолго до XI в., а именно с IV—V вв. н. э.

О языковой тюркизации Азербайджана в XI—XII вв. и данных современной топонимии, позволившей установить этнонимы восемнадцати огузских племен, сообщил Р. А. ГУСЕЙНОВ (Баку).

На проблему древнетюркской общности, культурно-исторической консолидации крупных этнических объединений тюрков с VI по X вв. обратил внимание собравшихся

А. Д. ГРАЧ (Ленинград), который считает, что делить этот период на более мелкие нет достаточных оснований, можно говорить лишь о смене династий в это время.

Б. И. МАРШАК (Ленинград) говорил о недостаточности зафиксированного в рукописях эпизода о столкновении сасанидского шаха Бахрам-Гура с тюрками на восточной границе Ирана в первой трети V в. Докладчик считает, что эта легенда появилась в сасанидском обществе в VII в. во время победоносной войны тюрков с иранцами. К этому выводу Б. И. Маршак пришел после критического анализа противоречий в этнической и географической терминологии в нарративных источниках.

Интересную интерпретацию некоторых терминов и географических названий, встречающихся в древнетюркских памятниках, предложил М. И. БОРГОЯКОВ (Абакан); например, слово «хан», обычно встречающееся в форме «ханым», он переводит как «мое государство, мое правление, моя родина, моя страна».

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ (Ленинград) обследовал в 1968 г. хранящееся в Центральном Государственном музее МНР в Улан-Баторе каменное изваяние («каменная баба») с древнетюркской надписью. В 1936 г. надпись была предварительно переведена на основе фотографии и рисунка плохого качества С. Е. Маловым. Визуальное изучение надписи позволило С. Г. Кляшторному дать ее новый перевод и определить, что она составлена Тоньюкуком, виднейшим политическим деятелем второго тюркского каганата в период между 687—691 годами. Это дает возможность признать ее древнейшей датируемой тюркской надписью.

В принятом на конференции решении была отмечена полезность переиздания избранных сочинений П. М. Мелиоранского,

остающихся образцом исследования в целом ряде областей тюркологии.

В решении подчеркивалась необходимость обращения особого внимания на изучение памятников древне- и старотюркской письменности и на этой основе создания удовлетворительной классификации тюркских языков и уточнения терминологии; была также подчеркнута важность публикации вновь открытых памятников и повторных изданий некоторых опубликованных памятников на основе современных научных исследований.

Конференция обратила внимание на необходимость повышения общего уровня теоретической подготовки тюркологов и, с этой целью, введения в программу филологических и восточных факультетов университетов и педагогических институтов тюркоязычных республик курса по общей тюркологии.

Учитывая общественную и политическую важность изучения проблем тюркологии, связанных с национальным и культурным развитием тюркоязычных республик и автономных областей Советского Союза, конференция с удовлетворением отметила реализацию предложения о создании всесоюзного органа тюркологов СССР — журнала «Советская тюркология».

Конференция считает необходимым создать научный совет по тюркологии при Совете координации востоковедных исследований, сделать постоянными ежегодные тюркологические конференции и всемерно содействовать созыву Всесоюзного тюркологического съезда.

IV тюркологическую конференцию решено посвятить 900-летию со времени создания выдающегося памятника тюркской письменности — «Кутадгу билиг».

В. Г. Гусев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева

БЕРЛИНСКИЙ ФОРУМ АЛТАИСТОВ

С 29 августа по 3 сентября 1969 г. в Берлине (ГДР) состоялась XII сессия Постоянной Интернациональной Алтаистической Конференции (ПИАК), созданная Академией наук ГДР и Берлинским государственным Гумбольдтовским университетом. Основной темой ежегодных сессий ПИАК является проблема генетического родства алтайских языков: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (и, возможно, корейского и японского). Как и прежде, в работе нынешней сессии принимали участие не только лингвисты, но и литературоведы, этнографы, историки и фольклористы, занимающиеся соответствующими областями алтаеведения.

В работе сессии принимали участие представители многих стран Европы, Азии и Америки и среди них такие известные зарубежные ученые, как А. фон Габэн, Л. Лигети, Л. Базен, А. Титце, А. Зайончковский, Б. Ринчен и др. Всего на XII сессии ПИАК присутствовало более 200 человек. Делегация из СССР была самой представительной. Из нашей страны на сессию ПИАК прибыло 38 ученых. Среди них были также крупные специалисты, как А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Г. Д. Санжеев, С. К. Кенесбаев, П. А. Азимов, М. С. Сильченко, В. И. Цинциус, Т. А. Бертагаев, А. С. Тверитинова, Н. П. Шастина и др. Возглавлял советскую делегацию А. Н. Кононов.

Основная работа ПИАК проходила в форме докладов и их обсуждений на пленарных и секционных заседаниях. Тематика докладов была весьма разнообразной. Часть из них имела непосредственное отношение к проблеме доказательств справедливости гипотезы родства алтайских языков, остальные касались отдельных вопросов языка, литературы, фольклора, этнографии и истории алтайских народов.

На открытии XII сессии ПИАК проф. Х. Ф. Юнкер в докладе «20 лет алтаистики в ГДР» рассказал о достижениях немецких ученых в области исследования языка и истории алтайских народов. В частности, докладчик отметил, что в ГДР хранится

свыше 1000 памятников древнеуйгурской письменности, часть которых еще не изучена и не опубликована. Большую работу в этом направлении ведет в Гумбольдтовском университете группа молодых ученых под руководством Г. Хазаи.

Генеральный секретарь ПИАК Д. Шинор, говоря о состоянии и задачах междunarодных алтаистических исследований, призвал к укреплению научного сотрудничества ученых мира в разрешении проблем алтаистики и отметил большой вклад, внесенный советскими специалистами в алтаистику.

Одно из пленарных заседаний было посвящено научной деятельности известного немецкого востоковеда В. Банга в связи со 100-летием со дня его рождения. Проф. А. Н. Кононов и проф. А. фон Габэн рассказали о больших заслугах В. Банга в деле создания немецкой алтаистической школы. Он является основателем берлинского архива и одним из первых выдающихся исследователей памятников уйгурских текстов, автором многих работ, имеющих большое значение для развития алтаистики, а также воспитателем целой плеяды тюркологов-ориенталистов, таких как К. Менгес, Г. Ярринг, М. Рясанен, А. Зайончковский, С. Чагатай, А. фон Габэн и др.

Доклады, посвященные непосредственно проблеме генетического родства алтайских языков, были представлены в основном советскими учеными. А. Н. Кононов, рассматривая тюркские аффиксы собирательности и множественности, показал на широком алтаистическом фоне несостоятельность попыток сведения любого тюркского аффикса к некогда самостоятельному слову. Многие современные аффиксы алтайских языков исторически сложились в результате сращения различных аффиксов с близким значением.

На материале каузативных аффиксов эту идею подтвердил в своем докладе И. В. Кормушин. С. Н. Муратов довольно убедительно показал, что если рассматривать тюркские языки в сопоставлении с другими алтайскими языками, то широко рас-

пространенный тюркский аффикс *-даш* может быть сведен к общеалтайской морфеме с тем же значением. На основании сопоставления как лексических, так и грамматических элементов тюркских и монгольских языков С. К. Кенесбаев приходит к выводу о невозможности объяснить очевидные параллели, наблюдаемые в сравниваемых языках, только результатом их длительного взаимодействия. К аналогичным выводам приходят также Б. С. Орузбаева и А. А. Дарбеева. М. З. Закиев анализирует строй алтайских языков на уровне синтаксиса и обнаруживает, что для оформления простого предложения во всех алтайских языках используются лишь два типа связи слов: конкретизирующая (атрибутивная) и предикативная. Исходя из предположения, что ведущей грамматической тенденцией (детерминантой) всех алтайских языков является принцип экономии аффиксов, Г. П. Мельников показывает, что различия в строе тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков можно объяснить неравномерностью эволюции этих языков в направлении указанной тенденции. Для исследований О. П. Суника, В. И. Цициус, О. А. Константиновой и В. Д. Колесниковой отправной точкой при доказательстве генетического родства алтайских языков служили прежде всего тунгусо-маньчжурские материалы. Анализируя возвратные местоимения, термины родства, названия жилища и частей тела, эти ученые продемонстрировали материальное родство слов указанной тематики во всех группах алтайских языков и привели основные звуковые соответствия между ними.

Наиболее важной проблеме звуковых соответствий в алтайских языках — проблеме ротацизма и ламбдаизма — был посвящен доклад Г. Д. Санжеева. Венгерский ученый А. Рона-Таш выдвинул интересную гипотезу о древнейшем влиянии индоевропейских языков через тахарский на тюркские языки.

В значительном числе докладов рассматривались актуальные вопросы тюркологии. Н. А. Баскаков изложил стройную теорию описания структуры тюркских аффиксов. Интересные сведения о влиянии лексических запретов на развитие тюркских языков сообщил в своем докладе Л. Базен. Ф. Зейналов рассмотрел способы выражения модальности в тюркских языках, предложил критерии выделения модальных слов. Н. З. Гаджиева говорила о двух источниках формирования условного периода в тюркских языках. Л. А. Покровская изложила результаты исследования устойчивости тюркских терминов родства. А. Эйвазов проанализировал существующие в литературе точки зрения тюркологов в области изучения имени прилагательного. В докладе А. З. Абдуллаева излагалась гипотеза о происхождении и развитии аффикса направительного падежа из слова *гару* «рука». А. Зайончковский говорил об османско-тюрком военном трактате *Ādab-i harb*.

Ряд докладов был построен на материале изучения тюркских и монгольских исто-

рических памятников. С интересом были прослушаны доклады А. фон Габэна, Г. Хазаи, П. Циме, Э. Фазылова, С. Кляйнмихель, А. С. Тверитиновой, Ф. Рачневского, Н. Г. Мункуева, Г. Кара, И. Меликофф. Внимание собравшихся привлекли также доклады З. Корхмаз, С. Булуч, С. Атамирзоевой и Е. Таубе, в которых были рассмотрены особенности диалектов турецкого, узбекского и тувинского языков. Большой интерес вызвал доклад молодого турецкого исследователя С. Тезджана, открывшего в халаджском диалекте на территории Ирана ряд черт, сохранивших архаические особенности тюркских языков. Конкретным вопросам современных тюркских языков посвятили свои выступления А. Бодроглигети, Ф. Иж, И. Д. Циртаутас, Д. Шульц. В докладах К. М. Мусаева, Х. Калеш и С. Кекук приводились результаты исследования влияния тюркских языков на языки других систем.

Доклады, посвященные проблемам литературы и фольклора алтайских народов, заняли значительное место в секционной работе ПИАК. Был прослушан ряд докладов: М. Сильченко о типологическом изучении творчества поэтов — представителей тюркоязычных народов, И. В. Стеблевой о развитии форм аруза в тюркской литературе XI в., А. Карахана об особенностях литературы караханидского периода, М. К. Хамраева о творчестве Алишера Навои, Р. Фиша о поэтике Назыма Хикмета, И. Т. Татарлы о прозе Сабахаттина Али, Х. Биджари о поэме Шахрияра «Гейдар бабайа салам» и др.

В докладах П. Н. Боратав, Б. Брентьеса, П. Хорлоо, Г. Бетленфальви были поставлены важные проблемы фольклора тюркских и монгольских народов. О состоянии монголоведения в СССР говорила Н. П. Шастина, о принципах классификации тунгусо-маньчжурских языков — молодой японский лингвист И. Икегеми, о состоянии алтаистики в Болгарии — П. Миятев. Народным верованиям, шаманизму, этнографии, народному искусству и другим частным вопросам алтаистики были посвящены доклады и выступления Б. Ринчена, Е. Лот-Фалька, Т. А. Бертагаева, Урай-Кёхальми, Ш. Мухамедьярова, В. Ендерлейнз, Е. Эсна и др. Г. П. Фитце доложил о программе автоматического составления обратного словаря «Сокровенного сказания монголов» с помощью электронных вычислительных машин.

Всего на XII сессии ПИАК было прочитано 80 докладов, из них 34 членами советской делегации. Хотя до недавнего времени отношение советских ученых к гипотезе родства алтайских языков было весьма сдержанным, однако за последние годы их интерес к этой проблеме возрос. Результаты работы XII сессии ПИАК показали, что алтаистика в нашей стране находится на достаточно высоком научном уровне. Интерес к алтаистике в нашей стране естествен, так как представители почти всех алтайских языков проживают на территории СССР, где изучению культуры, истории, этногра-

фии, фольклора, литературы и языка алтайских народов всегда уделялось большое внимание.

На последнем пленарном заседании обсуждался ряд организационных вопросов. В частности, было решено издать материалы XII сессии ПИАК в виде специального сборника и созвать следующую, XIII сессию ПИАК в 1970 г. во Франции, в горах Страсбурге. Президентом следующей сессии

избрана французский тюрколог — госпожа И. Меликофф.

В заключение хочется отметить четкую организацию и проведение XII сессии ПИАК в Берлине. Основная тяжесть в этой работе выпала на долю ученых Академии наук ГДР, Гумбольдтовского университета и в первую очередь президента XII сессии ПИАК Г. Хазаи и его коллег.

А. З. Абдуллаев, Г. П. Мельников

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ

14—18 октября 1969 г. в Баку состоялась Всесоюзная научная конференция, посвященная пятидесятилетию старейшего в республике вуза — Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова.

В работе конференции приняли участие языковеды-тюркологи высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов Москвы, Ашхабада, Баку, Душанбе, Казани, Ташкента, Тбилиси, Уфы и других городов. Была также представлена большая группа ученых из Дагестанской АССР (г. Махачкала) и Карачаево-Балкарской АССР (г. Нальчик), занимающихся вопросами межъязыковых связей тюркских и иберийско-кавказских языков.

На конференции было заслушано и обсуждено около пятидесяти докладов и сообщений, посвященных трем проблемам: 1) сущность и природа грамматических категорий тюркских языков; 2) развитие синтаксического строя тюркских языков; 3) взаимодействия тюркских языков с другими языками.

После вступительного слова проректора Азгосуниверситета чл.-корр. АН Азерб. ССР проф. *К. М. Султанова*, открывшего работу конференции, выступил декан филологического факультета проф. *А. А. Ахундов* с докладом: «Роль ученых Азгосуниверситета в развитии азербайджанского языкознания». Докладчик отметил, что университет является первым научным центром, в стенах которого развивалось азербайджанское языкознание. Здесь работали ученые широкого профиля: проф. *Б. Чобанзаде*, акад. АН Азерб. ССР *М. Ш. Ширалиев*, чл.-корр. АН Азерб. ССР *А. М. Демирчизаде* и др.

В организации научной и учебной работы по филологии большую помощь оказали Азгосуниверситету академики *Н. Я. Марр*, *И. И. Мещанинов*, чл.-корр. АН СССР *Н. К. Дмитриев*, проф. *Н. А. Баскаков* и др.

О научном росте филологов республики свидетельствует и то, что в Азгосуни-

верситете защищаются кандидатские и докторские диссертации не только филологами Азербайджана, но также и братьских республик Средней Азии, Дагестана, некоторых вузов Москвы и других городов.

Ученые филологического факультета создали стабильные курсы на национальном языке по всему циклу филологических дисциплин, они успешно разрабатывают актуальные вопросы азербайджанского языкознания и тюркологии в целом.

Акад. АН Азерб. ССР *М. Ш. Ширалиев* (Баку) выступил с докладом «Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология». Дав краткий обзор достижений советской тюркологии за прошедшие годы, докладчик остановился на задачах нового журнала, который будет освещать актуальные проблемы изучения и практического преподавания тюркских языков, фольклора и литературы тюркоязычных народов Советского Союза.

В области лингвистики на страницах журнала найдут отражение вопросы теории и методологии, новейшие методы математической лингвистики, частные и общетеоретические вопросы фонетики, грамматики и лексики тюркских языков, их исторического развития (историческая и сравнительная грамматика и лексикология, фонетика и фонология), истории литературного языка и диалектов, вопросы стилистики и теории перевода.

В области литературоведения широко будут освещаться теоретические вопросы литературоведения и различные аспекты изучения литератур тюркоязычных народов СССР (например, советская и классическая литература, поэтика и фольклор и т. д.).

В заключение акад. *М. Ш. Ширалиев* сказал, что создание нового печатного органа тюркологов дает возможность улучшить информацию о состоянии ведущихся работ, открывает большие возможности для организации дискуссии и публикации исследований молодых авторов. Докладчик при-

звал участников конференции к активному сотрудничеству в журнале.

Проф. Ф. Р. Зейналов (Баку) выступил с докладом на малозученную в тюркологии тему: «Категория модальности и ее грамматическое выражение в современных тюркских языках». Говоря о выражении модальности, докладчик отметил, что в тюркских языках отношение высказывания и действительности передается различными способами: интонацией, наклонением глагола, порядком слов, словосочетаниями, модальными частицами и, наконец, модальными словами. Смешение модальных слов и средств выражения модальности, что особенно характерно для азербайджанского языкознания, — это результат неизученности в тюркских языках модальных слов как особой лексико-грамматической категории. Модальные слова, говорил докладчик, переходная в тюркских языках категория, она только стабилизируется. Так как модальные слова выражают отношение высказывания к реальной действительности, а также отношение говорящего к этому высказыванию с различных точек зрения, то семантические варианты их должны быть определены на этой основе. Исходя из этой посылки, выступающий считает целесообразным объединить модальные слова в тюркских языках в три группы:

- 1) модальные слова, выражающие необходимость;
- 2) модальные слова, выражающие предположение;
- 3) модальные слова, выражающие реальность, достоверность.

Доклад канд. филол. наук Г. П. Мельникова (Москва) «Тюркский строй как система» носил теоретический характер. Исходя из того, что детерминация является ведущей грамматической тенденцией языка, докладчик на примере анализа строя тюркских языков, в которых детерминанта формулируется как «принцип экономии служебных элементов», т. е. аффиксов, показывает системную взаимообусловленность всех ярусов и единиц языка.

Доктор филол. наук З. И. Будагова (Баку) в докладе «К вопросу о сложных глаголах в тюркских языках» остановилась на противоречиях и отдельных ошибках, которые, с ее точки зрения, встречаются у некоторых тюркологов при освещении понятия сложного глагола, его типов и структуры. В заключительной части выступления докладчик предложила свое толкование: «Сложный глагол характеризуется разнообразием лексического состава при наличии не менее двух слов, самостоятельным удлинением на каждом из компонентов сложного глагола; возможностью наличия различных частей речи в его составе, утратой первичного значения одним из компонентов, сохраняющих все же самостоятельность вне сочетания; употреблением в функции одного члена предложения, словоизменением второго компонента, а также структурно-семантической устойчивостью».

Доцент Н. Н. Джанашиа (Тбилиси) выступил с докладом «Система времен и на-

клонений в турецком глаголе». Выступающий отметил, что в спрягаемых формах турецкого глагола в зависимости от отношения говорящего к реальной действительности выделяется шесть форм наклонений (изъявительное, утвердительное, повелительное, желательное, долженствовательное и условное, которое имеет два поднаклонения). В каждом отдельном наклонении наблюдается наличие разного количества временных форм (от 2 до 13). Каждая временная форма наклонения, за исключением утвердительного, располагает двумя видами актов действия — очного и заочного.

Канд. филол. наук Ф. А. Ганиев (Казань) в своем докладе «О лексическом и грамматическом значении некоторых аффиксов в татарском языке» делит аффиксы на 3 группы: 1) чисто словообразовательные, 2) чисто грамматические и 3) полифункциональные. Выступающий остановился на полифункциональных аффиксах *-лык (-лек)*, *-чы (-че)* и др. и констатировал, что они в одном случае выражают грамматическую функцию, в другом — лексическую.

Доклад «О параллельной полярности указательных местоимений *бу*, *о* в азербайджанском языке» сделал канд. филол. наук Г. Г. Заринзаде (Баку). Основная мысль доклада сводилась к тому, что местоимения *бу (это)* и *о (тот)* заменяют не только отдельные слова, как пишут в грамматиках азербайджанского языка, но и словосочетания и даже целые предложения. Эту мысль автор подтверждает примерами (на материале азербайджанской литературы), извлеченными из произведений Насими, Физули, Сабира и др. писателей. Местоимения *бу*, *о*, говорит докладчик, могут выступать как грамматические антонимы.

В докладе канд. филол. наук В. И. Асланова (Баку) «О лексико-семантических параллелях в типологически разнотипных языках» рассматривались слова и сочетания (*роса*, *сырой* и др.), которые не восходят к единому источнику в азербайджанском, русском, английском и некоторых других языках. Докладчик подчеркнул, что лексико-семантические параллели в типологически разнотипных языках наблюдаются чаще всего в названии болезней, растений.

С сообщением «О природе грамматической категории» выступил Г. С. Самедов (Баку), который отметил отсутствие единства в понимании и интерпретации понятия грамматическая категория в трудах различных лингвистов. Выступивший предложил толкование грамматической категории на основе корреляции.

В сообщении проф. М. Н. Хыдырова (Ашхабад) «К вопросу установления первичных корней некоторых слов тюркских языков» были затронуты вопросы методики восстановления искомого корня и выделения исторических аффиксов в тех лексемах, в которых в процессе опрошения в настоящее время на материале одного языка это сделать трудно или вовсе не удается.

Сообщение доцентов *Н. С. Дмитриевой* и *К. Э. Закирьянова* (Уфа) «Словосочетательное и семантическое освоение русского глагола в башкирском языке» было подготовлено по материалам двуязычного словаря, в котором около 37% заимствований из русского языка в башкирский составляет глагольная лексика, связанная с новым социалистическим укладом жизни. Авторы констатируют, что не зарегистрировано ни одного случая развития у этих глаголов нового значения на башкирской языковой почве. Среди заимствованных из русского языка основ большинство является латинским, к ним прибавляются башкирские аффиксы. Такие производные слова тоже были включены в число 37% заимствованных слов.

Интересные темы затронули выступающие по проблемам синтаксиса.

В докладе проф. *Н. А. Баскакова* (Москва) «Бинарные оппозиции в структуре синтаксиса тюркских языков» были поставлены и рассмотрены сложные и недостаточно разработанные в тюркологии вопросы: словосочетание и его объем, предикативность и члены предложения. За исходное в докладе принимается мысль о наличии во всех синтаксических структурах тюркских языков двух дихотомических или бинарных конструкций, базирующихся на двух различных типах мыслительных актов в мыслительной деятельности человека. К этим двум конструкциям были отнесены: предложение, основанное на предикации, и словосочетание, основанное на атрибуции. Далее было дано определение понятиям «предложение» и «словосочетание», указаны их характерные признаки.

Проф. *А. Э. Абдуллаев* (Баку) в докладе «Пути возникновения сложноподчиненных предложений в тюркских языках» осветил исторический путь формирования сложноподчиненных предложений и разработал оригинальную их классификацию. Сложноподчиненные предложения докладчик делит на две группы: в первую включает бессоюзные сложные предложения, в которых придаточное предшествует главному; во вторую — союзные сложноподчиненные предложения. В составе первой группы выделяются две подгруппы, первая из коих оформляется на базе глагола условного наклонения, а вторая — путем слияния вопросительного и повествовательного предложений. Вторую группу союзных сложноподчиненных предложений проф. *А. Э. Абдуллаев* делит на одноядерные, образующиеся путем распространения простого предложения, один из распространенных членов которого оформляется и реализуется как придаточное, и двуядерные, восходящие к сложноподчиненным предложениям. Докладчик особо подчеркнул, что образование подчинительных союзов не может предшествовать образованию сложноподчиненных предложений с союзами, так как оба эти явления результат единого эволюционного процесса.

О двойственной природе отыменных прилагательных в тюркских языках и их

аналогах — причастных оборотах и соответствующих им прилагательных предложений — говорилось в докладе канд. филол. наук *А. Г. Гасанова* (Баку) «К специфике тюркских атрибутивных оборотов».

Доктор филол. наук *М. И. Адилев* (Баку) в докладе «О нечленимых синтаксических единицах в азербайджанском языке» затронул малоизученный аспект синтаксиса — повторы с внутренними членами. «Это такие выражения, — говорит докладчик, — в которых одно и то же слово или его дериваты выступают и в подчиняющей, и в подчиненной функции и которые появляются в языке в виде словосочетаний и предложений» (*иш ишләмәк; јазмагына јазар; гашы гаш јериндә; бөјүк бөјүкдүр, кичик кичик*).

Доцент *С. А. Соколов* (Москва) в своем докладе «Синтаксические особенности турецкого литературного языка второй половины XIX века» остановился на вопросах развития синтаксиса турецкого языка в период, когда наблюдается активное движение за очищение турецкого языка от иноязычных напластований в различных ярусах языка. В литературном языке рассматриваемого периода докладчик отмечает наличие значительного количества асиндетических конструкций, исконно присущих разговорному языку и фольклору; из союзов наиболее частотным является *ki* и составные союзы, вторым компонентом которых он выступает, и т. д.

На обширном экспериментальном материале был построен доклад проф. *З. Х. Тагазаде* «Некоторые фонетические показатели сложноподчиненных предложений в тюркских языках». Автор поставил перед собой задачу исследовать в сравнительном аспекте фонетические показатели придаточных предложений (высота основного тона, громкость и долгота, расчленение во времени, пауза и др.) и установил, что между основными частями бессоюзного сложного предложения грамматическая пауза почти в два раза продолжительнее, чем в союзном, и др. Результаты наблюдений были представлены в математическо-статистических таблицах, а записи интоналога демонстрировались кинопроекционным аппаратом.

Канд. филол. наук *Х. Исмагуллаев* (Ташкент) в докладе «Некоторые вопросы типологии простого предложения в современном узбекском языке» остановился на структурных особенностях простого предложения в узбекском языке и в связи с этим затронул некоторые аспекты выражения (эмоциональный, модальный и др.). Докладчик критически отзывался о работах (*А. Нурмахановой, М. З. Закиева* и др.), в которых утвердительные и отрицательные предложения рассматриваются как «модальные типы предложений».

Ф. Убаева (Ташкент) в сообщении «О семантико-грамматической классификации обстоятельств (на материале узбекского языка)» познакомила слушателей с выработанными ею принципами классификации и отграничения обстоятельств от дополнений.

С изучением синтаксиса узбекского языка связано было и сообщение канд. филол. наук *Р. Сейфуллаева* (Ташкент) «Вводные члены предложения в узбекском языке».

Широко и разнопланово были представлены доклады и сообщения по третьей проблеме. Здесь обсуждались вопросы взаимодействия языков, интерференции, билингвизма и др.

В коллективном докладе членов кафедры русского языкознания Азгосуниверситета *М. Т. Тагиева*, *Г. Н. Асланова*, *Р. З. Киясбейли* и *Э. Л. Львовой* «Некоторые аспекты изучения русско-тюркских языковых связей» были освещены вопросы языковых связей по материалам среднерусских памятников, по произведениям русской художественной литературы XIX в., по данным словарей современного русского языка и периодической литературы, издаваемой в Азербайджане на русском языке, а также говоров русских поселенцев в Азербайджане.

Доклад проф. *М. Т. Тагиева* (Баку) «Тюркизмы в русских письменных памятниках позднего средневековья» построен был на материалах памятников XVI—XVII вв. Докладчик остановился на словах типа *емурулк*, *терлик*, *тай*, *паз*, *терези*, *юк* и др., впоследствии вышедших из активного словарного запаса русского языка, но сохранившихся лишь в отдельных русских говорах; некоторые же из них являются достоянием только письменных памятников раннего и позднего средневековья.

О различных разрядах узбекских слов в таджикском языке, степени их освоения и употребления в различных стилях языка говорилось в докладе канд. филол. наук *Н. А. Шаропова* (Душанбе) «Некоторые вопросы обогащения лексики таджикского языка узбекскими словами».

Канд. филол. наук *А. Ж. Будаев* (Нальчик) в своем докладе «Скифо-карачаево-балкарские лексические соответствия» подверг лингво-историческому исследованию некоторые скифские, карачаевские и балкарские языковые параллели и на этой основе выдвинул гипотезу о том, что предки современных карачаевцев и балкарцев общались с теми скифскими племенами, которые были на Кавказе и которым принадлежат слова типа *alan*, *as*, *bor* и др., представленные в современном карачаевском и балкарском языках. Выступающий подверг критике этимологию слова *alan*, представленную в работе *В. И. Абеева*, и предложил новую его интерпретацию на тюркской основе.

В сообщении доцента *Н. Г. Абдуллаева* (Баку) «К этимологии географических названий, содержащих формант *ван*» рассматривались топонимы *Аркиван*, *Арциван*, *Нахичевань*, *Сарван*, *Ширван* и др., в которых автор выделяет аффикс *-ван* (вариант *-бан*), представленный как словообразовательный элемент и в современных иранских языках. Этот аффикс употребляется для производства новых слов и образует имена, обозначающие хранителя, сторожа, деятеля и т. д.

В сообщении «Язык урумов и его взаимоотношения с другими языками» *И. А. Корелов* (Груз. ССР, Цалка) познакомил участников конференции с историей формирования и развитием этого языка до 30-х гг. XIX в. в пределах Турции и после переселения — на территории Груз. ССР.

Ряд докладов и сообщений был посвящен вопросам азербайджанско-лезгинских языковых контактов, отмечалась направленность влияния старописьменного азербайджанского языка на младописьменный лезгинский.

Канд. филол. наук *Н. С. Джидалаев* (Баку) в докладе „Türkcä - Dağıstanca, его сущности и особенности» выделил три периода (гунно-хазарский, средний и азербайджанский) в тюркско-дагестанских языковых контактах, подчеркнув характерное для каждого периода.

Канд. филол. наук *В. Гукасян* (Баку) выступил с докладом «Тюркский язык и древнейший кавказский лингвистический ареал (древнейшая языковая карта Азербайджана)». Анализируя этнолингвистическую карту Азербайджана, докладчик приходит к выводу, что формирование развитого азербайджанского языка XII—XIII вв. нельзя считать заслугой только огузов и кыпчаков; он образовался на базе общенародного азербайджанского языка, в формировании которого приняли участие языки и диалекты не только тюркских племен, но и кавказских и иранских, бытующие на территории Азербайджана. Тюркский (азербайджанский) язык сложился в раннем средневековье (в VI—VII вв.), а процесс огузско-кыпчакского напластования начался с XII в.

Доклад канд. филол. наук *Ш. М. Садиева* (Баку) «К вопросу об уподоблении языков лезгинской группы азербайджанскому языку (в связи с двуязычием лезгиноязычных народностей)» построен был на материалах исследования языка и диалектов народностей лезгинской группы (лезгины, цахурцы, крызы, будухцы, хишалугцы, удины), проживающих на территории Азерб. ССР. На конкретных примерах *Ш. М. Садиев* показал, в чем заключается суть уподобления этих языков азербайджанскому языку: постепенно исчезают лабиализованные согласные и абруптивные, характерные для лезгинских языков Дагестана и отсутствующие в азербайджанском языке; возникают смежные звуки, близкие к лабиализованным гласным азербайджанского языка. Процесс уподобления охватывает и другие ярусы языка, однако глубина его в различных ярусах неодинакова.

Несколько с иных позиций анализировались взаимоотношения лезгинского и азербайджанского языков в докладе канд. филол. наук *А. Г. Гюльмамедова* и *Б. В. Талыбова* (Махачкала) «О типах интерференции (на материале азербайджанского и лезгинского языков)». Авторы привели данные исследования лезгинских говоров в Кубинском и Куткашенском районах Азерб. ССР и отмечали, что куткашенские говоры лезгинского языка испытали очень сильное

влияние азербайджанского на всех уровнях языка, однако при освоении азербайджанских элементов в рассматриваемых говорах имели место различные типы интерференции: фонетико-морфологической, морфологической, лексико-семантической и др.

Канд. филол. наук *Р. И. Гайдаров* (Махачкала) выступил с докладом «Языковые контакты лезгин и азербайджанцев и их роль в развитии и обогащении лезгинского языка». Докладчик подчеркнул наличие разносторонних связей в прошлом и настоящем между лезгинами и азербайджанцами, указал на то, что в пределах Даг. АССР в настоящее время ослабевает влияние азербайджанского языка, однако лексические заимствования из азербайджанского языка в речи лезгин занимают прочное место, их около 1500.

Рассмотрению продуктивных в современном табасаранском языке азербайджанских аффиксов (-чи, -лу, -ламиш, -миш, -лар) было посвящено выступление *Т. Н. Эфендиева* (Даг. АССР) «Азербайджанские словообразовательные элементы в табасаранском языке».

Доклад доцента *Т. М. Гарипова* (Уфа) «Структурно-типологическая модель кыпчакского вокализма» был посвящен характеристике звукового строя кыпчакских языков и на этой основе уточнению места башкирского языка в структурно-типологической классификации тюркских языков. В связи с разным отражением пратюркских гласных в башкирском и родственном ему татарском языках постулируется выступающим идея существования так называемого *Schwa turcicum* (по аналогии с *Schwa indogermanicum* и *Schwa uralicum* для языков иных семей).

О билингвизме и изучении третьего языка говорилось в докладе проф. *Л. Ю. Барсука* (Баку) «Некоторые экстралингвистические вопросы характеристики билингвизма». Докладчик подчеркнула, что учащийся национальной школы, владеющий, кроме механизмов родной речи, потенциальными возможностями развития механизмов русской речи, объективно поставлен в более благоприятные условия, чем учащийся, начинающий изучать другой язык впервые. Однако эти условия, говорит докладчик, должны быть управляемы, иначе стихийный лингвистический опыт приносит минимальную пользу, а в некоторых случаях, при отсутствии профилактики интерферирующих влияний, даже вред.

На конференции было заслушано сообщение по лексикографии проф. *М. Т. Тагиева* «Актуальные вопросы тюркско-русской лексикографии» в связи с подготовкой к составлению Институтом языкознания АН

Азерб. ССР азербайджанско-русского словаря. Это сообщение вызвало большой интерес, так как в нем были сформулированы новые требования, которым должен отвечать на современном этапе развития лексикографии двуязычный словарь. С точки зрения выступающего, современный двуязычный словарь должен отражать прежде всего изоморфизм семантической соотносительных единиц сопоставляемых языков, показать состав, формы окружения и распространения лексических единиц.

Вопросам уточнения авторства и места написания глоссария Ибн-Муханны посвятил свое выступление *Ю. З. Ширвани* (Баку) «Некоторые замечания по поводу Ибн-Муханны и его глоссария».

С речью к участникам конференции обратился директор Мексиканского летнего института языков господин *Камерон Ульям Таунсенд*, принявший участие в ее работе во время пребывания в г. Баку. Оратор отметил, что он счастлив присутствовать на представительной конференции тюркологов Советского Союза и приветствовать их. Далее господин *К. У. Таунсенд* говорил о прекрасных возможностях и хороших условиях работы у советских тюркологов, о большой плодотворной работе ученых, усовершенствовавших алфавиты и письменность тюркских народов, проживающих в Советском Союзе. Сотрудники возглавляемого господином *К. У. Таунсендом* института изучают свыше 130 языков; для говорящих на этих языках народов они пытаются создать письменность на основе испанского алфавита. В заключение своего выступления господин *К. У. Таунсенд* говорил о необходимости использовать положительный опыт советских языковедов в создании письменности для бесписьменных народов.

В обсуждении докладов и сообщений приняли участие чл.-корр. АН Азерб. ССР *А. А. Оруджев*, чл.-корр. АН Азерб. ССР *А. М. Демирчицаде*, проф. *М. Гусейнзаде*, проф. *Н. Агазаде*, проф. *С. Джафаров*, проф. *Ю. Сеидов*, канд. филол. наук *И. Х. Ахматов*, *А. Г. Алекперов*, *А. Х. Соттаев* и др.

Конференция приняла решение просить Министерство высшего и среднего специального образования СССР санкционировать проведение всесоюзных научных конференций по тюркским языкам каждые три года.

Очередную конференцию 1972 года было решено провести в гор. Нальчике. Определение круга научных проблем и проведение подготовки конференции поручили *Кабардино-Балкарскому госуниверситету*.

Издание материалов бакинской конференции отдельной книгой планируется на 1970 год.

М. И. Адилев, Г. Н. Асланов

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

10—11 июня 1969 года в Баку было проведено республиканское совещание, посвященное вопросам культуры речи азербайджанского народа. В работе совещания приняли участие ученые, писатели, искусствоведы, представители прессы, радио и телевидения, преподаватели высших и средних школ. Впервые был обсужден широкий круг вопросов речевой культуры одного из тюркоязычных народов нашей страны.

Академик *М. Ш. Ширалиев* в своем докладе говорил об общих теоретических вопросах культуры речи, о специфике устной речи, о путях ее развития. Д-р филол. наук *А. З. Абдуллаев* всесторонне осветил такие вопросы культуры речи, как выбор лексических средств, использование в речи приемов художественной выразительности, соблюдение орфоэпических норм, правильность и значение интонации и др.

Велика роль прессы в коммунистическом воспитании трудящихся, в пропаганде научно-политических знаний среди широких масс. Язык прессы поэтому должен быть простым и ясным. Пресса призвана также активно содействовать делу повышения культуры речи народа. Однако в языке некоторых газет и журналов допускаются серьезные ошибки в построении предложения, в употреблении отдельных слов, терминов. Обо всем этом в путях устранения этих недостатков говорилось в докладе д-ра филол. наук *М. Адилова*.

Роль художественной литературы в общественной жизни, как известно, не ограничивается только воспитательными функциями. Литература одновременно обогащает язык, нормализует его, занимая в этом процессе ведущее место. И не случайно, лучшие ораторы, докладчики, агитаторы и пропагандисты, выступая перед массами, часто обращаются к произведениям мастеров слова, что делает их речь более яркой, доходчивой и убедительной.

Все эти вопросы были подняты в докладе канд. филол. наук *А. Багирова*, посвященном языку художественных произведений. Докладчик указал также на наличие в некоторых произведениях языковых оши-

бок, нелитературных оборотов, неоправданного увлечения диалектизмами и т. д.

Одним из важных вопросов, поднятых на совещании, был вопрос о нормах орфографии и орфоэпии. В своем докладе канд. филол. наук *А. Эфендизаде* говорил о причинах трудностей, возникающих в связи с усвоением учащимися орфографических правил. Докладчик выдвинул предложение об уточнении некоторых существующих правил орфографии азербайджанского языка и об издании нового, более совершенного орфографического словаря.

Большой интерес у участников совещания вызвало выступление д-ра филол. наук *Н. Агазаде*, говорившей о необходимости постоянной заботы о чистоте родного языка.

Преподаватель языка и литературы бакинской школы № 17 *С. Мирзаде* посвятил свое выступление проблеме развития речевых навыков у учащихся и роли, которую должны в этом деле играть семья и школа.

Народный артист Азербайджанской ССР *А. Зейналов* затронул вопрос о сценическом мастерстве, важнейшим компонентом которого является язык актера. Он указал на то, что некоторые актеры, а также дикторы радио и телевидения мало работают над языком своих выступлений, не всегда придерживаются норм литературного произношения. Оратор призвал азербайджанских языковедов глубже изучать язык сцены, оказывая этим помощь работникам театра.

На совещании выступили также писатели *С. Рагимов*, *А. Касумов*, редактор журнала «Азербайджан коммуниста» *К. Рагимов*, канд. филол. наук *Б. Набиев*, *А. Гасанов*, *М. Мамедов* и другие. Они отметили актуальность обсуждаемого вопроса, касающегося многих сторон культурной жизни, и подчеркнули необходимость разработки широкой программы мероприятий по повышению культуры речи. Выступавшие отмечали также серьезные недостатки в употреблении в научной и другой литературе отраслевых терминов.

Ход совещания ясно показал, что в области культуры речи предстоит еще решить целый ряд вопросов. Культура речи, образность мышления, точность и четкость в передаче мыслей и чувств — все это должно постоянно находиться в центре внимания интеллигенции.

В последнее время интерес к вопросам культуры речи постоянно растет, что ставит серьезные задачи перед нашими учеными-языковедами. Разработка теоретических

вопросов орфографии, орфоэпии, пунктуации, терминологии, стилистики и др. должна осуществляться в непосредственной связи с практическими задачами. Постоянное внимание печати к практическим вопросам языка, регулярная трансляция по радио и телевидению выступлений лучших мастеров слова должны способствовать повышению уровня общей речевой культуры народа.

М. Касумов

ИТОГ МНОГОЛЕТНИХ ПОИСКОВ

Среди казанских фольклористов бытует шуточная поговорка: «Где не бывал Хамид-киши — там и татар ты не ищи!»

Речь идет об известном татарском фольклористе, заведующем сектором народного творчества Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР Хамиде Хуснутдиновиче Ярмухаметове. И в этой шутке его коллег — большая доля правды. Достаточно сказать, что за свою многолетнюю научную деятельность неутомимый ученый организовал и возглавил 30 фольклорных экспедиций. Собирая памятники устно-поэтического творчества татарского народа, Х. Х. Ярмухаметов посетил более 100 районов и около 500 населенных пунктов Татарской АССР, Мордовии, Удмуртии, Марийской республики, Чувашии, Пензенской, Рязанской, Астраханской, Волгоградской, Ульяновской, Новосибирской, Тюменской, Омской областей.

Наряду с собирательской работой Х. Х. Ярмухаметов занимался систематизацией и классификацией собранного материала. Подготовленные и опубликованные им произведения татарского фольклора составляют не один том. Сюда входят: антология «Татарское народное творчество», два тома «Татарских народных сказок», «Банты» (самобытный жанр татарского фольклора), «Татарские народные песни», «Татарские народные пословицы и поговорки» и др.

«От собирательской работы, от непосредственных записей он шел к научной текстологии; научно-текстологическая работа позволила ему осмыслить и обобщить весь имеющийся материал и прийти к определенным научным выводам», — сказал видный башкирский фольклорист проф. А. Н. Киреев в своем выступлении в качестве официального оппонента по докторской диссертации Х. Х. Ярмухаметова, публичная защита которой состоялась в конце октября 1969 года на заседании Объединенного Ученого совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР (Алма-Ата).

Диссертационная работа Х. Х. Ярмухаметова «Поэтическое творчество татарского народа» состоит из трех томов. Первый том представляет собой монографическое исследование об основных жанрах татарского фольклора. Во втором и третьем томах, об-

щий объем которых превышает 50 а. л., представлены произведения всех жанров поэтического творчества татарского народа, записанные и систематизированные самим автором.

Как официальные оппоненты (кроме А. Н. Киреева, ими были еще действительный член Академии педагогических наук СССР проф. М. Г. Габдуллин и д-р филол. наук И. Т. Дюсенбаев), так и выступавшие в прениях ученые: члены-корреспонденты Академии наук Казахской ССР профессора Н. С. Смирнова, Г. Г. Мусабаев, канд. истор. наук Г. Н. Валиханов и другие единодушно отметили, что докторская диссертация Х. Х. Ярмухаметова — это весомый вклад в фольклористическую науку.

Объединенный Ученый совет по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР принял единогласное решение о присуждении Х. Х. Ярмухаметову ученой степени доктора филологических наук.

Х. Махмутов

ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ БАТМАНОВ

8 января 1969 г. после тяжелой болезни скончался заведующий отделом общей тюркологии и дунгановедения Академии наук Киргизской ССР, академик АН Кирг. ССР, заслуженный деятель науки Киргизской ССР, доктор филологических наук, профессор Игорь Алексеевич Батманов.

И. А. Батманов родился 28 октября 1906 г. в семье служащего в гор. Луцке Украинской ССР. В 1913 г. он поступает в гимназию и впоследствии, уже в 1923 г., кончает социально-экономическую профшколу. С 1924 г. у Игоря Алексеевича начинается трудовая деятельность в качестве воспитателя детдома, учителя начальной школы. Еще в 1922 г. в порядке самообразования он начинает изучать тюркские языки.

После завершения востоковедного об-

разования в г. Киеве И. А. Батманов с 1930 г. работает в Средней Азии, в том числе и в Киргизии, в исследовательских учреждениях и вузах. Ученый принимал активное участие в решении важнейших теоретических и практических вопросов киргизского языка. Один из первых русских исследователей этого языка, он стал авторитетным специалистом и по общей тюркологии. Многогранность исследовательской деятельности и широкий диапазон исследований поставили Игоря Алексеевича в один ряд с крупнейшими тюркологами.

В 1934 г. И. А. Батманов утверждается в ученом звании доцента по кафедре языкознания. С 1951 г. он работает в Киргизском филиале Академии наук СССР в должности заместителя директора по научной работе Института языка, литературы и истории, а с 1954 г. — директором Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР, зав. кафедрой киргизского языка и литературы Киргизского женского педагогического института; с 1959 г. — зав. сектором общей тюркологии, с 1963 г. — зав. отделом общей тюркологии и дунгановедения АН Киргизской ССР.

В 1941 г. И. А. Батманов получил ученую степень кандидата филологических наук, в 1950 г. ученую степень доктора филологических наук, а в 1954 г. был утвержден в ученом звании профессора. Признанием заслуг И. А. Батманова перед советской наукой явилось избрание его в 1954 г. действительным членом Академии наук Киргизской ССР.

Труды Игоря Алексеевича охватывают как общие вопросы тюркологии, так и вопросы теории и практики киргизского языка. Глубокие знания, широта научного мировоззрения гармонично сочетались у Игоря Алексеевича Батманова с большим педагогическим и организаторским талантом.

Много времени и энергии отдавал он редактированию работ своих учеников и сотрудников.

Следует отметить большую работу И. А. Батманова как в роли преподавателя, так и консультанта по вопросам языкознания, тюркологии. Его бывшие ученики ра-

ботаюте ныне учителями средних школ во всех районах республики, преподавателями техникумов, вузов, сотрудниками издательских и научных учреждений.

Игорь Алексеевич Батманов много работал и с аспирантами. Многие из них под его руководством защитили кандидатские диссертации и в настоящее время занимаются самостоятельной научно-исследовательской работой. Под его руководством более 10 человек защитили кандидатские диссертации.

Как ученый-педагог, И. А. Батманов за время работы в вузах создал ряд весьма оригинальных теоретических курсов общей тюркологии, киргизского языкознания, сопоставительной грамматики русского и киргизского языков. Его лекции отличались содержательностью и доходчивостью. Он активно участвовал в работе республиканского журнала «Мугалимерге жардам» как член редколлегии этого журнала.

Игорь Алексеевич Батманов начал печататься в 30-х годах. Труды его получили широкое признание среди специалистов. Исследовательская работа его осуществлялась в следующих направлениях: 1) грамматический строй киргизского языка; 2) его фонетическая система; 3) диалектология и история киргизского языка; 4) сопоставительная грамматика русского и киргизского языков; 5) язык памятников древнетюркской письменности.

Научную деятельность Игоря Алексеевича Батманова условно можно разделить на три периода: 1) с начала 30-х годов до 2-й половины 40-х годов; 2) со 2-й половины 40-х до 50-х годов; 3) 50-е и последующие годы.

К первому периоду относятся преимущественно учебники, учебные пособия, методические указания, программы. К таким работам можно отнести: «К методике преподавания узбекского языка в русских школах ФЗС и ШКМ Узбекской ССР» (1932), «Очерк синтаксиса узбекского языка» (1933), «Элементарные основы грамматики киргизского языка» (1933), «Учебник киргизского языка для русских» (1936) и др.

Более значительные в научно-теоретическом отношении труды его написаны после середины 30-х годов. Эти труды посвящены актуальным проблемам киргизского языка, имеющим как теоретическое, так и практическое значение.

Одной из главных работ этого периода является научно-описательная грамматика киргизского языка («Грамматика киргизского языка», вып. I—III и другие грамматические труды).

В «Грамматике киргизского языка» он особое внимание обращает на грамматические категории, четко излагает грамматический строй киргизского языка, дает подробную классификацию частей речи.

В ряде его работ находят освещение вопросы киргизского языка на фоне истории и культуры народов Средней Азии. К такого

рода работ относится «Краткое введение в изучение киргизского языка» (1947). Им написана фундаментальная работа по фонетике киргизского языка, представленная в качестве докторской диссертации.

Ряд работ И. А. Батманова посвящен изучению диалектов и говоров киргизского языка, сюда относятся: «Северные диалекты киргизского языка» (1938), «К генезису диалектов киргизского языка» (1944) и др.

Из киргизоведов он первым выделил основные классификационные признаки диалектов и говоров киргизского языка.

Вопросам формирования и развития киргизского литературного языка посвящены его работы: «Пути развития и источники формирования киргизского литературного языка» (1947), «Вопросы формирования киргизского литературного языка» (1952).

Целая серия научно-методических работ его посвящена изучению русского языка преподавателями нерусской национальности. К числу таких работ можно отнести «Русский язык как предмет преподавания в киргизской школе» (1947), «Пути развития и грамматические средства русского и киргизского языков» (1947), «Заметки по методике преподавания русского языка в киргизской школе» (1958).

В этих работах излагаются такие вопросы, как, например, воспитательно-образовательное значение русского языка, исторические связи и взаимоотношения русского и киргизского языков, методы и методические приемы преподавания русского языка в киргизской аудитории, сопоставительное изучение русского и киргизского языков.

В последние годы И. А. Батманов много времени, сил и энергии отдавал изучению языка памятников древнетюркской письменности. Его труды по изучению языка памятников древнетюркской письменности наглядно иллюстрируют широту и глубину его знаний.

Начиная с 50-х годов он публикует ряд общетюркологических работ, посвященных изучению языка памятников древнетюркской письменности: «Язык енисейских памятников древней тюркской письменности» (1959), «Современная и древняя Енисейка» (1962) и др.

В этих трудах ученым подвергнут подробному и обстоятельному анализу язык енисейских памятников древнетюркской письменности, освещается вопрос об отношении ряда современных тюркских (киргизского, тувинского, хакасского, алтайского и др.) языков к языку этих письменных памятников.

В основном в этих трудах в трактовке лингвистических фактов главное внимание обращено на историзм.

И. А. Батманов оставил более 70 печатных работ по вопросам киргизского языка и общей тюркологии.

Партия и правительство высоко оценили его заслуги. В 1954 г. ему было присвоено почетное звание Заслуженного учителя

Киргизской ССР, а в 1956 г.—почетное звание Заслуженного деятеля науки Киргизской ССР. За долголетнюю и плодотворную работу И. А. Батманов был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть».

Игорь Алексеевич принимал самое ак-

тивное участие в общественной жизни вузов и научно-исследовательских учреждений. В начале Великой Отечественной войны он вступил в ряды Коммунистической партии.

И. А. Батманов скончался в расцвете творческих сил. Многие его планы и научные замыслы остались неосуществленными.

Группа товарищей

БОЛОТ МУРАТАЛИЕВИЧ ЮНУСАЛИЕВ

18 февраля 1970 г. на 57 году жизни скоропостижно скончался член редколлегии журнала «Советская тюркология», видный советский ученый-тюрколог, действительный член Академии наук Киргизской ССР, доктор филологических наук, профессор Болот Мураталиевич Юнусалиев.

Б. М. Юнусалиев родился в 1913 году в семье киргизского крестьянина-бедняка.

Свою трудовую деятельность он начал в 20-летнем возрасте в органах народного просвещения. В 1938—1941 гг. был редактором киргизского издания «Ведомостей Верховного Совета СССР». В годы Великой Отечественной войны с 1942 по 1945 гг. он в рядах Советской Армии. С 1945 по

1951 гг. Б. М. Юнусалиев — министр просвещения Киргизской ССР.

В 1949 г. ему была присуждена ученая степень кандидата, а в 1954 г. — доктора филологических наук. В том же году он был утвержден в ученое звание профессора и избран действительным членом Академии наук Киргизской ССР.

В 1954—1960 гг. Б. М. Юнусалиев — ректор и одновременно заведующий кафедрой киргизского языка Киргизского государственного университета. За время работы на кафедре он создал академические курсы по истории киргизского литературного языка, киргизской диалектологии, киргизской исторической лексикологии.

Б. М. Юнусалиев вел большую научную работу, был исследователем широкого диапазона. Он автор более 50 опубликованных трудов по истории киргизского языка, диалектологии и манасоведению.

Большую научную и прикладную ценность имеют исследования Б. М. Юнусалиева «Киргизская лексикология», «Проблема формирования общенародного киргизского языка» и «Киргизская диалектология».

В области киргизской исторической лексикологии значительный интерес представляет его докторская диссертация «Развитие корневых слов в киргизском языке», в которой автор анализирует сравнительные исторические данные как о близкородственных, так и о дальнеродственных киргизских языках. Эта работа Б. М. Юнусалиева привлекла к себе внимание не только тюркологов, но и монголистов. Основываясь на сравнительных данных по истории тюркских и монгольских языков, автор впервые в киргизском языкознании поставил вопрос о связи истории киргизского языка с историей киргизского народа.

Значительную работу вел Б. М. Юнусалиев в области манасоведения. При его непосредственном участии был подготовлен и издан сводный вариант киргизского героического эпоса «Манас» в 4-х томах, к которому им было написано большое предисловие.

Много времени и сил Б. М. Юнусалиев отдавал научному редактированию. Он один из редакторов большого «Русско-киргизского словаря», редактор «Орфографического словаря киргизского языка», в течение ряда лет был ответственным редактором республиканского научно-педагогического журнала «Мугалимдерге жардам» («В помощь учителю»).

Б. М. Юнусалиев—один из видных деятелей народного образования Киргизии. Им написан ряд научно-популярных статей по вопросам развития народного образования в республике.

Активную научно-исследовательскую работу Б. М. Юнусалиев совмещал с педагогической деятельностью, был одним из основных авторов программ и учебной лите-

ратуры по киргизскому языку для университетов и педагогических вузов. Много энергии он отдавал подготовке и воспитанию научно-педагогических кадров. Ряд видных языковедов и литературоведов Киргизии является его учениками.

Б. М. Юнусалиев неоднократно избирался членом ЦК КП Киргизии, депутатом Верховного Совета Киргизской ССР.

Он награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями СССР.

Все, кто знал Б. М. Юнусалиева, работал с ним, навсегда сохраняют память об этом крупном ученом, замечательном педагоге-воспитателе, неутомимом труженике, отзывчивом товарище и принципиальном коммунисте.

Группа товарищей

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
 НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
 РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

ГЛАСНЫЕ

А а — а
 Ä ä — э
 У у — ы
 I i — и
 О о — о
 Ö ö — е
 U u — у
 Ü ü — ү
 Е е — е

СОГЛАСНЫЕ

В b — б	Н n — н
ž ž — ч, дж (چ)	Р r — р
С s — ц	ng — Нг (ڭ)
^v v — ч (چ)	ʝ — и ₁
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	^v s — ш
G' g' — к (ك)	T t — т
γ γ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, х ₁ (ح, ه)	Z z — з
J j — j	^v Z z — ж
K k — ка (ق)	θ θ — ç (ث)
K' k' — ке (ك)	Δ δ — з (ذ)
L l — л	X x — х (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

- долгота
- ∪ краткость
- ~ носовой
- ' мягкость

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Ш. Ширалиев, С. Г. Асадуллаев</i> (Баку). Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология»	3
<i>M. Sh. Shiraliyev, S. G. Asadullayev</i> (Baku). Soviet Turkic Philology and the Problems of the Journal „Sovetskaya Turkologiya“	3
<i>А. Н. Ковонов</i> (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	16
<i>A. N. Konofov</i> (Leningrad). P. M. Melioransky and Russian Turkology	16

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). Основные теоретические направления в изучении алтайской семьи языков	24
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). The Main Theoretical Trends in the Study of the Altai Language Family	24
<i>Г. А. Абдурахманов</i> (Фергана). Изучение синтаксиса тюркских языков	42
<i>G. A. Abdurahmanov</i> (Fergana). A Study of the Syntax of Turkic Languages	42
<i>Б. А. Серебренников</i> (Москва). О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа -лар в тюркских языках	49
<i>B. A. Serebrennikov</i> (Moscow). On Some Minor Details of the Process of Formation of the Plural Forming Affix -lar in the Turkic Languages	49
<i>Г. П. Мельников</i> (Москва). Причины нарушений симметрии в системе киргизских гласных	54
<i>G. P. Melnikov</i> (Moscow). The Causes of Breaking the Symmetry in the System of the Kirghiz Vowels	54
<i>А. А. Юлдашев</i> (Москва). Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях	70
<i>A. A. Yuldashev</i> (Moscow). The Conversion in the Turkic Languages and its Representation in Dictionaries	70
<i>Э. Р. Тенишев</i> (Москва). Новый источник чагатайского языка раннего периода	82
<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). A New Source of the Early Period Chagatai Language	82
<i>Э. А. Умаров</i> (Ташкент). К истории одного фразеологизма из словаря В. В. Радлова	84
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). On the History of One Phraseological Expression from V. V. Radlov's Dictionary	84

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Э. Н. Наджип</i> (Москва). О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках	87
<i>E. N. Najip</i> (Moscow). On Medieval Literary Traditions and Mixed Written Turkic Languages	87
<i>И. В. Стеблева</i> (Москва). Рифма в тюркоязычной поэзии XI века	93
<i>I. V. Stebleva</i> (Moscow). Rhyme in Poetry of the XIth Century Turkic Languages	93

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Шукюрли* (Баку). Об узбекском переводе «Ат-тухфат-уз-закйя фил-лугат-ит-туркийя» 100
- A. Shükürlü* (Baku). On the Uzbek Translation „At-Tuhfat-üz-Zäkiyâ Fil-Lûgat-it-Türkiyâ” 100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). О работе III тюркологической конференции в Ленинграде 106
- V. G. Guzev, N. A. Dulina, L. Y. Tugusheva* (Leningrad). The III Conference of Turkologists in Leningrad 106
- А. З. Абдуллаев* (Баку), *Г. П. Мельников* (Москва). Берлинский форум алтаистов 109
- A. Z. Abdullayev* (Baku), *G. P. Melnikov* (Moscow). The Berlin's Forum of Altayists 109
- М. И. Адилов, Г. Н. Асланов* (Баку). Всесоюзная научная конференция по тюркским языкам 112
- M. I. Adilov, G. N. Aslanov* (Baku). All-Union Scientific Conference on the Turkic Languages 112
- М. Касумов* (Баку). Обсуждение вопросов культуры речи 117
- M. Kasimov* (Baku). A Discussion on Problems of Culture of Speech 117

ХРОНИКА

- Итог многолетних поисков 119
- The Results of Longterm Searches 119
- Игорь Алексеевич Батманов** 120
- Igor Alekseyevich Batmanov** 120
- Болот Мураталиевич Юнусалиев** 123
- Bolot Muratalievich Yunusalijev** 123
- Международная фонетическая транскрипция на основе латинской графики, принятая редакцией журнала «Советская тюркология» 125

Рукописи не возвращаются

Технический редактор *Н. Г. Фарзанэ*

Корректор *А. Е. Сорокина*

Сдано в набор 3/II-1970 г. Подписано к печати 9/IV-1970 г. ФГ 01150. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 10,96. Уч.-изд. л. 11,85. Заказ 73. Тираж 2200. Цена 1 руб.

Типография им. 26 бакинских комиссаров Комитета по печати Совета Министров Азербайджанской ССР, Баку, ул. Али-Байрамова, 3.

1 руб.